

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

материалы

IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции
«Утопические проекты в истории культуры»
на тему «Российский опыт конструирования будущего»

UTOPIAN PROJECTS IN THE HISTORY OF CULTURE

Proceedings of
the 4th National Scientific Conference
“Utopian Projects in the History of Culture”
themed
“Russian Experience of Framing the Future”

Ростов-на-Дону — Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2023

УДК 141.81:[930:008](063)
ББК 87.6+71.1 я431
У85

Печатается по решению организационного комитета конференции.

Редакционная коллегия:

Т.С. Паниотова (отв. редактор), Е.В. Сердюкова,
Е.Ю. Липец, М.А. Романенко.

У85 Утопические проекты в истории культуры : материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего» / Южный федеральный университет ; [редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др.]. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. – 220 с.

ISBN 978-5-9275-4437-0

Книга представляет собой сборник докладов и тезисов, подготовленных участниками IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего» (Ростов-на-Дону, 26-28 октября 2022 г.).

Тема настоящей конференции выбрана неслучайно. Прошедший год был юбилейным для некоторых знаковых событий российской истории: 210-летия А. И. Герцена, 100-летия образования СССР и 100-летия «философского парохода». Участникам предлагалось продолжить традицию сопоставления различных позиций в изучении утопии и антиутопии, обсуждения актуальных проблем функционирования утопического сознания в обществе и новых фундаментальных подходов, позволяющих охватить как ценностное измерение утопии, так и ее онтологические и гносеологические основания. В современной ситуации представляется особенно важным осмыслить место и роль утопии в отечественной культуре, проанализировать особенности русской утопической традиции и разнообразие ее форм, а главное – выявить наряду с критической стороной утопии и ее позитивное содержание. Представленные тексты иллюстрируют основные направления работы конференции и намечают новые подходы в изучении (анти)утопии.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-4437-0

УДК 141.81:[930:008](063)
ББК 87.6+71.1 я431

© Южный федеральный университет, 2023
© Авторы статей, 2023

РАЗДЕЛ I. ГРАНИ УТОПИИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

ГЕРЦЕН, ЛЕНИН И... «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»: ОБ УТОПИЧНОСТИ «СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА»

Г.В. Драч

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. В центре внимания автора – утопические основания «советского проекта». Их анализ выстроен в историко-культурной перспективе – вокруг знаковых событий, отмеченных в 2022 году юбилейными датами: 210-летием со дня рождения А. И. Герцена, основоположника русского утопического социализма; 100-летием образования СССР и 100-летием «философского парохода». В ряду этих событий, персонифицирующих историю, по мысли автора, прослеживается вектор ее развития, фундируемый утопической идеей (русская идея) – переустройства общества в соответствии с некими идеалами.

Ключевые слова: Герцен, СССР, советский проект, Ленин, «философский пароход», Бердяев, Ильин, Булгаков.

Утопические проекты в истории культуры как нельзя лучше характеризует российский (советский) как наиболее выразительный из них. Его известная формула: «Российский опыт конструирования будущего». Действительно, грандиозный, выразительный проект, обосновывающий идеалы справедливости и свободы от капиталистической эксплуатации, «десять дней, которые потрясли мир». Прогрессивное человечество, как считалось тогда, бредило идеями мирового коммунизма. Социальная справедливость как художественный образ обладал огромной притягательной силой. В литера-

туре – Максим Горький, в поэзии – Владимир Маяковский, в кино и музыкальном и изобразительном искусстве. песенное и художественное искусство, кино. Наука и образование. Устремлённость в будущее – челюскинцы, Чкалов, Гагарин. Разве могло это быть утопией? Социальный пафос. Новые типы социальной стратификации, социальные лифты. Это в стране. Развал колониальной системы, победа над фашизмом – это в мире. Но почему же так отчётливо проявилась и дала о себе знать обратная сторона советского проекта. Описано Иваном Буниным – «Окаянные дни». Разноречивые тенденции видели и Алексей Толстой – «Гадюка», и Ильф и Петров, и многие другие.

Обращение к этой теме связано с тремя памятными датами отечественной истории, приходящимися на 2022 год и образующими социокультурный вектор развития: 210-летием со дня рождения А.И. Герцена, основоположника русского утопического социализма; 100-летием образования СССР и 100-летием «философского парохода». Герцен – СССР (персонифицируем в Ленине как основоположнике советского государства) – «Философский пароход» (репрезентируют такие разные фигуры как Николай Бердяев, Иван Александрович Ильин, Сергей Булгаков). Но благодаря выстраиваемому историко-культурному ряду вырисовывается некоторый вектор исторического развития, фундируемый утопической идеей (русская идея) – переустройства общества в соответствии с некими идеалами. Будучи идеалами (образцами), они оказываются глубоко коренящимися в подсознании (по отношению к индивиду), но являющимися в коллективном, массовом сознании (Платон). Отсюда и сохраняющаяся в человек способность различать прекрасное и безобразное, добро и зло.

Вектор утопического развития России в силу глобальности проекта может быть представлен лишь в эскизах. Герцен – автор теории «крестьянского социализма» («русского социализма»). С 1831 года юношу увлекают теории западноевропейского утопического социализма, — учения Сен-Симона, Фурье, Оуэн. Постепенно вокруг него складывается небольшой дружеский кружок, в который входят Н. Огарев, Н. Сатин, Н. Сазонов, Н. Кетчер и др. в 1839 году возвращается в Москву. Там он примыкает к западникам. В 1847 году

А.И. Герцен уезжает за границу. Следующие два года становятся переломными в его судьбе. Разочарования в Европе, тоска по Родине, личные проблемы – всё это вызывает глубокий душевный и духовный кризис и приводит к радикальным изменениям мировоззренческих позиций. Александр Иванович приходит к мысли об особом месте и роли России в процессе исторического развития – в направлении создания социалистического общества.

На пути осуществления социалистического идеала, однако, возникали препоны и рогаки социальной цензуры, и «цензором» оказывался сам русский быт и нравы, сам русский народ (который современные либералы, не стесняясь, обвиняют в «холуизме»), продуцирующий два серьезных препятствия. Это, во-первых, «немецкая» монархия в России и, во-вторых, патриархальный строй самой общины. А.И. Герцен считал, что для преодоления этих препятствий необходима социальная революция. Выдвигался проект – революционное просвещение масс, подготавливающее их к революционному перевороту. Лежащая в основании этого проекта привнесённая идея была точкой бифуркации в утопическом будущем России. Герценовское же «угораздило же меня родиться в России» становится лейтмотивом либерального самосознания.

Обращение к Ленину могло бы начаться с двух работ. Первая – «Кто такие друзья народа и как они воюют с социал-демократами». Пока лишь заметим неприятие крестьянских реалий России. Народники не туда смотрят, в России давно идёт расслоение и развивается капитализм. По западному образцу – другого капитализма мир не знал. Ленин предстаёт как западник, наследник западного утопического дискурса. Вторая работа «Государство и революция» – не менее утопическое подражание опыту Парижской коммуны. Нельзя не заметить, что в этих случаях востребованным оказывался европейский проект культурного и цивилизационного развития, кумулировавший идеи античного утопизма – подчинить индивида общественным целям. И не менее утопического (хотя несравненно более кровавого) европейского Просвещения. В центре которого находилось индивидуальное, претендующее на совершенство социальное мироустройство («мы наш, мы новый мир построим»). Но с русским проектом сравнение на этом может и закончиться.

Как бы ни ссылаться на Маркса, который признавал возможность массовых движений, «если идеи овладевают массами». Речь в этих случаях шла о локальных движениях и школах типа платоновской Академии и аристотелевского Ликейя. На Востоке же они (школы Конфуция) носили иной характер – они были инкорпорированы в массовую идеологию и востребованы властью. Большевизм как политическое течение всё же оставался в большой мере сектантским течением, если сравнивать его с массовыми движениями в том же Китае, воодушевленными утопическими проектами «исправления имён» и установления мировой справедливости. Но вот тут – то и оказывается, что и в России такого рода утопизм жил в недрах народного сознания. И носителем его была крестьянская община, которая, как признавал Маркс в письме к Вереи Засулич, могла стать основой социализма в России. Но ведь речь шла совершенно о другом, о вековой «отсталости» России, с которой «ленинская гвардия» боролась самыми радикальными мерами. И эту чуждость и даже враждебность собственной стране носители социалистической идеи, как и современные либералы, не стеснялись выражать.

Обратимся к третьей точке бифуркации - идеям мыслителей «философского парохода». Николай Александрович Бердяев – обосновывает идею свободы, он персоналист и то же время допускает, что русский коммунизм наиболее соответствует русскому человеку. Антиномии русского характера. Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет. Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическими темпами, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства.

Иван Александрович Ильин. Тысячелетия, равнинная природа, суровый климат. Единая государственная власть и система управления. Вот основные тезисы его культурно-политической системы. Славяно-русское племя никогда не угнетало других, но всегда было вынуждено свергать их гнёт. Императив – не изменять своей природе – преодолевает порочный бег вслед за западной утопией. Духовно культурное единство России несопоставимо не с дерзкими замыслами Наполеона, ни с наскоро построенной федерацией Штатов Северной Америки. Мировое значение России в том, что русская революция есть следствие и проявление глубокого мирового кризиса. Выход для России состоит в том, что социально-культурное единство России строится на признании духовной власти, утрачиваемое западноевропейским человечеством...

Сергей Николаевич Булгаков. У Булгакова – Бог дан и находится выше или вне доказательств бытия Божия, каковы бы они ни были. Все от философии и лишь по недоразумению попадают в догматическое богословие, для которого Бог дан и находится выше или вне доказательств. В философии же, для которой Бог задан как вывод или порождение системы, идея о Нем приводится в связь со всеми идеями учения, существует лишь этой связью. Разумеется, философия неизбежно стремится при этом к абсолютному, к всеединству, или к Божеству, насколько оно раскрывается в мышлении; в конце концов и она имеет своей единственной и универсальной проблемой – Бога, и только Бога. В этом смысле философия тоже есть богословие, точнее – богоискание, богоисследование, богомышление.

Вера и надежда говорят нам о чуде, т.е. о новом откровении, о творческом акте Бога в человеке. Пантеистическая правда (вспомним Карла Йоля) «имманентизма» не должна быть просто отринута. Православие не в том, чтобы отрицать мир в его подлинности, но в том, чтобы делать центром человечности обращенное к Богу, молитвенно пламенеющее сердце, а не автономное мышление и не самоутверждающуюся волю: вне этого центра и мир перестает быть космосом, творением и откровением Божиим, но становится орудием для искусителя, обольщающим кумиром. Мироотрицание, с которым связано нечувствие истории, к сожалению, констатирует Булгаков. «София открывается в мире как красота, которая есть

ощутимая софийность мира. убрались своими яркими красками, стали как бы живыми цветами?»

Итак, в области софийного постижения мира видели русские мыслители преодоление соблазнов западного утопического проекта. Этот проект есть вообще переходящая ступень. Он относителен, а не абсолютен, ибо западное мышление не есть Логос, а только логика, логика же преодолевается на высших ступенях проникновения в софийность мира. «Логика обманывает, и сама обманывается абсолютной формой своего универсализма». Великая правда, и, конечно, в этой формальной универсальности своей косвенно она отражает софийность мира, однако только косвенно. Великая правда русского мировоззрения, объединяющего Россию с Востоком, состоит в настойчивом утверждении этой всеобщей одушевленности мира. Утопические основания культуры – как идея вечности природы и спасения человека несовместимы с западной идеей технического прогресса и прогрессирующего потребления. Мир является великой иерархией идейных существ, идейным организмом, и это софийное постижение мира сближает его с «поэтическим восприятием».

РУССКАЯ УТОПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ

Т.С. Паниотова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трансформации парадигмы изучения утопии. Прослеживается изменение содержания утопии, а также отношения к ней в различных исторических контекстах. Дается понятие русской утопической традиции и показывается, что традиционно утопическая традиция понималась как совокупность произведений *утопического социализма* определенной жанровой направленности. Обосновывается необходимость отхода филологических и политологических трактовок утопии и всестороннего ее изучения с использованием культурологических подходов.

Ключевые слова: утопия, русская утопия, утопический социализм, исследования утопии.

Несмотря на рост количества научных исследований, посвященных утопии и утопическому мышлению, термин «утопия», так же как и понятия одного с ним синонимического ряда (утопизм, утопическое, утопическая традиция и др.) по сей день не обрели однозначной трактовки. Но, как в свое время заметил испанский ученый Ф. Аинса, «сколь далеки мы не были от того первоначального смысла, который Т. Мор вложил в понятие «утопия», не будем забывать, что семантическая размытость характерна не только для этого слова. Все понятия со счастливой судьбой, производные от заглавия книги или от имени автора, приобрели затем многозначность, и рано или поздно их приходилось определять заново» [Аинса, 1999: 19].

Прежде чем говорить о смене исследовательских парадигм¹, следует понять *что*, собственно, меняется, и дабы не увязнуть в «концептуальном болоте», определить, что будет нами пониматься под утопической традицией. Если не ограничиваться «узким» пониманием утопии (образ идеального общества литературный жанр, посвященный описанию идеальных миров, и т.п.), а посмотреть шире, т.е. принять во внимание утопическую интенцию в целом, все ее разнообразные проявления, то в любой культуре можно обнаружить свою «утопическую традицию». Во все времена и в любой стране встречаются образы идеальной жизни, представления о том, каким *должно быть* хорошее общество, т.е. «ев-топии». Воображаемые миры обнаруживают себя в искусстве и религии, в мифах и праздниках, в поговорках и песнях любого народа, не исключая русского. Они становятся фактами реальной жизни, формами активного протеста, революционного движения. Сопоставление этих утопических форм с теми пространствами, в которых протекает наша реальная жизнь, показывает, что эти несуществующие миры, тем не менее, обладают подлинной реальностью в нашем сознании с присущей ему «продуктивной способностью воображения».

Как справедливо отмечали Л.Геллер и М. Нике, «история утопий в России не может ограничиваться только обзором текстов, отвечающих канону литературного жанра, созданного Томасом Мором. Утопии письменные (литературные и нелитературные), утопии

¹ Парадигма, согласно словарному определению, это «теория (или модель постановки проблем), принятая в качестве образца решения исследовательских задач» [Философский энциклопедический словарь, 1983: 477].

практическое (опробованные на деле), а также утопизм сам по себе наслаиваются и образуют сложное целое» [Геллер, Нике, 2003: 5]. Вот это «сложное целое» мы и называем утопической традицией.

На протяжении длительного времени утопическая традиция понималась либо как совокупность произведений литературного жанра, корпус текстов которого составляли разнообразные романы – путешествия, описывающие неизвестно где существующие страны с идеальным общественным устройством и совершенными людьми, причем эти произведения должны соответствовать критериям *утопического социализма*. В целом это были дескриптивные утопии, а движение вперед состояло в расширении эмпирической базы за счет вовлечения в научную орбиту все новых и новых текстов, их изучения, анализе, систематизации. На этом пути преуспели историки и литературоведы, и исследование утопий в содержательном плане и во взаимосвязи с социальной практикой позволило воссоздать широкую панораму утопических поисков.

Говоря о нашей стране, следует отметить заслуги академика Волгина и его школы, создавших солидную эмпирическую базу в виде опубликованных текстов и аналитических работ. Но сразу же следует сказать и об *ограниченности* этой эмпирической базы: ее составили исключительно труды социалистов-утопистов, а сама серия книг называлась «Предшественники научного социализма». В 1970-е разработкой проблем истории и теории *русского утопического социализма*, его связей с русским и европейским марксизмом активно занимались отечественные философы и политологи (И.К. Пантин, А.И. Володин, Г.Г. Водолазов, В.А. Малинин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос). Велись дискуссии о родоначальнике утопического социализма (коммунизма), в лице которого разные авторы в зависимости от своих методологических ориентиров и политических симпатий видели и Т. Мора, и Т. Мюнцера, и Г. Бабефа, и др. мыслителей. Некоторыми авторами исследовательское поле расширялось за счет включения в *утопический социализм* народных традиций «правды» и «воли», которые на деле далеки весьма от социализма, хотя и близки собственно утопической традиции.

В это же время появились и первые работы, посвященные природе и сущности утопического сознания (Э.Я. Баталов, А.И. Володин, Ч.С. Кирвель, И.Н. Неманов, В.П. Шестаков и др.). Перестройка

и последовавшая за ней «переоценка ценностей» иначе расставила акценты: утопии был вынесен суровый приговор как «спутнице тоталитаризма». Казалось бы, судьба утопии predetermined. Однако уже тогда В.А. Чаликова предупреждала: «Мы не можем ставить перед собой задачу: бороться с утопией, искоренять ее. Если утопизм – не навязанная какой-то идеологической группой система взглядов на мир, а свойство нашего сознания, нашей духовной жизни, то сражение с утопией есть сражение с самим собой» [Чаликова].

На Западе также существовала определенная цикличность в отношении утопии. Но уже в 70-е гг. XX века здесь начинается складываться новое исследовательское направление *Utopian studies* (Исследования утопии). Это была теоретическая рефлексия и на массовые протестные движения в Европе и Америке, с одной стороны, и на реалии «развитого социализма» с другой. В 1975 г. в Северной Америке появилось *The Society for Utopian Studies (SUS)*, а в 1988 году группой британских ученых было создано *Utopian Studies Society – Europe (USS)*.

Падение Берлинской стены, «бархатные революции» в странах Восточной Европы, распад СССР привели к тому, что активизировались противники утопии, которые видели в ней, говоря словами Ф. Аинсы, «обветшалую идеологию», которую следует «выбросить в сундук» [Аинса, 2017: 5]. Однако нежелание признать «смерть утопии», согласиться с ее ненужностью или даже вредом, вылилось в ежегодное проведение масштабных научных конференций, собирающих на своих площадках исследователей утопии со всего мира; в издание трудов известных теоретиков утопии – Э. Блоха, Ф. Аинсы, Л. Сарджента, Е. Шацкого, Д. Сувина и др.; выход в свет специализированного журнала *Utopian Studies*, информационного бюллетеня *Utopus Discovered*, издание многочисленных сборников научных трудов, материалов конференций со статьями известных ученых, смысл которых можно выразить словами Р. Якоби: «Спасти дух утопии, а не ее букву» [Jacoby, 2005: 14].

Уже на основе сказанного выше можно предположить в каком направлении шло формирование новой исследовательской парадигмы. Оно включало требование отказаться от «проективной» утопии во имя утопии «иконоборческой». Утопия превращалась в синоним «мятежной» мыслительной позиции, суть которой – в противостоя-

нии или сопротивлении существующему порядку, в поиске другого общества, радикально отличного от существующего. Одна из самых цитируемых сегодня авторов Рут Левитас трактует утопию как метод социального анализа, основанный на воспитании желания лучшего образа жизни [Levitas, 2011]. Этот метод, по мнению Левитас, позволит вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов на утопию в практическую сферу.

Аргентино-мексиканский философ Горацио Гулдберг Черутти синтезировал основные грани новой исследовательской парадигмы. По его мнению, она охватывает следующие аспекты в понимании утопии: жанр, горизонт, практическая деятельность и функция внутри историографического дискурса [Guldberg Cerutti, 1989: 186]. *Утопический жанр* непосредственно связан с созданием моделей «специфически организованного мира, продуманного в малейших деталях» как это имеет место в «Республике» Платона или в самой «Утопии» Томаса Мора; *Утопический горизонт* – это ценностное ядро, присутствующее во всякой идеологии или программе политического действия, «ансамбль артикулируемых ценностей, недостижимость которых в настоящем, порождает стремление к их достижению в будущем; *Утопическая деятельность* – это уже практическое воплощение утопических идей в виде различных революционных сообществ, коммунитарных общин, утопических колоний и даже государств; наконец, функция внутри историографического дискурса – это как бы саморефлексия утопии, поиск ответа на вопросы: почему возникают утопии? Для чего и из чего они создаются? Что входит, и что не входит в историю утопической мысли? В чем смысл самой истории? Каков образ будущего? и т.д. Все эти вопросы можно свести к одному: почему существует история утопий, если они в конечном счете не могут быть полностью осуществлены?

И здесь возникает вопрос: что мы, отечественные ученые, можем предложить читателю в контексте новой парадигмы? Трудно не согласиться с Л. Морщихиной, М. Сусловым, что в этой исследовательской области мировая наука ушла от нас далеко вперед. Несмотря на наблюдаемый сегодня интерес к утопической проблематике, поддерживаемый в немалой степени и нашими усилиями, несмотря на немалое количество защищенных диссертаций и вышедших книг и

статей, мы значительно уступаем западным исследователям в глубине погружения в тему и в широте научного дискурса.

Во-вторых, особую тревогу вызывает острая нехватка фундаментальных работ по русской утопической традиции на исторической родине. Точнее, они есть, но крайне малочисленны. Имена Б.Ф. Егорова, Н.В. Ковтун, некоторых других авторов кардинально не меняют общей картины. В целом историографический дискурс выглядит бледно. Может быть лучше дело обстоит с обнаружением и изучением новых произведений утопического жанра? Здесь также не наблюдается прорыва. А если обратиться к утопическим «горизонтам» и практикам, то здесь по-прежнему витает дух К. Поппера с суровыми разоблачениями утопии: «Путь к идеалу всегда ведет через колючую проволоку». Можно сказать, что в изучении русской утопической традиции мы не продвинулись вперед даже по сравнению с советским периодом и его вниманием к утопическому социализму. Пора, наверное, нам освободиться устаревших штампов и признать, что утопия, во-первых, не является тоталитарным «монстром», которого надо бояться или стыдиться; во-вторых, что многогранность утопии не позволяет замкнуть ее в рамках жанра. Утопия «разлита» в современной культуре, а это ставит перед нами, культурологами особые задачи.

Трудно не согласиться с М. Суловым, который писал: «Представляется перспективным перевод исследований утопии из области философии в область культурологии, где больше возможностей анализировать этот предмет в историческом контексте. Такая историзация позволила бы возвратиться от общего академического теоретизирования к конкретным фактам возникновения утопий в России» [Сулов, 2013: 39].

Действительно, кому, как не культурологам, изучать утопическое измерение культуры, идеалы и ценности, являющиеся, по Хейзинге, ее скрепами; кому, как не нам исследовать утопии в архитектуре и искусстве; воплощение утопических идей не только в литературных произведениях, но и в массовых праздниках, компьютерных играх, социальных сетях? С понятием «утопия», заметил Г.В. Драч в предисловии к книге «Миры утопии», «связана оценка не только прошлого, но и настоящего, сама суть происходящих событий и не только в

нашей стране, но и ... в мировом масштабе» [Драч, 2023: 7]. Поэтому нужно, освободившись от идеологических шор, используя новые методологические подходы, обратиться к изучению утопической традиции в контексте российской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аинса, Ф.** Реконструкция утопии. М.: «Наследие», 1999. 207 с.
- Аинса, Ф.** Кризис и воскрешение утопии // Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Томаса Мора). Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2017. С. 5-13.
- Геллер, Л., Нике, М.** Утопия в России. СПб.: «Изд-во Гиперион», 2003. 312 с.
- Драч, Г.В.** Предисловие // Паниотова Т.С. Миры утопии. Избранные труды. Ростов-на-Дону – Таганрог: изд-во Южного федерального университета, 2022. С. 7-19.
- Суслов, М.Д.** Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 34-41.
- Чаликова, В.А.** Идеологии не нужны фантазеры // Альманах «Завтра». Вып. 2. М.: изд. «Текст», 1991. С. 206-211. URL: https://www.orwell.ru/lit?a=rc&doc=/a_life/chalikova/russian/r_innf (дата обращения: 1.10.2022).
- Философский энциклопедический словарь. Москва: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
- Guldborg Cerutti, H.** Itinerarios de la utopía en nuestra América / De varia utópica. Ensayos de utopía (III). Bogotá, 1989.
- Jacoby, R.** Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. New York: Columbia University Press, 2005.
- Levitas, R.** The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford : Peter Lang. 2011. P. 47-68.

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК «ПЕРЕКРЕСТОК» ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ УТОПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

А.И. Пигалев

Волгоградский государственный университет (Волгоград)

Аннотация. Доклад посвящен анализу взаимодействия сопутствующих модерну утопий с утопической традицией, присущей российской культуре. Идеология модерна, выйдя за пределы места своего появления, оказывала влияние не только на свои отстающие внутренние области, но и на общества, с которыми соседствовала, которые точно так же считались отстающими и должны были ждать своей очереди на модернизацию. Модернизация этих обществ привела к появлению синкретических утопических образов, которые нередко опирались на архаические чаяния и анти-модернистские опасения. Сочетая модерн с традицией, синкретические утопии смягчали влияние модернизации, хотя в некоторых случаях они и имели оттенок дистопии. Подчеркивается, что такой синкретизм, который, однако, допускал возможность большого нарратива, характерен для раннего периода модернизации России. Исходя из этого, исследование, результаты которого излагаются в докладе, сосредоточивается на прослеживании изменений основных принципов и схем формирования синкретических утопических образов «на перекрестке утопий» в истории России вплоть до ее соприкосновения с постмодерном. Его идеология, поставив под вопрос саму возможность большого нарратива, стерла границу между утопиями и проектами, которые считаются осуществимыми, включая сам модерн.

Ключевые слова: модерн, традиция, взаимодействие утопий, большой нарратив, малый нарратив, синкретизм.

По своему изначальному смыслу термин «утопия» всегда указывает на некоторую область пространства и времени, появление которой иногда неизбежно, но, чаще всего, становится возможным при наличии особых предпосылок, выполнении определенных условий и целенаправленного приложения усилий. При этом область пространства и времени, предсказываемая утопией, характеризуется не столько содержанием, которое в нем находится, сколько структурой этого содержания. Поскольку утопия предлагает определенную модель совершенного человеческого общества, с ней связывается тип

созданного людьми общественного единства, которое в соответствии с теми или иными критериями признается совершенным.

В то же время, знание условий реализации утопии и возможность влиять на них контролируемым образом позволяет избежать ее наступления. Это особенно важно тогда, когда будущее начинает выглядеть уже не как утопия в ее изначальном смысле, а как пугающая и нежелательная дистопия [Claeys, 2017]. Точно так же, открывшаяся неизбежность или хотя бы возможность связанных с такими прогнозами или проектами общественно-исторических катастроф означает еще одно изменение смысла утопии в качестве формы знания.

Утопия становится знанием не желаемым, но сомнительным и, в конечном счете, порицаемым и отрицаемым, а сами понятия «утопия» и «утопичность» становятся обозначениями ущербности и неосуществимости соответствующих проектов. Изменение смысла утопии существенно понижают ее статус в общей иерархической системе знания. Соответствующий дискурс в качестве большого нарратива превращает утопию в малый нарратив, который, к тому же, часто считается выражением ложного знания и даже незнания. После изменения смысла понятия утопии она относится к низшим уровням иерархии знаний, либо вообще выводится за пределы этой иерархии.

Идентичность утопии в качестве знания, утратившего свой высший статус, ставшего «утопическим» и вследствие этого подчиненным, определяется не ее устойчивой сущностью, а подвижным различием, отделяющим ее от остального знания. В этом отношении утопия после утраты ею высшего статуса, изменения ее смысла и обретения им преимущественно отрицательных коннотаций становится образом всего другого. В состоянии такой зависимости утопия не имеет собственного голоса и не может репрезентировать себя.

В качестве подчиненного знания утопия репрезентируется исключительно через посредство господствующего знания, представляя в виде соседствующего с этим знанием образа подчиненного и безмолвного другого. Соответственно, главной задачей исследования такой утопии становится анализ динамики взаимоотношений с ней господствующего знания, истина и высший статус которого до

определенного момента не вызывает сомнений. Особый интерес эта динамика имеет тогда, когда знание, противопоставляемое утопии, само начинает обнаруживать утопические черты. Именно такие превращения происходят при взаимодействии культуры модерна и так называемых традиционных культур.

Идеология модерна, соприкоснувшись с традицией, относит все предшествующие формы проектирования будущего к утопиям. Однако после достижения состояния нигилизма в качестве начала саморазрушения идеологии модерна, она сталкивается с тенденцией интерпретации своей сущности в качестве теоретического обоснования столь же утопического проекта. В результате модернизируемая культура начинает выглядеть как «перекресток» изначальной и привнесенной в процессе модернизации утопических традиций, ни одна из которых в исторической ретроспективе не может считаться господствующей.

В этом отношении история модернизации русской культуры не является исключением. Особого внимания заслуживает поздний этап взаимодействия модерна с традицией в российской культуре, который начался 1917 г. после победы в стране социалистической революции. Эта победа, подавив прочие возможности, привела к опосредованной и выборочной модернизации, проходившей в процессе форсированной индустриализации. Поэтому она имела результатом частичную вестернизацию, которая не затрагивала фундаментальные принципы установившейся идеологии.

При этом марксистская модель будущего выступала в качестве продукта науки и не была непосредственно связана с домарксистскими проектами коммунизма, которые уже самими основоположниками марксизма однозначно относились к утопии. Таким же, впрочем, изначально было отношение и к отечественным народническим моделям совершенного общества, соперничавшим с марксизмом до революции. В высшей степени утопическими считались также социологические модели отечественной философии, в которых совершенное общество связывалось с принципом всеединства.

Позже на уровне официальной марксистской идеологии утопиями стали считаться также формирующиеся на Западе модели экономического и политического либерализма. Конец этого этапа вза-

имодействия модерна с традицией обозначается завершением марксистского проекта в России. Это привело к тому, что Россия на некоторое время снова стала «перекрестком» западных и незападных утопических традиций, в отсутствие большого нарратива обретших собственные голоса. В итоге на роль нового большого нарратива начал претендовать дискурс глобалистского проекта в качестве логического продолжения проекта модерна.

Главным препятствием к осуществлению такой претензии парадоксальным образом стали первоначально осторожные, а затем все более настойчивые указания на возможность исчерпания проекта модерна на фоне не подтвердившихся прогнозов «конца истории». Констатации исчерпания проекта модерна, выраженные как признание наступления эпохи постмодерна [Sim, 2010], либо вызывали подозрения в изначальной утопичности самого проекта модерна, либо вели к допущению возможности множества таких проектов, которые следует считать равноценными.

Это является следствием того, что прежний дискурс западного модерна утрачивает статус большого нарратива, превращаясь лишь в один из голосов в их единстве (см. о множественности проектов модерна, в частности [Eisenstadt, 2003]). В этом единстве объединяются западные и незападные утопические традиции, и они не противопоставляются друг другу, прежде чем примириться, как этого требует, к примеру, гегелевская диалектика. Таким образом, идеология постмодерна, поставив под вопрос саму возможность большого нарратива, стерла границу между утопиями и проектами, которые считаются осуществимыми, включая сам модерн.

БИБЛИОГРАФИЯ

Claeys, G. *Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions.* Oxford : Oxford University Press, 2017. XII, 556 p.

Eisenstadt, S.N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities.* Leiden; Boston : Brill, 2003. Part I–II. Part 1. XII, 488 p. Part II. VIII, 489–1055 p.

Sim, S. *The End of Modernity: What the Financial and the Environmental Crisis is Really Telling Us.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. XII, 220 p.

СБОРКА «СОЦИАЛЬНОГО» В УТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.В. Рассадин

Тверской государственный университет (Тверь),
Институт философии РАН (Москва)

Н.Н. Козлова

Тверской государственный университет (Тверь)

Аннотация. Тема утопии является в социально-философском дискурсе одной из наиболее актуальных и дискуссионных. Авторы полагают, что уникальность утопического дискурса заключается в его конструктивистском потенциале, в том, что его объектом является не частичное улучшение общественной системы, а проектирование новой целостной модели общества. Цель исследования – анализ утопии как способа конструирования общества, рассмотрение механизмов и моделей сборки социального. По мнению исследователей, в рамках конструирования нового проекта «социального» основополагающей является связка «критика–проект». Авторы приходят к выводу, что уникальность утопического дискурса заключается в том, что его объектом является не частичное улучшение общественной системы, а проектирование новой целостной модели общества.

Ключевые слова: утопия, сборка социального, конструирование общества, модель общества, социальное проектирование.

Соотношение и взаимосвязь социального и утопического дискурсов, их комплементарный характер создают в социогуманитарном знании уникальное проблемное поле. Единый предмет – «социальный мир», нарративный характер обоих дискурсов, общая направленность на социальное преобразование, а также сложные отношения внутри дискурсов между дескриптивными и прескриптивными высказываниями детерминируют непрерывную рефлексивную работу как по дифференциации указанных дискурсов, так и по определению принципов их сосуществования и влияния на социальную действительность. Проектирование социальных изменений и трансформаций, реальный исторический опыт их воплощения продемонстрировали крайне неоднозначные результаты рецепции утопических моделей, что, впрочем, не понизило концептуальную привлекательность и возможности развёртывания утопического дискурса.

Эвристический и прогностический потенциал утопического дискурса в совокупности с рисками применения моделей утопических социальных проектов фундирует мощный исследовательский интерес ко всей утопической интеллектуальной традиции. Полярность возможных оценок утопии как концептуальной основы для реализации проектов социальной инженерии отметил еще К. Поппер в классической работе «Открытое общество и его враги», разделив все подобные проекты на «утопическую инженерию» и «поэтапную инженерию» (с очевидным для него неприятием первой модели) [Поппер, 1992: 199]. Дискуссионность темы утопии в призме философского постижения феномена «социальное» отражает и «партийную» принадлежность теоретиков, объясняющих и обосновывающих значимость утопического дискурса в современных социальных построениях. Тем самым можно говорить о различных вариантах анализа утопии, определяемых методологическими программами исследователей. Так, словенский философ фрейдомарксистского толка С. Жижек утверждает, что «основная задача сегодня состоит в том, чтобы заново открыть утопию, пространство утопии», и видит в этом вопрос выживания: «будущее будет утопией – или его не будет вообще» [Философские наброски..., 2012]. В рамках социалистической парадигмы утопия рассматривается как начальная точка отсчета для разработки коммунистического идеала [Бонташ, Прозорова, 1983: 68–74; Волгин, 1953], а для современных марксистов утопия является одной из важнейших категорий социальной теории [Павлов, 2021]. Многообразие трактовок утопии, понимаемой как идеальное общество, образ мышления, литературный жанр и др., существенно обогатилось в социальной философии во второй половине XX в. «Утопия представляет собой одно из тех редких явлений, в которых понятие неотлично от реальности, а онтология совпадает с репрезентацией», – считает Ф. Джемесон [Джемесон, 2011]. Российский исследователь А.В. Павлов пишет, что социальная мысль в наши дни реформатирует понимание утопии как «готового плана» социальных изменений и задает ее новое звучание – социологи интегрируют утопию в научный дискурс, тогда как философы представляют утопию как надежду, стремление к лучшему будущему [Павлов, 2021].

Обращение к идеям утопических проектов усиливается в переходные периоды развития социума, которые стимулируют ин-

теллектуалов рефлексировать причины и факторы сложившейся в обществе кризисной ситуации и вырабатывать сценарии ее преодоления в будущем. Современные исследователи утопизма отмечают его социально-конструктивистскую функцию, утверждают, что утопический дискурс обладает мощным потенциалом как инструмент проектирования, конструирования, моделирования воображаемого vs альтернативного социального порядка. Как отмечает современный западный исследователь Фернандо Аинса, «утопия проникнута желанием доказать, что всегда бесполезно изучать конкретные возможности преобразования действительности, даже не претендуя на немедленное решение всех вопросов» [Аинса, 1999: 54].

Каким образом конструируется, «собирается» общество в одной из первых утопий – «Золотой Книге, столь же полезной, как забавной, о наилучшем устройстве государства и новом острове Утопия» Томаса Мора? [Мор, 1953]

По мнению исследователей, в рамках конструирования нового проекта «социального» основополагающей является связка «критика–проект» [Токарева, 2011]. Так, утопия Т. Мора построена на зеркальной конструкции: в первой части книги он выявляет недостатки современного ему английского общества, во второй части предлагает альтернативное социальное устройство, сложившееся на острове Утопия. По нашему мнению, основанием оправдания проектирования нового общества является осознание невозможности изменения модели современного Т. Мору общества. Отмечая бесперспективность улучшения социального бытия в рамках современной автору модели общества, мыслитель наводит читателей на мысль, что конструирование утопии выступает единственной возможной формой критики наличного устройства и единственным способом выражения его социального творчества. В существующей модели социума, по мнению Т. Мора, отсутствует стремление к общему благу: внутренняя политика огораживания приводит к тому, что овцы «поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города» [Мор, 1953: 63], а агрессивная внешняя политика государей не позволяет «надлежаще управлять» приобретенными царствами [Мор, 1953: 55]. Отметим, что, анализируя общественное устройство на острове Утопия, мыслитель оставил без внимания способы перехода к данной модели социального проекта. Т. Мор акцентирует внимание на

описании механизмов функционирования общества, по сути, игнорируя формы и направления развития общества: социальная жизнь утопийцев не имеет темпорального измерения, общество застывает во времени и пространстве. В основе конструирования нового типа общества лежит компендиум ценностей, направленных на обеспечение условий для «духовной свободы и образования» каждого члена общества [Мор, 1953: 126]. В то же время анализ устройства Утопии показывает, что, задавая параметры общества, автор проекта вынужден создавать единый организм, внутри которого субъекты действуют как единое целое. Генерируя устройство Утопии, Т. Мор предполагает сборку социальных элементов с его генезиса: идеальное устройство общества является продуктом гения одного человека – легендарного основателя общества Утопа. Видимо, мыслитель ориентируется на классические примеры древнегреческих законодателей, не доверяя рядовым гражданам выработку конституирующих общество норм. Причем правила, заложенные изначально, не подвергаются изменениям на протяжении последующих периодов существования общества. Складывается впечатление, что Утопия – депотенцированное общество, лишенное источников развития. Тем не менее, проект Т. Мора отличается всеохватностью, под прицелом мыслителя оказываются все сферы общественной жизни в их взаимосвязи, внутренняя и внешняя политика государства. В частности, автор книги переосмысливает источник опасности для государства: если традиционно угрозой для страны представляли агрессивные интересы другого государства, то автор Утопии полагает, что государству угрожают риски экономического и социального порядка, а именно нищета. Государству Т. Мор придает исключительно важную роль, тщательно выписывая хорошо организованные государственные формы. Признавая несовершенную природу человека, мыслитель возлагает на государство традиционные карательные функции, а также ответственность за поддержание равновесия в обществе.

Таким образом, можно определить следующие результаты анализа Утопии: во-первых, уникальность утопического дискурса заключается в его конструктивистском потенциале, в том, что его объектом является не частичное улучшение общественной системы, а проектирование новой целостной модели общества. Это требует от утопистов глубокой рефлексии/критики социальной реальности,

исследовании структуры общества, его принципов, (не)основных элементов, системы связей между ними. В этом смысле утопии базируются на принципе реализма, а авторы утопий вносят существенный научный вклад в анализ общественного бытия. Во-вторых, конструирование утопии фундируется антропологическими взглядами автора – новая трактовка смысла человеческой жизни, ценностного измерения и социального назначения личности реализуется через проектирование соответствующего социального бытия. В-третьих, поскольку конструирование новой модели общества в утопии предполагает жонглирование компонентами социального в различных сборках, то утопия является способом введения в дискурс *новых* идей, практик, раздвигающих горизонты социального, и позволяющих адаптировать читателя к толерантному восприятию *иного* социального порядка, признания различных моделей общества, преодоление исторической неизбежности жизни в данной модели общества, простор для фантазии с открытым финалом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аинса, Ф. Реконструкция утопии: эссе / пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф. М.: «Наследие», 1999. 207 с.

Бонташ, П.К., Прозорова, Н.С. Томас Мор. М.: Юрид. лит., 1983. 110 с.

Волгин, В.П. Историческое значение утопии // Мор Т. Утопия. М.: АН СССР, 1953. С. 6–28.

Джемесон, Ф. Политика утопии // Художественный журнал. 2011. № 84. URL: <https://web.archive.org/web/20140510040751/http://permm.ru/menu/xzh/archiv/84/politika-utopii.html> (дата обращения: 10.06.2022).

Мор, Т. Утопия. М.: АН СССР, 1953. 296 с.

Павлов, А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.

Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1: Чары Платона. 448 с.

Токарева, С.Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2(14). С. 113–118.

Философские наброски скифской утопии от Славой Жижека (2012). URL: <http://newskif.su/2012/skifskai-utopii-slavoy-jijek/> (дата обращения: 15.05.2025).

ЛАБИРИНТЫ РОССИЙСКИХ УТОПИЙ: ГДЕ ПРОЛЕГАЕТ ГРАНИЦА МЕЖДУ PRO ET CONTRA ВООБРАЖАЕМЫХ МИРОВ

И.В. Желтикова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
(Орел)

Аннотация. Проблема различения утопии и антиутопии – это в первую очередь проблема принятия или неприятия, смоделированного писателем или философом мира. При таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический. На примере российских утопий, начиная с XVIII века до современности демонстрируются три подхода к оценке социальных моделей – внутренний, авторский и читательский. Внутренний подход, предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми. В этом случае при антиутопической модели герои заявляют свое несогласие с существующим порядком вещей, противостоят ему. Внешний подход, строится на читательской или авторской оценке описываемой реальности, при этом авторская позиция чаще всего демонстрируется при помощи иронии и сарказма, а читательская оценка никак не выражается в самом тексте произведения.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, российские утопии, критерий оценки.

Проблема различения утопии и антиутопии – это в первую очередь проблема принятия или неприятия, смоделированного писателем или философом мира. При таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический – сами населяющие мир герои, автор или читатель? Некоторые исследователи утопий полагают, что утопии непременно изображают статический, застывший в своем совершенстве мир, а в антиутопиях обязательно присутствуют герои, чей конфликт с существующим социальным порядком обнаруживает для читателя недопустимость описываемых отношений. Однако можно назвать целый ряд произведений, которых особенно много в русской литературе, чей мир достаточно подвижен, при сохранении близости к идеалу или же герои которых не приходят в конфликт

с окружающей их реальностью и только авторские комментарии (часто вкладываемые в уста «наблюдателя») указывают читателю на антиутопический характер представленной картины мира. Мы предлагаем для маркировки произведения как утопического или антиутопического использовать оценку смоделированного мира с трех позиций, во-первых, самими населяющими его людьми (внутренняя оценка), во-вторых, оценку описываемого мира автором (авторская оценка), в-третьих возможную оценку общественной модели читателями (внешняя оценка).

Приемлемость такого подхода, мы предлагаем проиллюстрировать, рассмотрев в качестве материала наиболее репрезентативные российские утопии, созданные начиная с 18 века до современности. К этим произведениям мы относим: «Путешествие в землю Офирскую» М.М. Щербатова, «Сон» А.Д. Улыбышева, «4338-й год», «Последний квартет Бетховена», «Город без имени» и «Последнее самоубийство» В.Ф. Одоевского, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Рай земной или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века» К.С. Мережковского, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова, «В мире будущего» Н.Н. Шелонского, «Через полвека» С.Ф. Шарапова, «Красная звезда» и «Инженер Мэгни» А.А. Богданова, «Республика Южного Креста» В.Я. Брюсова, «Королевский парк» А.И. Куприна, «Ночь перед свадьбой» и «Тарантас» В.Ф. Соллогуба, «Котлован» А.П. Платонова, «Мы» Е. Замятина, «Туманность андромеды» и «Час Быка» И.А. Ефремова, «Полдень», «Страна багровых туч», «Обитаемый остров» и «Попытка к бегству» А. и Б. Стругацких, «Сто лет тому вперед» и «Поселок» К. Булычева, «Москва 2042» В.Н. Войновича, «День опричника», «Сахарный кремль» и «Теллурия» В.Г. Сорокина, «Кысь» Т.Н. Толстой, «Геном» и «Танцы на снегу», «Звезды холодные игрушки» и «Звездная тень» С. Лукьяненко, «Другая Россия» Б. Акунина. Конечно, представленный список не выглядит оптимальным и может быть изменен как в сторону расширения, так и сужения. При его формировании для нас важным было наличие в анализируемом произведении описания социального устройства и размышлений об его идеальности или, напротив, недопустимости.

Рассматривая избранные произведения с первой позиции, то есть, «глазами их героев», мы видим, что большинство вышепере-

численных произведений могут считаться утопиями, поскольку жители вымышленных миров не просто не приходят в противоречие с социальной действительностью, но часто специально подчеркивают оптимальность существующего порядка. Радуются социальной гармонии и разумным законам неведомого общества и мудрости его правителя не только гости земли Офирской, описанной Щербатовым, но и жители постапокалиптического Кузмичевска из «Кыси» Толстой, технические новшества видятся залогом социального благополучия не только путешественникам в будущее из «Сна» Улыбышева, «4338-го года» Одоевского и «В мире будущего» Шелонского, но и построссийским гражданам «Сахарного Кремля» и «Теллурии» Сорокина. Позитивная оценка опыта построения более рационального и совершенного общества встречается не только в романе Чернышевского, но и сказке-утопии Мережковского, романах Богданова, рассказе Чайнова. Традиционная для классических утопий тема сравнения старого-несовершенного мироустройства с новым-идеальным присутствует в размышлениях героев «Часа Быка» Ефремова, «Обитаемого острова» Стругацких, «Поселка» Булычева. Интересно, что герой замятинского «Мы» Д-503 также вспоминает свой бунт с осуждением, «в полной мере осознав», в конце романа, совершенство Единого Государства.

Антиутопичность моделируемой реальности обнаруживается героями, прямо заявляющими свое несогласие с существующим порядком вещей. Герои осмысливают причины социального упадка в «Городе без имени» и «Последнем самоубийстве» Одоевского и «Республике Южного Креста» Брюсова, решают проблемы соотношения свободы и социального равенства в романах Лукьяненко «Звезды холодные игрушки» и «Звездная тень», комментируют наблюдаемый социальный абсурд в «Москве 2042» Войновича.

Рассматривая выбранные произведения со второй «авторской» позиции, мы замечаем, что позитивное отношение вкладывается автором в уста героев и, в этом плане, вторая группа утопий во многом совпадает с первой, а вот негативное отношение автора к созданному миру чаще всего демонстрируется в русских утопиях не напрямую, а при помощи иронии и сарказма. Так в произведении Мережковского «Рай земной или Сон в зимнюю ночь», герой, оказавшийся

в буколическом обществе будущего, где на экваториальных островах ведут беззаботную жизнь селекционно выращенные, неизменно счастливые «друзья», часто недоумевают по поводу принятых в нем порядков, пытается их оспорить, однако неизменно соглашается с хранителем природной гармонии - наставником «друзей». Здесь авторская позиция проявляется в самих вопросах, которые оставляют у читателя чувство несогласия с идеальностью описываемого мира. Часто антиутопичность произведения выражается автором лексическими средствами: новояз в «Котловане» и «Мы», лозунги «Москвы 2042» (самый яркий из них - «Кто сдает продукт вторичный – тот питается отлично»). Полны горькой иронии «День опричника» и «Сахарный кремль» Сорокина, «Кысь» Толстой. Роман в романе, утопия, сочиненная подозреваемым по сфабрикованному делу шпионов из «Другой России» Акунина, обнаруживает свою антиутопическую природу не только финалом, в котором идеальное общество постепенно сползает в тоталитаризм, но и самим форматом ее репрезентации в произведении – «следователь», стремящийся заставить невиновного человека оговорить себя, хвалит его сочинение.

Сложнее выделить читательскую оценку сконструированной в литературном произведении социальной реальности, поскольку при достаточно нейтральной позиции изложения, выбранной автором, отношение читателей к описываемому миру может существенно отличаться в зависимости как от временной дистанции между созданием и прочтением произведения, так и от мировоззренческих и идеологических позиций читателей. Ярким примером несовпадения авторской и читательской оценки описываемого мира может служить «Город Солнца» Т. Кампанеллы, произведение, которое относится многими современными читателями скорее к антиутопической модели, нежели реальному социальному идеалу. С течением времени может меняться и позиция самого автора по отношению к собственному произведению. Так, Станислав Лем, исключил из собственного прижизненного собрания сочинений роман-утопию «Магеллановы облака», настаивая даже, на недопустимости его переиздания, полагая, что запечатленная в романе реальность, вдохновленная коммунистическими идеями, может показаться соблазнительной для читателей, лично не переживших опыт социалистической жизни.

Примерами таких амбивалентных для читателей произведений являются, в первую очередь, утопии, значительно отстоящие от нас по времени создания. Не всех современных читателей привлечет общество с жестким сословным делением из «Путешествия в землю Офирскую» Щербатова или «Сна» Улыбышева. Едва ли вызовут единодушно симпатию и религиозные доминанты идеального общества из романа Шелонского и рассказа Чаянова. От мировоззренческих установок читателя зависит оценка идеального марсианского мира из романов Богданова, построенного на культе рационализма или антипрогрессистского «Рая земного» Мережковского. Один из самых ярких утопических образов будущего, созданный Ефремовым в романах «Туманность андромеды» и «Час Быка» переосмысливается Лукьяненко в произведениях «Звезды холодные игрушки» и «Звездная тень». Миры обеих дилогий могут приниматься читателями за утопию или антиутопию, выступая предметом для дискуссий о возможности не только воплощения, но и моделирования социального идеала. Собственно, как и позднее творчество Стругацких, в котором миры светлого будущего постепенно теряют свою идеальность, и незаметно дрейфуют в область непреодолимых социальных рифов.

В этой работе, на примере российских утопий, мы попытались показать реализацию трех подходов к оценке социальных моделей как утопий или антиутопий. Внутренняя оценка предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми, которые выражают свое удовлетворение от социальной реальности, счастливы в ней или приходят с ней в конфликт, прямо осуждают и критикуют конкретные проявления социального порядка или мироустройство в целом. Авторская оценка описываемого мира в случае с утопиями, как правило, совпадает с «внутренней оценкой» и выражается через позицию героев. В случае антиутопий авторская позиция чаще всего демонстрируется при помощи иронии и сарказма. Внешняя читательская оценка описываемой реальности никак не выражается в самом тексте произведения и может меняться в зависимости от времени жизни и мировоззренческой позиции читателя.

РАЗДЕЛ II. УТОПИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДИАГНОЗ, ПРОГНОЗ И ПРОЕКТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ: КОНЦЕПЦИЯ А. ПАНАРИНА

Е. В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена историософскому наследию Александра Сергеевича Панарина, одного из современных отечественных политологов и культурологов, размышлявших о судьбах России и мира. Во взглядах Панарина выделяются, во-первых, его представления о сложившейся в 90-е годы в России социокультурной ситуации, квалифицированной в его терминологии как «доминирование Моря над Сушей», США над Россией, финансового капитала над производственным. Во-вторых, дается описание прогноза автора о неизбежном ответе, который вынуждены будут дать традиционные общества, и, прежде всего, Россия, временному гегемону современности, англо-американской цивилизации, построенной на обмене и обмане, на господстве символических форм и грабеже. С точки зрения автора, это будет достойный ответ, способный изменить ход истории. В-третьих, в статье показан проект А.С. Панарина относительно духовной и идейной перестройки будущей России, которая должна, отказавшись от западных ориентиров, выработать свои пути. Эти пути автор видит в духовном единении православия, древнекитайских учений и индуизма, так как Индия и Китай – тоже «цивилизации Суши», и их объединяет с Россией общий культурный и моральный пафос.

Ключевые слова: вызов и ответ, цивилизация, культура, Суша и Море, глобалистический проект, антиглобализм, однополярный мир, многополярный мир.

Особенностью историко-культурного знания нередко является ярко выраженный интерес к деятелям отдаленного прошлого, чем древнее – тем лучше. При подобном подходе в тени остаются современные авторы и их идеи, которые творились совсем недавно, если, конечно, не считать пару десятилетий гигантским историческим периодом. В предлагаемых тезисах я хочу обратиться к позиции одного из таких недавних авторов, которого, к сожалению, уже нет с нами. Это Александр Сергеевич Панарин (1940–2003), написавший много ярких книг, посвященных философии и логике истории. Панарин стремился осмыслить ход исторических событий, и его волновала в первую очередь Россия, ее наличная и грядущая судьба. В этом смысле он выступает и как философ истории, и как политический публицист, и как утопический мыслитель, строящий проекты возможного будущего. Примечательно, что наличные события, связанные со специальной военной операцией, означающей деятельное выступление России против коллективного Запада, были им в значительной степени предвидены в конце 1990-х – начале 2000-х годов, еще до прихода В.В. Путина на пост президента страны.

А.С. Панарин – ярко выраженный антиглобалист, во многом разделяющий исходную методологическую позицию и лексику традиционализма, широко представленного в России работами А.Г. Дугина [Дугин, 2000]. Названия его текстов таковы: «Глобальное политическое прогнозирование», «Политология. О мире политики на Востоке и Западе», «Искушение глобализмом», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Стратегическая нестабильность XXI века», «Народ без элиты», «Правда железного занавеса». Как видим, ряд работ были изданы уже после ухода автора из жизни. Размышления мыслителя не ограничиваются чисто политологическими вопросами, он широко внедряется в философию и культурологию, стремясь и дать прогноз, и построить проект будущего, который касался бы практически всех сторон развития общества.

Итак, взглянем коротко на *диагноз, прогноз и проект*, созданные А. Панариным, опираясь при этом прежде всего на его работу «Глобальное политическое прогнозирование» [Панарин, 2000].

Но прежде два слова о методологии. Автор исходит из представления, восходящего к А. Тойнби [Тойнби, 2008], о *вызове и ответе*,

которые относятся в первую очередь к законам развития культуры как совокупности традиций и ценностей. Именно *культура* (тип цивилизации) определяет вероятностные траектории развития событий, она – первична, и кроме заложенных в ней программ, содержит конкретные возможности *ответов на вызовы*, поступающие как извне, так и изнутри. В современную эпоху, считает А. Панарин, традиция с ее архетипическим багажом была потеснена явлением *модерна*, содержащего отказ от традиционного, ориентацию на непрерывные новации и рационально-бюрократический аппарат, которому свойственны одномерность и жесткость. Модерн в противоположность традиции, ориентированной на духовное, порождает человека «тираноборца» и потребителя. Тенденция к господству модерна возобладала в геополитическом отношении в том ареале планеты, который мы называем сейчас «коллективным Западом», а Панарин пользуется традиционалистской метафорой Моря (атлантизм). Море (Запад) противостоит Суше (Востоку, России), представленной прежде всего евразийством. Цивилизациям Моря свойственен авантюризм, неразборчивость в средствах, безответственность, двойные стандарты, склонность к хитрости и грабежу (пиратская психология), в то время как Цивилизациям Суши – основательность, трудолюбие, ответственность, моральность, духовность. Здесь работают также метафоры Дома и Корабля. Культуры, привязанные к земле, имеют дело с реальными предметами, а пиратский Корабль «детей моря» толкает их к оперированию текучими и пустыми символами, которыми они подменяют реальные предметные отношения. Отсюда в современной западной цивилизации тенденция к выдвиганию на первый план финансового капитала в ущерб реальному производству.

Диагноз. К началу XXI века идеи Просвещения, тесно связанные с предшествующим христианством, в цивилизации Моря исчерпали себя, они переродились в *постмодернизм*, который, с одной стороны, стал разлагать все идейные скрепы предшествующей культуры, в с другой - освятил и открыл дорогу *глобалистическому проекту*, основанному на идеях западного либерализма (точнее, либертаризма, стремящемуся устранить национальные государства). Это проект тотального господства Запада, с крушением СССР он на-

чал осуществляться, подчиняя себе цивилизации Суши. Его задача – разрушение чужих национальных традиций и государственной обособленности с целью создания *однополярного мира*. Такой мир должен быть построен исключительно на принципах господства финансового капитала и доминирования символической, сугубо информационно-сферной над всеми областями реальной жизни, производства и общения («конец истории» Ф. Фукуямы). Сложилась ситуация, когда цивилизации Суши фактически сделали жертвой либертаристской агрессии, подкупившей их компрадорские элиты сладкой потребительской жизнью и причастностью к мировому истеблишменту. С точки зрения А. Панарина, это путь деградации, поскольку либертаристская власть нацелена на господство «золотого миллиарда» и разрушение завоеваний культуры во всем остальном мире, она ведет к в худшем смысле слова к *архаизации* народов планеты, к потребительскому «раю» для немногих на базе ограбления большинства населения земли. Реальные богатства Суши будут обмениваться на пустые фантики финансовых проходов Моря. Сам западный постмодернизм и технократизм ведет к редукции во все сферах жизни и к подмене естественного искусственным, к обеднению и сознания, и архетипического багажа культур.

Прогноз. За вызовом, который Западный мир посылает человечеству, должен неминуемо последовать *ответ*. Евразия как континент Суши и Россия как ее «хартленд», сердцевина и срединная земля, неизбежно начнут противостоять глобалистской экспансии Запада, отстаивать свои национальные интересы и национальную экономику, возрождать собственные традиции и оборонять исторические ценности, на которые покушается постмодернизм. Развернется борьба с гегемонией финансового капитала над производственным, с доминированием исключительно виртуальной реальности над реальностью чувственной. Россия и страны Востока начнут свое совместное противостояние беспределу однополярного мира, перестанут подражать исключительно стереотипам Запада, откажутся от «миметической» экономики и культуры, навязывающей всем народам и культурам свои одномерные клише. А.С. Панарин утверждает, что грядущая фаза ответа актуализирует вместо *мимесиса анамнезис* – возрождение народами собственных великих традиций. Ни-

гилистические крайности позднего модерна будут преодолены, так же как неоязычество с его культом грубой силы. Либерально-финансовый утилитаризм начнет отступать, освобождая место для возрождения духовности, как христианской, православной, так и других мировых религий. В книге «Искушение глобализмом» [Панарин, 2003] автор говорит о том, что откачка маятника в сторону, противоположную западному финансовому и политическому тоталитаризму, будет начата новым российским президентом, хотя он и ставленник Б.Н. Ельцина. Ему просто ничего не останется как отстаивать независимость возглавляемого им государства.

Проект. Успешное преодоление однополярности и доминирования цивилизации Моря А.С. Панарин усматривает в единении России, Китая и Индии. Его привлекает идея «срединного пути» («чжун юн»), которая может помочь преодолеть расколотые полюса мира. Автор рассматривает единение цивилизаций Суши не только в политическом, экономическом и военном ключе, но именно как взаимодействие культур, где большую роль играют традиционные религии, гуманистическая мораль, обращение к духовности. В мировоззренческих проектах России и Востока он отмечает свободу от западной прагматики и открытость для единения как разных культур, так и культуры с природой. Именно эти страны, с его точки зрения, способны дать убедительную альтернативу будущего, без которой противоречия современности примут совершенно асоциальную форму. Тесные контакты необходимы также с «Югом планеты», африканскими странами, наиболее бедными и угнетенными. Автор придает большое значение единению «географической вертикали», которая может быть препятствием для западной экспансии, распространяющейся «по горизонтали» – с Запада на Восток. Не забывает А.С. Панарин и мусульманство, утверждая существование трех евразийских проектов российского (северного), мусульманского и китайского. Все вместе они способны быть мощным противовесом атлантизму.

Работы А.С.Панарина охватывают множество аспектов современной жизни, в них можно выделять и анализировать самые разные грани культурного и социального развития. С автором не во всем можно соглашаться, нередко он проводит, исходя из цивилизационного

подхода, довольно парадоксальные аналогии, например, аналогию большевизма и либертариизма как двух агрессивно-прометеевских, революционных доктрин, разрушающих устои цивилизации. Тем не менее, его творческое наследие представляет немалую ценность, в особенности с учетом того, что сегодня мы присутствуем при тех процессах битвы с однополярностью мира, которая была им описана двадцать лет назад. Работы А.С. Панарина стоит изучать, усматривая их место в общей линии теоретического антиглобализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дугин, А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 2000. 928 с.

Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.

Панарин, А. С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.

Тойнби, А.Д. Постижение истории : избранное. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.

ВЛИЯНИЕ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ПОПЫТОК ИХ ВОПЛОЩЕНИЯ НА НРАВСТВЕННУЮ АТМОСФЕРУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX-XX ВЕКОВ

В.М. Мапельман

Московский городской педагогический университет (Москва)

Аннотация. Утопические теоретические построения на протяжении всей истории своего существования не ограничивались только описанием облика будущего, ожидаемого, желаемого (или не желаемого) общественного устройства. Будучи обращенными к современникам, они оказались способными формировать у них позитивное (или негативное) отношение к себе, продвигая или препятствуя стремлениям воплощения их в жизнь. Утопические проекты тем самым обнаруживали заметное воспитательное и идеологическое воздействие, как на своих авторов, так и на их современников. Россия на грани двух веков, своим кризисным, противоречивым существованием сформировала питательную среду, способствующую восприятию утопических идей как достижимых, реальных, способных быть

реализуемыми в ближайшее время. Приверженность этим идеям продемонстрировала собственную чрезвычайную устойчивость и независимость от результатов попыток воплощения утопических проектов.

Ключевые слова: утопия, социум, идеология, нравственная атмосфера, социальный идеал, воспитание.

История утопических построений чрезвычайно длительна, обширна и разнообразна. В большинстве они представляют собой конструкции позитивного характера, в скрытой форме указывающие на основные болевые точки сиюминутного «реально существующего мира. Причём, главное в них – это... процессы, которые являются проблемными, противоречивыми, социально неоднозначными, принципиально неприемлемыми для авторов утопий» [Мапельман, 2021: 94]. Утопические проекты обычно обращены в будущее. Они описывают жизнь людей, где враждебные, негуманные обстоятельства изжиты и заменены обнадеживающими и/или привлекательными отношениями. Основной причиной появления утопических учений является очевидная несправедливость действующих общественных связей, защищаемых государством и обслуживающим его правом.

Активность утопического творчества проявляется в волновой (пульсирующей) форме. Так «история буржуазных революций XVII-XIX веков подтвердила существование связи между подъёмом утопической мысли..., с одной стороны, и состоянием социального и политического кризиса – с другой... К тому же революционная эйфория сплошь и рядом пробуждает в массах представление... о чуть ли не безбрежных возможностях революционеров, об их способности «творить чудеса»» [Баталов, 1989: 158, 160].

В основе любых утопических проектов лежат принципы справедливости, общественного блага и равноправия, преломляемые через призму их понимания отдельными личностями или общественным мнением с учётом конкретно-исторических условий [Святловский, 1923]. На сельском Востоке прослеживается стремление перенести на общество безупречную гармонию природы, а на ремесленно-промышленном Западе – строгие принципы управления и закономерности технического, машинного производства. Судя по всему, авторы утопий, увлечённые вопросами конструирования всеблагочного будущего, были и остаются уверенными в том, что их предложения

будут встречены с интересом, энтузиазмом или сочувствием значительным числом современников (прежде всего молодых). Возможно, поэтому большинство утопистов не только не сомневались в их привлекательности, а начиная с XVII-XVIII веков, нередко сами пытались воплотить их в жизнь. Масштабы этой деятельности колебались от общин и городов до островов, континентов и Вселенной.

Чем драматичнее и радикальнее реализовывались пути становления и переустройства капиталистических отношений, тем активнее создавались утопические проекты. В них находили свое выражение принципы свободы, равенства, братства и счастья людей, предлагались разного рода теоретические и художественные версии справедливого социального мира, где царит всеобщее благополучие. Реализует свои задачи английская буржуазная революция, и появляются «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Макария» С. Гартлиба, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения Гулливера» Дж. Свифта. Начинаются мощные и длительные революционные процессы во Франции и вниманию общества предстают произведения Ж. Мелье, Э.-Г. Морелли, Г. Бабёфа, Ш. Фурье. Формируется в конце XIX века национальный феномен буржуазных отношений в Соединенных Штатах Америки, и мы знакомимся с утопиями Э. Беллами, У. Хоуэллса и др. И если бы это было только теоретическим воплощением утопий. Так «Декларация независимости США» (принята в 1776 г.) провозглашает естественность стремления каждого человека к благу, приоритет демократии, прогресса и равенства, что и в наши дни многим кажется убедительным доказательством возможности практического воплощения утопических идеалов. И это несмотря на политический террор войн и революций, экономические и социальные кризисы, порожденные прогрессивными технологическими процессами. США стала страной, где попытки практически достичь счастливой, справедливой, благополучной жизни, в соответствии с утопическими рекомендациями, получили самое большое распространение.

А как же Россия? Её политическое бытие на протяжении всей истории представляла собой питательную среду для утопических построений. Этот вид творчества в русской культуре процветал всегда, укореняясь в народном искусстве (например, сказания о Беловодье, о граде Китеже) и находя выход в литературных сочинениях (например, «Путешествие в землю Офирскую» М.М. Щербатова). Остроту

положения длительное время удавалось снижать религии и церкви. Фактически все многочисленные конфессии, и прежде всего русская православная церковь, действовавшие на территории Российской империи, включали в свои учения представления о всеблагоем «периоде торжества правды Божьей на земле» (например, христианский и иудейский хилиазм). Однако ко второй половине XIX века обострение политико-экономической ситуации стало критическим, религиозные компенсаторы уже с ним не справлялись. Общественное внимание переориентировалось на утопии. «В современной России два рода политических утопий держатся наиболее крепко и оказывают известное влияние на массы своей привлекательностью. Это – утопия либеральная и утопия народническая. Либеральная утопия состоит в том, будто можно было бы, миром и ладом, никого не обижая,.. добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России... Народническая утопия есть мечтание интеллигента-народника и крестьянина-трудовика о том, будто можно было бы новым и справедливым разделом всех земель *устранить* власть и господство капитала...

Либеральная утопия – прикрытие своекорыстного желания новых эксплуататоров поделить привилегии со старыми эксплуататорами. Народническая утопия – выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии совсем покончить со старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда “заодно” устранить эксплуататоров новых, капиталистических» [Ленин, 1968: 117, 121]. Это было сказано в самом начале XX века, хотя в начале XXI века сложилась близкая ситуация.

В отличие от европейских вариантов утопий в России ориентир их воплощения в основном был сконцентрирован не на достижениях производства, техническом могуществе и справедливой политике государства, а на нравственном преображении человека. Если посмотреть на русскую литературу, начиная с XVIII-XIX веков (публицистическую, художественную, критическую) она вся насыщена идеями и образами (воображаемыми, ожидаемыми, рекомендуемыми целостно или фрагментарно) высоконравственного человека, существующего в высокоморальном обществе (М.М. Херасков, В.А. Лёвшин, А.И. Радищев, Н.Г. Чернышевский и др.). Во многом именно литература стимулировала движение к воплощению опи-

санного ею мира, то есть к организации общин (коммун), где все задуманное можно было бы осуществить. Например, коммуна «Криница», сложившаяся в 1886 году [Туган-Барановский, 1913], просуществовала несколько десятилетий.

Для этого необходимо было собрать единомышленников и в ходе дискуссий и согласований, принять всеми одобряемое решение. Эмоциональный энтузиазм, сохраняющийся в ходе организации и в начале функционирования общин, нередко угасал в будничных условиях, возникали разногласия. Наибольшая жизнеспособность была характерна для общин (коммун), где руководство осуществлял авторитетный харизматический лидер, собственность была обобществлённой, дисциплина строгой, культурный уровень членов невысокий или средний, национально-религиозный состав однородный.

И все же, практический опыт реализации утопических проектов в России продемонстрировал, во-первых, продуктивность многих их идей, во-вторых, успешность или ошибочность ряда целей и методов их воплощения, в-третьих, неугасающую и убедительную привлекательность большинства морально-нравственных ориентиров.

Сравнительный анализ эффективности существования коммун в США, Израиле и других странах, социалистический опыт СССР, Кубы, ряда государств Восточной Европы и Азии, параметры устойчиво внедряемого в наши дни универсального глобального «цифрового общества», позволяет утверждать, что утопические модели развития социума содержат в себе богатый потенциал (позитивный и негативный, лояльный и угрожающий) не только теоретического, но и практического характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баталов, Э.Я.** В мире утопий. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
- Ленин, В.И.** Две утопии // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 22. М.: Политиздат, 1968. С. 117-121.
- Мапельман, В.М.** Утопия и её разновидности как одномерные варианты настоящего // Утопические проекты в истории культуры. Материалы III Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2021. С. 92-96.
- Святловский, В.В.** Каталог утопий. М.: Госиздат, 1923. 100 с.
- Туган-Барановский, М.И.** В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. М.: Ленанд, 2015. 112 с.

А. И. ГЕРЦЕН О ТЕОРИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ: ОТ «ГЕРОИЧЕСКОЙ ИНТРОДУКЦИИ» ДО БАНАЛЬНОГО «БЕЗУМИЯ»

Е.В. Дианова

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов русского мыслителя А. И. Герцена относительно теорий западноевропейского утопического социализма. Показано юношеское увлечение учениями Сен-Симона и Фурье. Описано изменение отношения Герцена к adeptам сенсимонизма и фурьеризма, их попыткам реализовать социальные утопии на практике путем создания коммун, фаланстеров и колоний. Находясь в эмиграции, Герцен отмечал казарменные порядки в коммунах, в том числе в коммуне «Икария», созданной в Америке последователями Этьена Кабе. Позиция Герцена совпадала с мнением основоположников научного коммунизма, полагавших, что школы социалистов-утопистов постепенно вырождаются в религиозные секты.

Ключевые слова: французский утопический социализм, сенсимонизм, фурьеризм, коммуны, фаланстеры.

На формирование идейно-политических взглядов Александра Ивановича Герцена (1812-1870) большое влияние оказали теории европейских социалистов-утопистов. В 1830-е гг. в России многие молодые люди увлекались учением французского Сен-Симона, но «из всех русских поклонников сенсимонизма 30-х годов только у Герцена и Огарева увлечение новым учением переросло в глубокую симпатию социалистическим идеям, в верность им на всю жизнь» [Володин, 1966: 38, 102]. Герцен сам признавался в том, что «после 1830 года, с появлением сенсимонизма, социализм произвел в Москве большое впечатление на умы. Привыкнув к общинам, к земельным разделам, к рабочим артелям, мы видели в этом учении выражение чувства более нам близкого, чем в учениях политических» [Герцен, 1954-1959: 252]. Так «знакомясь с учением Сен-Симона, наша передовая молодежь впервые познакомилась тогда с западноевропейским социализмом» [Плеханов, 1926: 284].

Увлечение сенсимонизмом Герцен относил к временам беззаботной юности и учебе в Московском университете в 1829-1833 гг. –

лучшему периоду своей жизни. В то время вся университетская молодежь увлекалась разными идеями. Спустя много лет Герцен написал: «Середь брожения, середь догадок, усилий понять сомнения, пугавшие нас, попались в наши руки сенсимонистские брошюры, их проповеди, их процесс. Они поразили нас». «Сенсимонизм лег в основу наших убеждений» [Герцен, т. 8: 161, 162]. Пылкий интерес к сенсимонизму привлек внимание тайной полиции. В 1834 г. кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева был разгромлен, его участники подверглись преследованиям царской охранки, арестам и ссылке. В 1835–1841 гг. Герцен находился в ссылке в разных городах: сначала в Перми, затем в Вятке, во Владимире, Новгороде. В 1842 г. Герцен возвратился в Москву.

Из дневниковых записей того периода видно, что Герцен начал изучать труды социалистов Луи Блана, Консидерана, Фурье, Прудона. Из всех теорий его заинтересовало учение Фурье. Об увлечении Герцена фурьеризмом говорят записи в дневнике от 18 февраля 1843 г.: «Фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме, он дал такие основания, такие начала, на которых можно построить более фаланги и фаланстера». Судя по записям в дневнике, с весны 1844 г. Герцен знакомился с книгой «Предназначение общества» Консидерана. Прочтя ее, он пришел к выводу, что это сочинение «несравненно энергичнее, полнее, шире по концепции и по исполнению всего вышедшего из школы Фурье. Разбор современности превосходен, становится страшно и стыдно. Раны общественные указаны, и источники их обличены с беспощадностью». Хотя сочинение Консидерана было «хорошо, чрезвычайно хорошо», вместе с тем оно не означало «полное решение задачи» социального переустройства путем создания фаланг и фаланстеров, но жить «в широком и светлом фаланстере их тесновато» [Герцен, т. 2: 267, 359, 361]. Как видим, труды европейских мыслителей даже с учетом высказанных замечаний в целом не вызывали у Герцена сомнений в своей истинности и непогрешимости.

До 1847 г. Герцен жил в России, «частью как «свободный» обыватель, а частью в качестве ссыльного и поднадзорного грешника» [Плеханов, 1926: 269]. 31 января 1847 г. он проехал через пограничную заставу в Таурогене и с тех пор уже не возвращался на родину.

За границей Герцен стал жадно всматриваться в окружающую его действительность, отмечать новые веяния в общественном движении Западной Европы.

После поражения революции 1848 г., пережив духовный кризис, Герцен изменил отношение к французскому утопическому социализму. В «Письмах из Франции и Италии» он признался, что «во всех новых утопиях было много разьедающего ума и мало творческой фантазии». Переоценке учений социалистов способствовало торжество законов буржуазного общества, где «вместо благородных» идей и возвышенных целей появился новый «рычаг, приводящий все в движение, – деньги». Там, где ранее шли «прения о неотъемлемых правах человека, о государственной политике, о патриотизме, люди занимаются теперь одной политической экономией» [Герцен, т. 5: 58, 62, 185]. Причиной разочарования Герцена, увидевшего в европейских странах на месте рыцарских замков мещанские гостиницы, открытые для всех, «то есть для всех имеющих деньги», было мещанство. Мещанство, в центре которого стояла буржуазия, Герцен воспринял как окончательную форму западной цивилизации, в болоте мещанства он видел «смерть общества, начало гниения и разложения» [Иванов-Разумник, 1997: 21, 22].

Крушение идеалов юности породило у Герцена пессимизм. Поклонение доктрине Фурье расценивалось им как отсутствие собственной жизненной стратегии и желание «отказаться от собственной воли, чтоб прервать колебание и нерешительность». Герцен считал, что под влияние фурьеризма попадали неразвитые и склонные к зависимости от чужой воли люди: «Готовая организация, обязательный строй и долею казарменный порядок фаланстера если не находят сочувствия в людях критики, то, без сомнения, сильно привлекают тех усталых людей, которые просят почти со слезами, чтобы истина, как кормилица, взяла их на руки и убаюкала» [Герцен, т. 9: 116].

Ученики Фурье разрабатывали проекты коммунистических поселений, составляли точную смету фаланстера, которое было центром общественной жизни коммуны (фаланги) фурьеристов. По Герцену, фаланстер – идеал фурьеристов – это «не что иное, как русская община и рабочая казарма, военное поселение на гражданский лад,

полк фабричных» [Герцен, т. 7: 253]. Помимо проживания в одном здании, фаланстере, «фурьеризм имел определенную цель: труд, и труд сообща», «утопии французского работника постоянно склоняются к казенной организации работ, к казарменному коммунизму» [Герцен, т. 18: 354]. Там лишь «остался утомительный, тупой, безвыходный труд современного пролетария» [Герцен, т. 10: 198].

Герцен подверг критике не только представления утопистов об обществе будущего, но и коммунистические эксперименты по созданию фаланстеров с их казарменными порядками. Так, в 1854 г. в штате Техас французский социалист-утопист, последователь Фурье, Виктор Консидеран при участии А. Брисбейна организовал колонию «Соединение» («Réunion»), а в монастыре Сито (департамент Кот-д'Ор, на востоке Франции) после революции 1848 г. основана рабочая производственная ассоциация. В Клиши, недалеко от Парижа, в марте 1848 г. по проекту Луи Блана организовано кооперативное производственное товарищество портных.

Любые попытки социалистов изменить мир к лучшему вызывали у Герцена острое чувство отторжения и неприязни, потому что все коммуны создавались по одной схеме как в Европе, так и в Америке. В 1848-1849 гг. за океан отправилось почти полтысячи человек, последователей Этьена Кабе для устройства коммуны «Икартия». Икартияцами были «неугомонные французские работники, воспитанные двумя революциями и двумя реакциями». После революции 1848 г. они «выбились, наконец, из сил, сомнения начали одолевать ими; испугавшись их, они обрадовались новому делу, отреклись от бесцельной свободы и покорились в Икартии такому строгому порядку и подчинению, которое, конечно, не меньше монастырского чина каких-нибудь бенедиктинцев». Основанная на казарменных началах коммуна «Икартия» у Герцена получила названия: «кабетовская обитель, коммунистический скит, ставропигиальная, икартийская лавра» [Герцен, т. 9: 116].

Герцен дал коммуне «Икартия» звучные церковные определения (лавра, скит, обитель), «икарийская управа благочиния» как будто в подражание Марксу и Энгельсу, считавшим, что все школы социалистов-утопистов постепенно вырождались и превращались в религиозные секты, поэтому и давали соответствующие названия

общинам, которые создавались их учениками и последователями. В «Манифесте Коммунистической партии» основоположники научного социализма отозвались о «маленькой Икарии» как о «карманном издании нового Иерусалима» [Герцен, т. 4: 457].

Признавая «великую силу» социальных идей, русский мыслитель не мог не заметить ограниченность уравнилельно-социальных утопий. Для Герцена они исчерпали позитивный потенциал и не соответствовали реальным запросам времени: «Социальные идеи пережили свою героическую интродукцию, ни бархатный жилет верховного отца Анфантена, ни фаланстер Фурье, ни государственная барщина, ни коммуна *вопогит*, ни разрушение семьи, ни отрицание собственности – ничего не сделают теперь сверх того, что они сделали для вызова на сцену и постановки вопросов» [Герцен, т. 18: 364]. Он стал понимать, почему во Франции взгляды утопистов-социалистов оценивались как «безумие Бабёфа, безумие Сен-Симона и Фурье» [Герцен, т. 5: 314].

Вместе с тем для Западной Европы «сен-симонизм и фурьеризм не прошли бесследно». Их «неопределенные стремления» нашли отголосок в литературе 1830-х годов: поэзия Виктора Гюго, социальные романы Эжена Сю, женский протест Жорж Санд, деятельность социалиста-утописта Пьера Леру, полемика Прудона – «все это не только разбудило людей и направило их мысли в известную сторону, но все это принялось, прозябло и проросло старую почву». Герцен призывал: «Вглядитесь внимательно, и вы найдете «социальные оттенки в тьюльерийских декретах и прусских министерских указах»; «следы проповедей Менильмонтанской улицы» видны в деятельности буржуазных правительств и парламентов разных стран. «Все они пролагают, отнекиваясь и открещиваясь, дорогу социальному пересозданию государственного строя». Таким образом, «социальные идеи не убиты и не отстранены, их побежденный авангард без знамени и шума занял множество неприятельских мест» [Герцен, т. 5: 360].

Переосмысление Герценом идей французских социалистов-утопистов, повлиявших в юности на формирование его мировоззрения, говорило об отказе от прежних иллюзий и осознании им «неудовлетворительности утопического социализма», что свидетельство-

вало, по словам Г. В. Плеханова, о его «выдающихся способностях» мыслителя и литератора [Плеханов, 1926: 408]. Дальнейшая эволюция взглядов Герцена привела его к идеям русского социализма на основе крестьянской общины.

БИБЛИОГРАФИЯ

Володин, А. И. Начало социалистической мысли в России. М.: Высшая школа, 1966. 187 с.

Герцен, А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М.: АН СССР, 1954-1959.

Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли: В 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 21, 22.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. 615 с.

Плеханов, Г. В. Сочинения. М.: Госиздат, 1926. Т. 23. 457 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УТОПИЗМА РУССКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С.И. Сулимов

Воронежский государственный университет (Воронеж)

Аннотация. Данная работа посвящена анализу истоков политического утопизма русской радикальной интеллигенции, в XIX в. ставшей генератором анархических и социалистических идей. По мнению автора, в основе радикализма интеллигенции и самого её возникновения (как социально-психологической группы) лежит педагогическая система И. И. Бецкого, благодаря которой представители русской дворянской молодёжи учились и воспитывались в отрыве от семей, поместной среды и родовых преданий, зато были хорошо знакомы с западноевропейскими политическими идеями.

Ключевые слова: радикальная интеллигенция, дворянство, духовная беспочвенность, политическая утопия.

В русской и европейской истории Нового времени термин «утопия» не единожды наполнялся самым различным содержанием, но при этом звучит не переставая. При этом с середины XIX в. по вто-

рую половину века XX негласной столицей политического утопизма считалась Россия. Так, имена А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачёва и особенно В. И. Ленина хорошо известны историкам в контексте революционных движений даже в таких странах как Франция и Италия. Но почему именно Россия стала рассадником таких радикальных политических (и утопических) учений как анархизм и коммунизм и почему это произошло именно в середине XIX в. ясного ответа пока нет. На этот вопрос мы предпримем попытку ответить в данной работе.

Большинство исследователей британской революции (1640 г.), колонизации Северной Америки, Великой французской революции (1789 г.) и социалистического движения XIX-XX вв., отмечая роль утопизма во всех этих исторических явлениях, почти никогда не определяют утопизм и, тем самым, вносят путаницу в свои работы. Поэтому для того, чтобы прояснить термины, мы обратимся к концепции польского исследователя Е. Шацкого, который сформулировал подробную классификацию утопий. Этот автор справедливо предположил, что утопия – это образ мира, сконструированный в соответствии с принципом максимализма [Шацкий, 1990: 35]. В отличие от политической программы утопия не предполагает никаких промежуточных состояний между наличным состоянием общества и желаемым будущим. Утопическое учение всегда выполняет критическую функцию, но далеко не всегда претендует на реальное изменение общества. Е. Шацкий выделяет такие два типа утопии как *эскапистская* и *героическая*. Эскапистская утопия предлагает образ желаемого мира, не связанный с наличной для реципиента реальностью. К таким утопиям относятся фантастические романы, волшебные сказки и т.д. Зато героические утопии всегда претендуют на социально-политическую реализацию и в зависимости от степени своей активности делятся на *утопии ордена* и *утопии политики*. Если утопия ордена ограничивается созданием «совершенного общества» в пределах группы единомышленников, то утопия политики претендует, как минимум, на целый регион, если не на весь мир, намереваясь охватить и тех людей, которые не имеют о ней ни малейшего представления. Именно такие утопические учения и группировки принимали участие в революционных и радикально-эсха-

тологических движениях Средних веков и Нового времени, и поэтому многие исследователи отождествляют утопизм именно с ними.

Допетровская Россия практически не знала героических утопий, и реформы Петра I мало что изменили, потому что практически не коснулись повседневной жизни большинства русских, а служилые дворяне видели в нововведениях в первую очередь административные меры. Ситуация коренным образом изменилась в правление Екатерины II, желавшей воспитать из дворян преданных слуг короны, обладающих универсальными навыками и верных не своим семействам и кланам, а исключительно высоким моральным принципам. При содействии императрицы князь И. И. Бецкий открыл инновационное учебное заведение – кадетский корпус на Васильевском острове, в дальнейшем с разной степенью сходства «клонированный» в лицее Царского Села и других престижных учебных заведениях. Основной своей задачей педагог считал формирование духовного мира воспитанников в отрыве от поместной среды и аристократических родовых преданий, ориентируя учеников на античный идеал «доброго гражданина» и уважение к личности независимо от её социального статуса (то есть на идеал западной просветительской философии). Результат такой педагогической практики оказался противоречивым. С одной стороны, выпускники лицеев и гимназий имели очень широкий кругозор и твёрдые моральные принципы, но, с другой стороны, на государственной службе им эти качества только мешали. Поскольку тон в николаевской России задавали именно среднестатистические функционеры, а не яркие одиночки, воспитанники «системы Бецкого» невольно превращались в аутсайдеров и были вынуждены группироваться в своём собственном кругу, умственный и творческий уровень которого был очень высоким, но в рамках служилой среды не востребовавшимся. Именно так в России зародилась интеллигенция, социально-духовная группа, характеризующаяся готовностью безвозмездному духовному творчеству и духовной же беспочвенностью [Сулимов, 2012: 57]. В первой половине XIX вв. социальным наполнителем интеллигенции были образованные юноши, которых система И. И. Бецкого произвольно исключила из среды как столичного, так и поместного дворянства.

В такой обстановке зарождающаяся интеллигенция просто не могла быть довольна своим положением: дворянство не принимало её, считая излишне претенциозной и мечтательной, а с простонародьем ни один интеллигент попросту не был знаком. Поэтому уже в начале XIX в. для русской интеллигенции стал характерен утопизм. Каким же был этот утопизм? В первую очередь он выразился в творчестве Н. В. Гоголя, пытавшегося реконструировать народный менталитет по обрывкам украинских легенд. Отечественный исследователь Х. З. Шарыпова отмечает, что гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» – не сборник малороссийских сказок, а полноценное фантастическое произведение, имеющее мало общего с украинским фольклором: «Романтический мир писателя не принадлежит реальному топониму Украины – Диканьке, а располагается в Диканьке, созданной фантазией автора. За гранью этого чудесного мира начинается филистерский мир, где нет места романтическому идеалу» [Шарыпова, 2019: 220]. С таким же вдохновением создавали «сказочные миры» эскапистской утопии А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, однако никому не приходило в голову считать этих бесплатных духовных тружеников утопистами. Героическая же утопия, которую невозможно не заметить, долгое время обходила интеллигенцию стороной.

Любопытно, что декабристы, вооруженное крыло русской интеллигенции, перешли к героической утопии как орден, а не политическая сила. Выпускники престижных лицеев и кадетских корпусов составили в гвардии нечто вроде закрытого клуба «для своих». Эта ассоциация обладала вполне реальной силой. По свидетельству В. О. Ключевского, офицер, действующий вразрез с мнением тайного общества, оставался бы не службе не более часа [Ключевский, 1997: 421]. Попытка армейского начальства в 1820 г. сменить командующего Семёновским полком, в котором большинство офицеров составляли интеллигенты, привела к волнениям в воинской части. Однако, невзирая на такой очевидное влияние в гвардии, интеллигенция 1820-х гг. не вынашивала собственных политических проектов утопического характера. Даже решаясь на государственный переворот, декабристы вдохновлялись не философией Ж.-Ж. Руссо, а реальным политическим устройством молодых США. Размышляя

об устройстве общества после возможной победы заговорщиков, лидер декабристов П. И. Пестель ограничился скупой фразой: «Изыскивай каждый себе пропитание, в чём удобнее найти оно может, будь только честен и с законами исполнителен» [Пестель, 1906: 60].

Подлинная радикализация, связанная с настоящим наплывом политических проектов утопического характера, произошла ближе к середине XIX в., когда постепенное смягчение сословных границ и медленное, но верное освобождение крестьян позволило социальной группе разночинцев увеличиться численно и вступить с духовно маргинальными дворянами в диалог. Разночинцы принесли с собой практицизм, который далеко не всегда приводил к каким-либо видимым результатам, но всегда ориентировал интеллигенцию на реальное осуществление политической утопии. Именно эти бойкие одиночки сделали интеллигенцию радикальной и революционной, передав ей интерес к тем западным политическим учениям, которые приводили в Европе к реальным социальным потрясениям. Однако влияние оказалось обоюдным: выпускники престижных гимназий очаровали разночинцев своим кругозором и знанием иностранных языков, и в будущем образованность стала «визитной карточкой» русской интеллигенции вплоть до второй половины XX в. Именно под влиянием дворян разночинцы стремились дать своим детям гимназическое образование, которое в будущем отличало террористов и «ходоков в народ».

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что педагогическая система И. И. Бецкого против воли её создателя превратилась в настоящую фабрику духовно беспочвенных талантов, которые не были едины ни с одним реальным обществом, но легко усваивали культурно чуждые русскому обществу западные политические учения. Именно поэтому русская радикальная интеллигенция в XIX в. стала настоящим генератором революционных идей не только для России, но и для Западной Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. М.: Мысль, 1997. Кн. 3. 558 с.

Пестель, П. И. Русская правда. СПб.: Культура, 1906. 245 с.

Сулимов, С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении рус-

ской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. Воронеж: ВГУИТ, 2012. 170 с.

Шарыпова, Х. З. Романтическая утопия в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему ««Город Солнца»: в поисках идеального локуса». Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2019. С. 220-221.

Шацкий, Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.

УТОПИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕССИАНИЗМ В СОВЕТСКОЙ МИФОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ¹

А.А. Цельковский

Липецкий государственный технический университет (Липецк)

Аннотация. В статье анализируется специфика мифотворческой практики на различных этапах развития советской политической системы. Особое внимание уделяется анализу роли политической утопии и утопизма как элементов, детерминирующих советскую мифотворческую практику. Утопизм, влияя на формирования базовых идеологических концептов, способствует, в том числе проявлению и закреплению в мифотворческой практике политического мессианизма.

Ключевые слова: мифотворчество, политический мессианизм, политический миф, СССР, утопия.

История развития социально-политической мысли демонстрирует поразительную устойчивость и популярность жанра политической утопии. С эпохи Античности мыслителей самых разных философских школ и направлений занимали проекты идеального общественного устройства. При первом рассмотрении утопия представляется результатом рационального философского мышления. Однако, независимо от того были ли утопические проекты созданы античной философией, гуманистической философией Возрождения

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

или философами-утопистами XIX-XX веков, все известные утопии остаются недостижимыми идеалами, далекими от реальной социально-политической практики. Характерной признаком любой утопии является возможность достижения гармоничного социального устройства, основанного на началах справедливости, всеобщего блага и исключающего конфликты и противоречия. Этим утопические картины совершенного общества схожи с политическим мифом золотого века.

Сходство в данном случае не только внешнее. Как правило, философы-утописты вне зависимости от исторической эпохи считали, что современное им общество испорчено и нуждается в переменах. Похожее мировоззрение характерно и для мифологической картины мира. Изначальная эпоха в мифологической картине мира находится в прошлом, однако по-прежнему является образцом социального устройства. Поскольку философы-утописты связывали осуществление своих проектов с научно-техническим прогрессом, утопия практически всегда имеет вид научно-политичной теории. Действительно, по сравнению с политическим мифом утопия выглядит более рациональной и научной.

Однако суть феномена утопии состоит в самой возможности построения идеального общества. К примеру, Э. Серенсен, под утопией подразумевает философскую традицию, восходящую еще к Платону. По этому поводу он пишет: «В этой традиции существенным является то, что утопия не рассматривается как абстрактное совершенное общество: она рассматривается как конкретная цель, которой необходимо достичь» [Серенсен, 2014: 25]. В этом заключается главное сходство утопии с политической мифологией. Собственно утопии и можно охарактеризовать как разновидность политического мифа о золотом веке. По своей природе современная политическая мифология представляет собой систему рационализированных и выраженных мифов или говоря точнее устойчивых мифологических архетипов, выраженных в символической форме, воспроизводимых в рамках какой-либо идеологической программы и транслирующих определенные идеи. Современное мифотворчество, в свою очередь, представляет собой конструирование социальных и политических мифов, то есть целенаправленную и рациональную деятельность,

закрывающуюся в интерпретации каких-либо объектов, явлений и событий в соответствии с определенными мифологическими символами-архетипами. Таким образом, мифологический архетип золотого века современной мифологией используется для формирования идеала социально-политического устройства.

Мифо-религиозный эсхатологизм и миллениаризм утопией трансформируется в иррациональную убежденность в возможность построения совершенного общества. Отсюда следует политический мессианизм, трактующий построение утопического государства как движение к великой цели, исполнение уникальной исторической миссии. Политический мессианизм можно определить как комплекс или совокупность политических мифов, декларирующих уникальную положение нации и наличие у нее особой исторической миссии. Следует особо подчеркнуть мифо-религиозную основу политического мессианизма, отличающую его от национализма.

Утопизм как элемент мифотворческой практики не всегда предполагает непременно наличие политического мессианизма. Впрочем, отечественная история демонстрирует сочетание утопизма и мессианизма. Мессианская мифология может актуализоваться по различным причинам. В. Сургуладзе пишет по этому поводу: «Основными предпосылками развития мессианизма выступают военное, политическое, экономическое могущество и теоретическая база – идеология, условия, которые позволяют попытаться воплотить идею, политическую или религиозную мечту, идеал в жизнь» [Сургуладзе, 2010: 295]. В отечественной истории мессианская мифология получила свое оформление в виде политического мифа «Москва – Третий Рим». Сформировавшийся первоначально как религиозная идея, данный миф укоренился в национальной политической культуре, отразив растущие политические амбиции Российского государства.

Политический миф «Москва – Третий Рим» сформировался на рубеже XV-XVI веков в процессе образования централизованного Московского царства. Вступление Византии в Ферраро-Флорентийскую унию, а затем и завоевание турками, позволило Москве объявить себя третьим Римом, то есть наследницей павшей Византийской империи. Е.Н. Трубецкой замечал по этому поводу: «После

падения второго Рима – Константинополя – «третий Рим» – Москва возомнила себя единственным в мире убежищем православной веры и истинного благочестия. В то время православная Русь считала себя единственной обладательницей Христа и христианства; греков она презирала, а инославные вероисповедания ставила на одну доску с язычеством» [Трубецкой, 1992: 244]. Об этих же тенденциях писал Н.А. Бердяев: «После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры» [Бердяев, 1996: 249]. Изначально «Третий Рим» понимался не как военный или политический центр, но как духовное царство «неразрушимое», которое «недвижимо пребывает» в истории. Утопизм мифа о Третьем Риме заключается в представлении о России как особой духовной общности, как о культуре, обладающей особым типом духовности. Закрепление же мессианизма в национальном политическом сознании связано с формированием централизованного Российского государства, а также с ростом его военно-политической мощи.

Петровские реформы способствовали некоторой секуляризации мифологии «Третьего Рима», которая стала связываться уже не с защитой православной веры, а с усилением военно-политического влияния Российской империи. Отказ от старых патриархальных традиций привел, таким образом, к трансформации мифологии Третьего Рима, которая, однако, сохранила свое влияние на отечественную политическую культуру, присутствуя, например, в виде философских споров о русской идее или особом пути России.

Поздний период существования Российской империи охарактеризовался серьезным кризисом. Духовный потенциал мифологии «Третьего Рима» был исчерпан. Однако, политическая мифология, сложившаяся на базе революционной большевистской идеологии, последовательно возрождала мессианскую и утопическую политическую традицию, активно используя миф золотого века. Главной целью Советского государства стало построение коммунизма – совершенного общественного строя, «земного рая». Особое место в новой политической мифологии заняла идея Мировой революции. На большевистскую Россию ложилась задача мирового масштаба –

построить новое совершенное государство рабочих и «разжечь» революционные движения в других странах. Для достижения поставленных целей был создан Коминтерн, подчеркивающий особую мессианскую роль советской России.

Утопические и мессианские основы марксистского революционного учения были вскрыты еще русскими религиозными философами. К примеру, по мысли Н.А. Бердяева, «марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе» [Бердяев, 1996: 229].

Мессианские и утопические элементы марксистского учения совпали с мессианскими ожиданиями, характерными для национальной политической культуры. Мессианская утопическая идея Третьего Рима перевоплотилась в идею Третьего Интернационала. У советской России появилась новая всемирная миссия. Победа над нацистской Германией и последующее превращение СССР в сверхдержаву способствовали усилению мессианской мифологии. Однако дальнейшее укрепление международного влияния СССР и соперничество с США в ходе Холодной войны привело к постепенному отказу от мессианских элементов в идеологии и политической мифологии. К началу семидесятых годов двадцатого столетия мессианские идеи окончательно трансформировались в идеи военного и политического превосходства. Распад Советского Союза был обусловлен комплексом различных причин. Однако, одним из немаловажных факторов, ускоривших процесс распада, стал кризис советской идеологии, утратившей свой мессианский и утопический потенциал.

Таким образом, утопизм и политический мессианизм играли одну из главных ролей в советской мифотворческой практике. Во многом данные тенденции были обусловлены укорененностью в национальной политической культуре утопических и мессианских традиций, что, в частности, можно наблюдать на примере политического мифа «Москва – Третий Рим».

БИБЛИОГРАФИЯ

Бердяев, Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Сварог и К», 1997.

Русская идея / сост. и авт. вступ. Статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992.

Серенсен, Э. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии / пер. с норв. – М.: Прогресс-Традиция, 2014.

Сургуладзе, В. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианиззм и византизм России. М.: W. Bafing, 2010.

РЕАЛИСТИЧНОСТЬ И УТОПИЧНОСТЬ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Е.П. Агапов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(Ростов-на-Дону)

Л.П. Пендюрина

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Цель доклада заключается в выявлении реалистических и утопических моментов советской системы социальной защиты, строительство которой началось в 1917 г. Понятие социальной защиты используется в двух смыслах – узком и широком. Под социальной защитой в узком смысле имеется в виду политика государства, направленная на улучшение положения тех, кто находится в наиболее тяжёлом положении. Согласно более широкому пониманию, социальная защита представляет собой создание таких общественных отношений, при которых человек может сам заботиться о себе. В основе советской системы социальной защиты лежала экономика, которая управлялась не присущими ей законами, а директивами тоталитарного государства. Уже в 60-х годах она начала давать серьёзные сбои, а с началом перестройки обнаружилось торможение экономического роста. Зстой в экономике породил кризис в социальной сфере, который привёл к появлению в России профессии социального работника. Мы полагаем, что развал советской системы социальной защиты был связан не только с социально-экономическими причинами, но и с её утопичностью. Реалистичность этой системы проявлялась в самой направленности государства на организацию в стране социальной защиты, однако его попытка защитить всех своих граждан представляется нам не реалистической, а утопической. Как показывает исторический опыт, государство в состоянии создать условия, которые помогают гражданам самим решать свои проблемы.

Ключевые слова: социальная защита, советская система социальной защиты, социальная сфера, благотворительность, социальное обеспечение трудящихся, социальное страхование, профессия социального работника.

Социальный процесс представляет собой систему функционирования и развития экономической, политической, социальной, духовной и других сфер общества. В этой системе, представляющей собой целостное образование, можно обнаружить диалектику реалистических и утопических тенденций. Реалистические тенденции в развитии общества представляют собой формирование новых представлений, которые адекватно отражают социальную действительность. Если имеет место неадекватное отражение социальной реальности, то говорят об утопических тенденциях в развитии общества [Логиновских, 2014: 23].

В истории философии от античности до наших дней мы находим множество учений, в которых общество представлено как взаимодействие реалистических и утопических тенденций. Так, в модели идеального государства, созданной Платоном, идея преобразования общества с целью улучшения жизни граждан вполне реалистична, тогда как идея всеобщего блага утопична. В «Новой Атлантиде» Ф. Бэкон изобразил общество, которое с одной стороны является воображаемым построением, т. е. утопично, а с другой – отражает действительные процессы, которые имели место в первой половине 17 в., когда протекала его научная деятельность, т. е. реалистично [Гайденко, 2012: 154].

Цель статьи заключается в выявлении реалистических и утопических моментов советской системы социальной защиты, строительство которой началось в 1917 г. и прекратилось в связи с распадом Советского Союза. Формулировка этой цели требует, чтобы мы представили исторический очерк развития советской системы социальной защиты. После Октябрьской революции 1917 г. всё более важная роль в осуществлении социальной помощи в России отводилась государству, которое подчинило себе все общественные организации. Поэтому той формой, которую социальная помощь фактически принимала в течение семидесяти лет, была социальная защита. Понятие социальной защиты используется в двух смыслах – узком и широком. Под социальной защитой в узком смысле

имеется в виду политика государства, направленная на улучшение положения тех, кто находится в наиболее тяжёлом положении и не в состоянии сами улучшить его. Согласно более широкому пониманию, социальная защита представляет собой создание таких общественных отношений, при которых человек может сам заботиться о себе. Иными словами, она совпадает с системой социальных гарантий, представляющих собой материальные и юридические средства, которые обеспечивают реализацию конституционных прав членов общества [Агапов, 2015: 258].

Поворотным пунктом в истории России стал Октябрь 1917 г., положивший начало изменению основ общественного строя, в результате которого частная собственность была заменена государственной. Провозглашённый новой властью разрыв со старым обществом коснулся всех его сфер, включая социальную. Поскольку благотворительная деятельность рассматривалась идеологами марксизма как буржуазное явление, в Советской России она стала сознательно сворачиваться. Уже в первые месяцы существования новой власти многие благотворительные организации были распущены, а принадлежавшее им имущество перешло к Народному комиссариату государственного призрения. На этот комиссариат, созданный в составе первого Советского правительства, были возложены следующие функции: социальное обеспечение трудящихся, охрана материнства и младенчества, попечение об инвалидах войны и их семьях, а также о престарелых и несовершеннолетних. В апреле 1918 г., когда обозначились контуры советской системы социальной защиты, Народный комиссариат государственного призрения был переименован в Народный комиссариат социального обеспечения, поскольку его название воспринималось как пережиток старого времени.

В связи с началом Гражданской войны Россия перешла к политике военного коммунизма, которая включала в себя национализацию промышленности, централизацию руководства производством и распределением, продразвёрстку, запрещение частной торговли, всеобщую трудовую повинность, а также уравнивательность в оплате труда. Правовую основу государственной помощи нуждающимся, которая осуществлялась в рамках этой политики в течение трёх лет,

составляло Положение о социальном обеспечении трудящихся. В нём предусматривались такие формы социального обеспечения, как врачебная помощь, денежные пособия и пенсии, а также помощь натурой. За период осуществления политики военного коммунизма почти в десять раз увеличилось число лиц, которые получали государственную пенсию.

Во время новой экономической политики, введённой в России в 1921 г., продолжилось создание советской системы социальной защиты. Замена продразвёрстки более низким натуральным налогом, с которой началось введение этой политики, привела к сокращению числа лиц, получавших помощь со стороны государства. Социальное обеспечение не распространялось больше на деревенских жителей, забота о которых ложилась на крестьянские общества взаимопомощи. В 1921 г. в России началось восстановление системы социального страхования, существовавшей в ней ещё в дореволюционные времена. Через шесть лет, когда в Советском Союзе появились пенсии по старости, этой системой были охвачены практически все рабочие и служащие, однако основную массу нуждающихся в 20-е годы составляли инвалиды и беспризорники. Первые из них, насчитывавшие около семи миллионов человек, полагались не только на помощь извне, но и на деятельность своих собственных организаций – Всероссийского общества слепых и Всероссийского общества глухонемых. Что касается беспризорников, то для помощи им создавались детские дома и пункты питания, а её координация возлагалась на органы госбезопасности.

Используя новую экономическую политику для восстановления народного хозяйства, Советский Союз в конце 20-х годов приступил к социалистическим преобразованиям, важнейшими элементами которых были индустриализация и коллективизация. Если индустриализация имела своей целью создание крупного машинного производства, то коллективизация – уничтожение частной собственности, сохранившейся в сельском хозяйстве. В 1933 г. вопросы социального страхования были переданы в ведение профсоюзов, которые из независимой организации, выражающей интересы рабочих и служащих, превращались по существу в государственную структуру.

Война с Германией, растянувшаяся на четыре года, замедлила формирование советской системы социальной защиты, но в первое послевоенное десятилетие она уже была создана и до начала 90-х годов оставалась практически неизменной. Важнейшим элементом этой системы было социальное страхование, предполагавшее выдачу пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, на рождение ребёнка, на погребение, а также на переквалификацию. В 1956 г. был принят закон, в соответствии с которым в Советском Союзе назначались три вида пенсий – по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца. В последующие десятилетия советская система социальной защиты подвергалась существенным изменениям, касавшимся прежде всего размера пособий и пенсий.

В Советском Союзе было принято три конституции, последняя из которых (1977) провозглашала основные права и свободы, рассматриваемые в современной культуре как высшие ценности. Она гарантировала всем гражданам СССР право на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости и в случае болезни, а также право на жилище, на образование, на пользование достижениями культуры, на участие в управлении государственными и общественными делами. Этим гражданам гарантировалась свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также свобода совести, предполагавшая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Конституция СССР гарантировала неприкосновенность личности, жилища, право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество. Семья причислялась в ней к объектам социальной защиты, а долгом советского гражданина объявлялась забота о воспитании детей и подготовке их к общественно полезному труду. За годы советской власти были достигнуты несомненные успехи в решении социальных проблем, хотя благосостояние людей росло сравнительно медленно.

В основе советской системы социальной защиты лежала экономика, которая управлялась не присущими ей законами, а директивами тоталитарного государства. Уже в 60-х годах она начала давать

серьёзные сбои, а с началом перестройки обнаружилось торможение экономического роста. Застой в экономике отразился на социальной сфере, которая финансировалась по остаточному принципу. Он породил кризис в социальной сфере, который привёл в 1991 г. к появлению в России профессии социального работника, связанной с помощью тем, кто находится в трудной жизненной ситуации, а именно старикам, инвалидам, одиноким гражданам, сиротам, жертвам насилия и т. д. [Агапов, 2015: 268].

Мы полагаем, что развал советской системы социальной защиты был связан не только с социально-экономическими причинами, но и с её утопичностью, существовавшей в ней наряду с реалистическими тенденциями. Реалистичность этой системы проявлялась в самой направленности государства на организацию в стране социальной защиты, однако его попытка защитить всех своих граждан представляется нам не реалистической, а утопической. Как показывает исторический опыт, государство в состоянии создать условия, которые помогают гражданам самим решать свои проблемы, т. е. в состоянии создать в стране систему социальной защиты в широком смысле.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агапов, Е.П. История социальной работы. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 353 с.

Гайденко, П.П. «Новая Атлантида» – бэконовский проект Академии наук // Гайденко П.П. История новоевропейской философии в её связи с наукой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 153-180.

Логиновских, Т.А. К вопросу о соотношении утопического и реалистического в социальных процессах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 1(17). С. 23-29.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ NEW AGE

А.Н. Раевский

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена представлению о будущем в отечественном сегменте новых религиозных движений, близких к движению Нью-эйдж. Последователи Анастасии, Цветка жизни, Ритмологии и ДЭИР говорят о наступлении нового века, трансформационный переход к которому уже начался. Именно мифологема «Эры водолея» позволила в свое время на западе выделить ньюэйджеров как отдельное яркое направление НРД. Анализ процесса преобразования представлений западных ньюэйджеров и адаптация их на отечественной почве является центральной темой доклада. Особый интерес представляют те концепты, которые способствуют появлению новых культовых практик и структурных образований – например концепция будущих родовых поместий, выступающая центральной в вероучении Анастасийцев, последователей Владимира Мегре.

Ключевые слова: религия, нрд, нью-эйдж, эра водолея, анастасийцы.

Как и всякую статью о движении Нью-эйдж, эту следует начать с ограничения определенного поля что же мы подразумеваем под движением Нью-эйдж. Данной проблеме посвящена не одна статья различных авторов как зарубежных, так и российских. Под движением Нью-эйдж в рамках данного исследования будет пониматься совокупность религиозных групп: институциональных и клиентурных организаций, аудиторных культов, возникших во второй половине XX века, разделяющих специфические мировоззренческие позиции, к которым относятся идея развития человека посредством духовных практик, идея утилитарности в выборе данных практик и идея руководства со стороны духовных сущностей. Духовные сущности дают наставления не просто так, а способствуют переходу людей к новой эре.

Само движения происходит из западного эзотеризма. Не зря одно из самых фундаментальных исследований данного движения, книга Ваутера Ханеграффа носит название «Религия Нью-Эйдж и западная культура: эзотеризм в зеркале светского мира» [Hanegraaff, 1996]. Данное движение обладает особой мифологемой – «Эра водолея», которая должна прийти после наступления кардинальных

изменений, согласно данной мифологеме, предшествующая эра была Эрой рыб, то есть христианская эра, и сейчас наступает новая Эпоха. При этом наследуя багаж представлений от теософии значительная часть групп Нью-Эйдж предполагает существование в древности высокоразвитой цивилизации – зачастую внеземной, которая оставила ряд знаний и практик на нашей планете, в статусе эзотерических.

Обычно, когда говорят о Нью-эйдж в узком смысле слова понимают группы который, акцентирует внимание на таком переходе, а в широком смысле те, которые не ставят такой переход в центр своей доктрины. Общей чертой эсхатологических ожиданий ньюэйджеров является оптимистические и утопические сценарии будущего. Если обратиться к классическому зарубежному Нью-эйдж, можно увидеть такие представления о переходе в совершенно различных группах: можно выделить как минимум две позиции такого изменения – во-первых, форма плавного перехода к новому веку, примером тут может выступить является Ли Кэрролл, автор, пишущий от имени некой сущности «Крайон». И, во-вторых, позиция резкого скачка в «новый мир», примером тут служит Друновало Мелхиседек (Бернард Перрон). Он называет его «межпространственным переходом» или «великим переходом».

Если обратится к отечественному сегменту данного направления в среде новых религиозных движений, то, вероятно, наиболее многочисленными являются последователи творчества А. Мегре, они же движение «Звениащих кедров России». Данная группа характеризуется религиоведами как сектантское движение, то есть некая совокупность локальных сект и культов, объединенных творчеством В. Мегре, не имеющего единого централизованного управления. Хотя многие исследователи располагают данное направление между неоязычеством и движение Нью-Эйдж, на наш взгляд оно куда ближе именно к последнему. Об этом можно судить, по наличию таких черт, как представление о реинкарнации, вознесенных учителях, в роли которых и выступает Анастасия, духовных практиках совершенствования.

Представления о новом веке у последователей Анастасии, можно охарактеризовать как крайне позитивное. Важно отметить, что многие последователи неструктурированного движения, поддерживая идею родовых поместий, имеют представления синкретично

смешенные с другими религиозными и мистическими течениями современности. Но по крайней мере исходя из анализа цикла книг Мегре складывается именно такая картина. Так программа для анализа корпусов текста AntConc показывает первые позиции со словом «будущее» как «прекрасное\прекрасным» в результате анализа на наиболее часто встречающуюся коллокацию. За основание для анализа были взяты 11 книг А. Мегре образующие единый цикл «Звенящие кедры России» [Мегре, 2006].

Анастасия в представлении последователей не предсказывает будущее, но моделирует его – ей пытается помешать группа «жрецов», создавших «систему», но она окажется сильнее их. В целом, как и многие другие группы, в том числе зарубежные ньюэйджеры, Анастасийцы ожидают кардинальных изменений. Те изменения, которые могут быть обозначены как катастрофа уже подходят к нашей цивилизации в результате «окультичного периода», в котором забыта мудрость предков «ведросов». Как отмечает исследователь движения Анастасийцев Ю.О. Андреева, «в такой картине мира всё самое прекрасное, мудрое, достойное сокрыто в прошлом, а человечество движется в регрессивном направлении, и только кардинальная ломка вектора этого движения, переоценка ценностей и истории сможет повернуть ход в обратное направление» [Андреева, 2017:149].

Но ожидают Анастасийцы и преодоление этого кризиса. Центром утопического представления о будущем для данной группы является концепт родовых поместий – участков земли не меньше гектара, окруженных хвойными деревьями, некоторое количество таких поместий составляет родовое поселение. Именно они должны стать центром преобразования России, а затем и всего мира. В этом движении созвучно с идеями кардинального перехода Д. Мелхиседека, в рамках которого произойдет внезапный распад синтетических продуктов и благополучно переживут его все те, кто проживает в домах из натуральных материалов.

Итак, в эсхатологии отечественных ньюэйджеров мы видим, как продолжение традиции как мифологемы «Эры Водолея» западных ньюэйджеров и адаптацию ее на отечественной почве с окраской в псевдославянские мотивы, так и развитие тематики предстоящей экологической катастрофы, которую необходимо предотвратить, вернувшись к натуральным элементам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреева, Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии Нью-Эйдж в современной России: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. СПб., 2017.

Мегре, В. Н. Анастасия. Кн. 1. М., СПб., 2006.

Hanegraaff, W.J. New Age religion and Western culture: esotericism in the mirror of secular thought. New York, 1996.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕЙ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА ЕВРОПЫ НА РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

О.Н. Рощупкин

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород)

Аннотация. В данной статье будет исследовано, как идеи Европейского утопического социализма были обработаны и заимствованы на реалии жизни в Российской Империи XIX века. История утопического социализма очень интересна и то, как эти идеи перетекали из страны в страну, какие специфические черты были в той или иной стране. Эта тема интересна для изучения и даёт уникальный опыт для историка в исследовании, как истории России, так и истории Европы. Автор пришёл к следующему выводу о том, что утопический социализм Европы был лишь каркасом для своеобразного русского крестьянского социализма и основные идеологи русского утопического социализма, конкретно пересмотрели, но не до конца восприняли сущность утопического социализма своих Европейских коллег.

Ключевые слова: утопический социализм, Российская Империя, народничество, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Д. Грей, Р. Оуэн.

Изучение истории социалистической мысли была весьма актуальна и сейчас является весьма популярной темой для исследований. На сегодняшний момент появилось очень много трудов историков, которые изучали различные вопросы по истории социалистических идей. Так же возрос интерес к этому вопросу среди читателей тех или иных исторических журналов.

Само слово «утопический» ведёт своё начало от книги, которая была написана в XVI, а именно от книги «Утопия» Томаса Мора

[Дроздов, 2016 :68], который был известным английским государственным деятелем и одарённым писателем. В своём произведении придумал страну с идеальным общественным устройством.

Впервые идеи утопического социализма в виде сформированной системы взглядов оформились в XIX веке и разработали данные идеи такие французские и английские мыслители, как Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Джон Грей, Роберт Оуэн и др.

Концепции, которые были разработаны вышеуказанными авторами, являются классическими в идеологии утопического социализма. Их идеи были направлены на посторонние идеального общества: экономически эффективным, гармоничном, справедливом, отвечающем всем особенностям человеческой природы и обеспечивающей счастье всех людей Земли [Воскресенская, 2012: 44].

В истории русской общественной мысли, 30-40-е годы имели большое значение для размежевания и последующего оформления двух основных направлений мысли – революционно-демократического и буржуазно-либерального [Малинин, 1977: 103].

Рассматривая идеи утопического социализма в российской империи, то нужно сказать, что предпосылки русской социалистической мысли заключены в особенных экономических и социальных условиях России XIX века. Самые ранние мысли о социальном равенстве были в среде крестьянства, которое требовало для себя социального равенства, но также в кругах дворянства.

Народничество и её идеологи переняли идеи Европейского утопического социализма и перенесли их на российские «рельсы». Основателями и идеологами народничества были А.И. Герцен и Н.П. Огарев и Н.Г. Чернышевский. На их мировоззрение оказали идеи историсофских концепций немецкой философии, а также и теории представителей европейского «утопического социализма» [Матюхин, 2009: 297–298]. Так же значительную роль сыграло то, что народничество занималось анализом национальных моделей, которые действовали в быту и хозяйстве российской империи.

Изучая данный вопрос, можно говорить о том, что в российской империи, как это было всегда, находились люди, которые желали просвещения и развития своей страны. Находили идеи, которые удовлетворяли их потребности. В данном случае такими идеями по переустройству общества стали идеи утопического социализма

Европы, которые были осмыслены, переработаны и наложены на реалии российской империи. Этот утопический социализм можно назвать утопическим социализмом с российской спецификой.

Как уже было сказано, народничество было основным двигателем социализма в массы, и естественно шло развитие их идей. И это развитие было связано с практикой движения освобождения и естественно начиная с 40-х годов с различными кружками и запрещёнными на территории российской империи организациями.

Первые русские социалисты прежде всего восприняли главное в утопическом социализме Запада – идею всеобщего равенства и благополучия [Троицкий, 2002: 75]. Так, почему же именно эта идея? Потому что именно она была привлекательна для всех социалистов-утопистов, начиная с упомянутого Томаса Мора.

Взяв идею Западного утопического социализма, А.И. Герцен и Н.П. Огарев основательно изменили данную теорию под реалии Российской Империи того времени. Так А.И. Герцен писал: «Мы – русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего предела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» [Троицкий, 2002: 75].

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод утопический социализм Европы был хорошо принят русским обществом, а именно русской интеллигенцией. Утопический социализм был воспринят и переработан, чтобы российское общество поняла все его идеи, так и был рождён «Русский крестьянский социализм», который был плодом умственных заключений таких людей, как А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский и других.

БИБЛИОГРАФИЯ

Воскресенская, Н. О. Реформаторские программы и футурологические идеи европейских социалистов – утопистов нового времени // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskie-programmy-i-futurologicheskie-idei-evropeyskih-sotsialistov-utopistov-novogo-vremeni> (дата обращения: 24.06.2022).

Дроздов, В.С. История классово́й борьбы на Западе. Рабочая книга для подготовки в ВУЗ. М.: Государственное учебно – педагогическое издательство, 1931. 230 с.

Троицкий, Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов : Изд-во Саратовского института, 2002. 372 с.

Малинин, В.А. История русского утопического социализма. Учеб. пособие. М.: «Высшая школа», 1977. 240 с.

Матюхин, А.В. Общественная мысль России XIX – начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-mysl-rossii-xix-nachala-hh-veka> (дата обращения: 27.06.2022)

СООТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО И УТОПИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Э.В. Бондаренко

Воронежский государственный университет (Воронеж)

Аннотация. Данная работа посвящена анализу соотношения христианского и утопического пониманий политики. Автор полагает, что в российской политической культуре присутствует две противоположные традиции, которые совершенно различно трактуют цель политического процесса, а также методы, применяемые для достижения этой цели. Данный антагонизм создаёт условия для социальных противоречий в нашем обществе, что представляет особенную проблему и угрозу стабильности социума. Понимание этой проблемы – первое условие для поиска решений из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: христианство, русская социалистическая утопия, принципы русской утопической культуры, цели и методы в политическом процессе.

Россия имеет очень богатое философско-политическое наследие, но помимо этого она является также и православной страной, то есть государством, которое принадлежит к христианской культуре. Сильны были у нас многие утопические идеи, связанные с той или иной формой социализма (начиная с А. И. Герцена и заканчи-

вая В. И. Лениным), и однажды одна из таких доктрин даже стала официальной идеологией, поэтому так заметна сейчас в нашем обществе симпатия к советскому наследию. Но как данный феномен может соотноситься с религиозными взглядами нашего общества? Есть ли нечто общее между утопией и христианским взглядом на политику? Или же, наоборот, они не могут идти рука об руку? Именно этой проблеме и посвящена наша работа.

Итак, для начала нам необходимо понять то, что же такое утопия. Утопия – это описание идеального и несуществующего общества. Как мы уже отметили выше, утопическим взглядом на мир характеризовались различные варианты социалистических учений. Многие из них кардинально отличались друг от друга (даже в одном направлении были своеобразные расколы, например, можно вспомнить разногласия между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым), однако сравнение каждой социалистической доктрины с христианским пониманием политики займёт очень много времени, поэтому лучшим вариантом будет обнаружение общих идей и принципов, на которых строится российская утопическая культура.

- критика капитализма и частной собственности. Почти все социалисты сходились во мнении, что буржуазный строй порождает несправедливый механизм распределение материальных благ в обществе;

- восхваление строя, основанном на общине, коммуне или трудовом товариществе. Считалось, что именно такая организация общества способна дать подлинный демократизм и справедливость, основанную на коллективизме;

- признание за социальной революцией действительную возможность кардинально изменить общественные отношения. Многими утопическими течениями реформы отвергались, так как полагалось, что они не способны решительным образом изменить общество, хотя были и более умеренные социалисты, которые опасались неподготовленной революции (например, Н. Г. Чернышевский);

- идеализация простонародья. Особенно она характерна для домарксистских социалистов, которые уповали на «коммунистический инстинкт» крестьян, живущих в общине, и на бунтарство русского народа, который терпел огромное количество лишений, из-за чего его и очень легко поднять на революционные потрясения;

- стремление избавиться от государства (например, анархическое учение М. А. Бакунина).

Как же все эти постулаты соотносятся с христианским миропониманием, который очень важен для нас, поскольку мы принадлежим к христианской цивилизации? Во-первых, следует отметить, что для христиан самым главным является спасение, всё земное – второстепенно. Один этот факт уже кардинально отличает религиозное мировоззрение от утопического, поскольку последнее стремится к созданию идеального общества здесь, в посюстороннем мире, тогда как христианство говорит о трансцендентном. Таким образом, мы видим отличия на уровне цели.

Но это не означает, что христианство никак не связано с политической сферой жизни общества. Да, мы тут не обнаружим идеального плана построения рая на земле, однако религиозная мораль достаточно хорошо регламентирует то, как следует верующему себя вести по отношению к другим людям, значит, христиане так или иначе участвуют в политическом процессе, поскольку обойти стороной, например, какое-нибудь несправедливое (с христианской точки зрения) политическое событие просто невозможно.

Итак, что касается первого принципа (критика капитализма и частной собственности), то следует отметить, что христиане вполне могут совпадать в этом пункте с утопистами, поскольку, скорей всего, те или иные основы так называемого буржуазного общества могут быть не по нраву и самим верующим. Однако навряд ли мы выявим единую позицию христиан по этой проблеме, поскольку некоторые из них, например, в институте частной собственности видят нечто положительное. К примеру, такую интерпретацию дают некоторые верующие: «Любое приобретение нечестным путём чьего-либо имущества или капитала является нарушением права на владение частной собственностью – важного принципа стабильности общества» [Учебная Библия, 2004: 125].

Второй принцип подразумевает некую цель – идеальное общество. Мы уже отметили выше, что подобная цель не может соответствовать христианскому миропониманию. Следует также обратить внимание, что данное идеальное общество во многих социалистических проектах основано на коллективизме и взаимном сотрудничестве. И именно эти характеристики в некоторой степени могут

совпадать с христианской практикой, поскольку «Именно принадлежность к религиозным группам наиболее тесно коррелирует с такими формами гражданской активности, как участие в выборах, работа в жюри присяжных, участие в проектах, реализуемых по месту жительства, контакты с соседями и благотворительность» [Станкевичюс, 2014: 205-207]. А что касается взаимного сотрудничества, то на сегодняшний день у Церкви огромное количество благотворительных организаций, что свидетельствует о её стремлении помогать людям.

Первые два принципа указывают нам, что утопические идеологии социалистического толка носят прогрессистский характер. В связи с этим стоит упомянуть, что Церковь очень многое сделала для прогресса нашего общества: развитие науки, изменение статуса женщины, борьба с рабством и крепостничеством, создание огромного количества медицинских и образовательных учреждений.

Третий принцип связан уже с методами, которыми пользуются те или иные политические силы. На протяжении истории мы видим, что Церковь, стремящаяся к миру, не использует насилие и радикальные формы борьбы с существующим положением дел в обществе. Она стремится распространить свои взгляды на мир через убеждение и пропаганду, а уже последнее влияет на положительные изменения в обществе эволюционным путём, не через навязывание сверху, а через другое отношения к действительности, где все равны перед Богом, где есть определённые заповеди, которые надо соблюдать.

Принцип идеализации простонародья так или иначе вытекает из предыдущего, поскольку революция как метод политической борьбы нуждается в поддержке народных масс, следовательно, необходимо привлечь их на свою сторону и убедить себя самого, что это возможно сделать, так как якобы существует некий бунтарский нрав русского народа или некий «коммунистический инстинкт» среди крестьян. Если данный постулат связан с третьим, а последний христианством отвергается, то и в идеализации простого люда верующие не нуждаются.

Пятый принцип – уничтожение государства. Он тоже не разделяется христианами. Они просто не ставят себе такой цели. Церковь может лишь выступать неким конкурентом для светской власти, но уничтожение целого общественного института не входит в её пла-

ны. Примечательным тут будет сравнение христианства и русских марксистов, поскольку последние подразумевают установление диктатуры пролетариата – ситуации, когда рабочий класс завоеует политическую власть и начнёт использовать её для противостояния со своими конкурентами до того момента, пока их не останется и потребность в государственном аппарате насилия исчезнет. Церковь же не пытается завоевать власть. Это её как раз и отличает от любых политических течений. Если последние хотят власти для преобразования общества с помощью некоторого аппарата насилия и принуждения (государства), то православная Церковь, используя совершенно другие методы, к непосредственному политическому господству не стремится.

Таким образом, мы с вами выявили, что христианское миропонимание кардинально отличается от утопий социалистического толка. Самые главные отличия: разница в целях и средствах своей деятельности. Религия направлена на вневременное, тогда как утопия – на построения идеального общества; православная Церковь использует для достижения своих целей мирные и умеренные средства, а социалистические утопии желают социальной революции, которые (как мы видим из истории) сопровождаются кровью, насилием и огромным количеством жертв. Понимание подобных различий важно для российского общества, поскольку в нём сочетаются сразу две традиции. К христианской культуре мы принадлежим уже более 1000 лет, но также в России в прошлом веке попытались реализовать один из утопических проектов, предложенных нашими интеллектуалами XIX-XX веков. Подобная эклектичность создаёт условия для социальных разногласий. Главное – это понимать данную проблему, чтобы можно было найти ей решение или прийти к какому-либо компромиссу между этими разнородными доктринами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Летняков, Д. Э. Очерки истории русской политической мысли: учеб. пособие для студентов / Д. Э. Летняков, С. Л. Чижков. М.: Летний сад, 2012. 176 с.

Станкевичюс, А. М. 53 самых живучих мифа атеизма о христианстве. СПб.: Реноме, 2014. 304 с.

Учебная Библия с комментариями Джона Мак-Артура. Славянское Евангельское Общество, 2004. 2201 с.

РАЗДЕЛ III. УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО БЫТИЯ В СОВЕТСКОМ НАИВНОМ ИСКУССТВЕ

А.А. Суворова

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Аннотация. Художники наивного и самодеятельного искусства, мастера-самоучки часто обращаются к образу идеального бытия, фантастического, эталонного мира. Конструирование образа идеального человека и государства было частью культурной политики и нарративов искусства. На подобную тематику и образность ориентировали и художников самодеятельного искусства. Уже в произведениях наивов 1930-х годов воплощаются образы идеального социалистического бытия. В 1960–1980-е темы идеального советского государства продолжают развитие в множестве микросюжетов и тематических линий: идиллические картины советской деревни (Иван Сарычев, Афанасий Чепкасов, Нина Варфоломеева), организованность и четкость практик советской жизни (Сергей Степанов), благоденствие и изобилие (Федор Каменских), достижения советской науки и техники и завоевание космоса советским человеком (Николай Тюрин).

Ключевые слова: наивное искусство, самодеятельное искусство, советское искусство, утопия, волшебная сказка.

Художники наивного и самодеятельного искусства, мастера-самоучки часто обращаются к образу идеального бытия, фантастического, эталонного мира [Богемская, 2017; Богемская, 2001; Рыле-

ва, 2011; Brodskaya, 2014]. В советском искусстве конструирование идеального образа человека и государства было частью культурной политики и реализовывалось в образах искусства. На подобную тематику и образность ориентировали и художников самодеятельного искусства. В картинах идеального мира, конструируемого в сознании наивных художников и мастеров-самоучек, а также в творчестве самодеятельных художников (в данном случае мы рассматриваем это как форму институционализации, что задает большую связность с официальными нарративами) возможно выявить ряд закономерностей и особенностей.

1. Уже в произведениях наивов 1920–1930-х годов воплощаются образы идеального социалистического бытия. Парадоксальным образом логика наивного сознания сопредельна картиной мира советской идеологии. Идеологи советской власти создают новую «советскую вселенную» по мифологическим моделям: в ней есть «начало новой эры» – великая революция; борьба добра и зла – коммунизма и мирового империализма; титаны и боги – вожди народов. По мысли исследователей раннего этапа развития в СССР наивного искусства [Румянцев, 2000] изобразительная самодеятельность не являлась спонтанным проявлением творческой деятельности трудящихся масс, а была спланированным и получавшем руководство на всех уровнях процессом в русле общекультурных трансформаций в СССР 1920-1930-х годов.

2. Сюжеты картин, демонстрирующиеся на выставках 1920-х годов, свидетельствовали о сотрудничестве изокружков с «безбожниками», естественнонаучными и библиотечными кружками, ячейками МОПРа. Тематика картин раскрывается в названиях отдельных работ: «Богатства церкви до революции», «Память Ильича», «Кто не может состоять в профсоюзе», «Его убили, рабкоры продолжают его дело», «Лишенцы», «Пионеры ломают церковь», «После погрома», «Беспризорники», «Спортивный прыжок» [Румянцев, 2000]. При этом, данные, казалось бы зловещие и драматические, сюжеты презентуются как начало нового мира, в своей эстетике мастера-самоучки и художники студий Пролеткульта создают свободную от негативных интерпретаций, визуально и эмоционально мажорную, картину жизни молодого советского государства. Большая часть

произведений того времени – картины и акварели, в которых запечатлевались поворотные страницы истории и новый быт создаваемой Страны Советов.

3. В 1960-1980-е годы темы идеального советского государства продолжают развитие за счет множества микросюжетов и тематических линий. Самодеятельное искусство СССР, за счет различных инструментов институционализации (студии, ЗНУИ, выставки, смотры, фестивали и пр.) во многом было соподчинено существующим официальным нарративам и влиянию массовой культуры (последнее также было фактором влияния для неинституционализованных художников наивного искусства). Таким образом, помимо автодиактичности и связи с глубинной народной культурой, образ мира в искусстве этих мастеров в период «оттепели» и эпоху застоя был обусловлен обозначенными внешними влияниями.

4. Тема традиционного жизненного уклада, крестьянского быта, работы «на земле» часто появляется в картинах наивов. Художники-самоучки советского периода – это часто люди, живущие в сельской местности или связанные с ней воспоминаниями детства и молодости. В картинах советских наивов можно увидеть идиллические картины советской деревни (что во многом смыкается с официальными советскими нарративами ударного труда в колхозной деревне): сцены молотьбы и рубки дров, обмолота снопов и зимних ремесленных занятий, вечóрок и танцев во дворе воплощаются как мотивы идеального бытия у уральцев Нины Варфоломеевой (1919-2008) и Ивана Сарычева (1910-1990); безмятежность пейзажей и покой сельской жизни изображает Александр Суворов (1913-1999) и Афанасий Чепкасов (1921-2002).

5. Официальный дискурс советской реальности подразумевал четкое следование инструкциями и правилам в разных практиках будь то социалистический быт или бюрократизированные процессы общественной жизни. В произведениях орского художника Сергея Степанова (1923-1995) в некоторых эталонных практиках перед нами предстает картина советской жизни: избрание президиума собрания, советский суд, проведение политинформации в совхозе, встреча родственников. Этот мир как будто бы овеществленные советские инструкции: он лишен случайного, экспрессии, эмоции,

персонажи четко следуют определенному правильному порядку действий, все вещи лежат на своих местах, вымышленная реальность в своей точности и выверенности несет черты утопии.

6. Тема изобилия и благоденствия является архитипической для народного искусства и часто появляется в произведениях наивных художников. В творчестве советских художников-самоучек это благоденствие – достижения социализма и мудрого руководства партии. В таких произведениях как, например, у нижнетагильца Федора Каменских (1908-1995), мотивы изобилия имеют маркеры советского: роскошные натюрморты с дарами природы, нарезными батонами и «дюшесом» располагаются в окружении кумачовых лозунгов, говорящих о величии СССР, и гербов.

7. Достижения советской науки и техники и завоевание космоса советским человеком, начиная с 1960-х годов стали важной частью доминирующего властного нарратива. В творчестве советских самоучек эти мотивы, казалось бы, парадоксально часто используются. Так, у уральского художника-самоучки Николая Тюрина (1926–2016) «подсмотрены» с миллионно тиражированных открыток, продававшихся в каждом газетном киоске СССР, два портрета «гордости СССР» – «первого человека в космосе» и «первой женщины в космосе» – Юрия Гагарина и Валентины Терешковой. Метод наивного копирования «официальных документов» применяется в другой «космической» картине Николая Тюрина «Космонавты на родной земле», изображающей, на первый взгляд, абсолютную фантаسمатию: двоих космонавтов с дубинами в руках в заснеженном лесу, которые встречают в лесу охотника на лыжах с винтовкой наперевес. Отправной точкой сюжета послужила история о приземлении в 1965 году космонавтов П. И. Беляева и А. А. Леонова [Суворова].

Таким образом, наивное и самодеятельное искусство советского периода представляет собой в своем роде визуальную антологию советской утопии, сконструированной, одновременно, с опорой на два фундаментальных базиса: архаическую картину мира, характерную для глубинного народного сознания и государственных официальных нарративов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Богемская, К. Г. Искусство вне норм. М.: БуксМарт, 2017. 416 с.

Богемская, К. Г. Понять примитив. Самодеятельное, наивное и аутсайдерское искусство в XX веке. СПб.: Алетейя, 2001. 184 с.

Румянцев, С. Ю. Некоторые теоретические проблемы и художественно-эстетические особенности самодеятельного творчества 1920-х годов / Румянцев, С.Ю., Шульпин, А.П. Художественное самодеятельное творчество в СССР. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 1917–1932 гг. С. 24–64.

Рылёва, А. Н., Балдина О. Д. Два взгляда на наивное искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 384 с.

Суворова, А.А. Советское наивное искусство: между конформностью и нон-конформизмом // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2021. № 3. С. 82–90.

Художники наивно увидевшие мир / Сост. И. Аликина. В 3-х тт. Колонна: Музей Органической Культуры / Музей Традиции, 2020. Т.1. 476 с.

Художники наивно увидевшие мир / Сост. И. Аликина. В 3-х тт. Колонна: Музей Органической Культуры / Музей Традиции, 2020. Т.2. 404 с.

Художники наивно увидевшие мир / Сост. И. Аликина. В 3-х тт. Колонна: Музей Органической Культуры / Музей Традиции, 2020. Т.3. 400 с.

Brodskaya, N. Naïve Art. New York: Parkstone International, 2014. 256 p.

(АНТИ)УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Д. М. Гаврилов

Томский государственный университет (Томск)

Аннотация. Доклад предлагает краткий обзор наиболее показательных утопических и антиутопических высказываний в сфере современного российского искусства. В нем представлен ряд проектов авторства хорошо узнаваемых на российской арт-сцене художников, представителей совершенно различных (зачастую противоположных) политических и религиозных убеждений, работающих в разных стилях и техниках — от живописи и графики до инсталляции и компьютерных игр. В предложенном тексте были проанализированы тематические работы авторства Группировки ЗИП (Краснодар), Арсения Жилыева (Воронеж, Москва), Павла Пепперштейна (Москва, Прага), Алексея Беляева-Гинтовта (Москва), а также московских коллективов Ice Pick Lodge и AES+F. Проекты перечисленных художников

также отличаются в своей серьёзности – к рассмотрению предлагаются как иронические произведения, так и вполне конкретные идеологические манифестации.

Ключевые слова: современное искусство, contemporary art, утопия, антиутопия, живопись, графика, инсталляция, видеоигры.

В современном российском искусстве мы можем наблюдать возрастающее количество проектов, развивающих традиции жанров утопии и антиутопии. Тем не менее, академических и дискурсивных текстов, готовых предложить обзор подобных произведений не было обнаружено – большая часть из них посвящена осмыслению концепций этих жанров, либо задействию данных терминов в качестве абстрактных понятий. Например, С. Епихин, рассматривая работы А. Осмоловского, применяет по отношению к их ангажированности термин «воля к утопии», а в контексте практик Ю. Лейдермана, рефлексирующего на тему физической смерти, задействует термин «утопия тела» [Епихин]. Похожим образом поступает и Н. Бурио, обращаясь к термину «утопия сближения» при анализе работ, призывающих зрителя к взаимодействию и соучастию [Бурио, 2016]. В предложенном докладе будут затронуты более конкретные и прямолинейные определения: «утопия» – как синоним идеального общественного порядка, а «антиутопия», соответственно, как ее полная противоположность. Материалом для написания доклада стали, непосредственно, анонсы выставок, интервью художников и документы Сети Архивов Российского Искусства. Деятельность группировки «ЗИП» была рассмотрена в цикле статей портала «Agroundart» под названием «Анатомия художественной среды», а проект «Мор. Утопия» группы Ice Pick Lodge был подробно изучен в работе О.С. Потаповой «Компьютерная игра в пространстве культуры».

Перейдем к рассмотрению деятельности художников, работающих с жанрами утопии и антиутопии.

Группировка ЗИП. История группы берет начало на Заводе Измерительных Приборов, где художники арендовали пространство для мастерской и проведения выставок, задействуя ряд найденных на бездействующем заводе атрибутов социалистической культуры в виде плакатов, инструментов и досок почета в качестве материа-

ла создания инсталляций. Сохранившийся на заводе дух советского коллективизма органично дополнил левые политические настроения художников. После проведения первой выставки коллектив авторов назовет себя в честь завода и продолжит развивать линию утопических проектов уже более основательно. В своих практиках художники будут задаваться вопросами о том, какие выводы можно извлечь из краха советской утопии? Какой может быть современная анархо-коммунистическая утопия, и возможно ли что-то изменить посредством самоорганизации? Их выставка «Утопический скелет» представила ряд не нашедших своего воплощения проектов как из личной истории художников, так и из истории мирового искусства. Ее послыл заключался в том, чтобы собрать коллекцию утопий, каждая из которых может быть по-своему осуществима [Коломийченко].

Арсений Жилиев позиционирует себя в качестве художника-исследователя, называя в качестве одного из своих средств выражения музейную экспозицию. Он находит положительную роль в рационализации, структурировании и бюрократизации творчества, считая, что тем самым искусство защищается от псевдонаучных, коммерческих и прочих ненужных влияний. В своих практиках Арсений Жилиев пытается довести эту рационализацию до максимума. Жилиев фокусируется на переосмыслении модернистского и авангардного языка, регулярно обращаясь к утопии и антиутопии. «Музей пролетарской культуры» – показательный для Жилиева проект, посвященный феномену нехудожественного музея. Жилиев подчеркивает схожесть подобных музеев с выставками современного искусства, выделяя интеллектуальный и исследовательский потенциал, сценографическую работу и не претендующие на возвышенность материалы. При этом, с отсутствием проявлений художественной ценности, как таковой. Все это, по его мнению, становится совокупностью того, что хотели сделать художники исторического авангарда. Жилиев пробует перенять эту методологию, задаваясь вопросом о том, какой могла бы выглядеть история искусства после успешной пролетарской революции в недалеком будущем [Шуйкова].

Павел Пепперштейн. В серии работ «Город Россия» художник предлагает рассмотреть ряд своих фантазий, настаивая на том, что это политический, а не художественный проект. Автор демонстри-

рует план строительства новой столицы России – города, который будет должен носить то же имя, что и страна, являясь квинтэссенцией ее культурного наследия. Его центр художник предлагает расположить ровно посередине пути из Москвы в Петербург. Его расположение между двумя старыми столицами должно положить конец спору об их статусе. Новая столица станет чадом двух старых, на первых порах находясь под совместным управлением мэрий Москвы и Петербурга. Строительство города воплотит череду самых смелых архитектурных и инфраструктурных проектов, вовлекая большие инвестиции и становясь залогом стабильного экономического роста России. Утопический проект Пепперштейна должен стать символом будущего страны и реализации самых несбыточных мечтаний. Художник также отмечает, что в городе должен быть воссоздан изначально присущий нашей стране культ познания, духовных и научных поисков. Уважение к прошлому, религиям, языкам и традициям народов как нашей страны, так и всего мира должно идти рука об руку с авангардным сознанием, смотрящим в будущее и готовым на самые радикальные перемены. Старые столицы, согласно работам Пепперштейна, тоже предстанут утопическими проектами. По мере развития города Россия, им будет присвоен музейный статус: каждый старый дом, каждый переулок и улица, каждый двор, каждое дерево, даже самые ветхие и функционально бессмысленные сооружения будут объявлены достоянием народа. Все перечисленное будет подвергаться постоянному уходу и реставрации [Пепперштейн].

Алексей Беляев-Гинтовт. Как и П. Пепперштейн, художник критически настроен по отношению к современному искусству, имея куда более неоднозначную репутацию в художественном сообществе ввиду своих антидемократических политических убеждений и работы с «большим стилем», отождествляемым с авторитаризмом. Сам автор называет свое искусство право-левым, сочетающим духовные традиции с социалистической справедливостью, а «обращение к великому прошлому» художник сплетает со «стремлением к великому будущему» (что также рифмуется и с проектом Пепперштейна). Гинтовт отстаивает евразийские идеи, стремясь отразить дух восходящей эпохи и приближающегося метанарратива [Петрик]. Надеясь на хрупкость утопической цивилизации, автор

предложил резонансный проект под названием «Родина-Дочь», центральной работой в котором стала большая картина, изобразившая так и не построенный Дворец Советов с фигурой Аполлона вместо Ленина [Беляев-Гинтовт], следует упомянуть и его совместный проект с художником А. Молодкиным, фотографом Г. Косоруковым и композитором Д.М. Шостаковичем (внуком Д.Д. Шостаковича) «Новоновоосибирск», в котором авторы представили одноименный город как столицу грядущей Евразийской империи [Русский музей].

Ice Pick Lodge – независимая студия разработчиков компьютерных игр. Создавая проекты, сильно отличающиеся от видеоигр в привычном нам понимании, авторы позиционируют свой контент как современное искусство. Действие их игры «Мор. Утопия» разворачивается в феодальном мире, органично объединившем эстетику средневековья, декаданса и сюрреализма. Жанр антиутопии здесь достигается не за счет деспотичного режима, а за счет неподвластной человеческим силам катастрофы – на город обрушивается пандемия «песчаной болезни», перед которым бессильна физическая война. Каждый час умирают десятки людей, а болезнь кажется врагом всемогущим, хитрым и, как следствие, непобедимым. Немаловажной для сюжетной линии является башня под названием Многогранник. Это сложное левитирующее сооружение, неподвластное законам физики. Архитектор по имени Симон построил Многогранник для себя, но, пока он не понадобился, позволял играть там детям. На протяжении игры, в конструкции обитают только дети, не пуская туда взрослых. Благодаря устройству Многогранника в него не может проникнуть никакое внешнее зло. Там нет ни смерти, ни болезни, ни любых проявлений негатива. На протяжении всей эпидемии не было зарегистрировано ни одного случая заражения внутри Многогранника. В ходе игры предстоит совершить выбор между спасением Многогранника или города. Важно и письмо, которое по сценарию получает игрок в день, предшествующий выбору, – в нем назначается встреча с властями, в ходе которой выясняется, что нет ни города, ни Многогранника, судьбу которых должен решить игрок. Есть лишь песочница, в которой играют двое детей, город же построен из песка, башня – перевернутая ваза, а персонажи – куклы [Потапова, 2010].

AES+F. В завершении доклада следует упомянуть и «Исламский проект» группы AES+F. Антиутопическую ситуацию порабощения западного мира исламскими радикалами. В числе фотоколлажей – изображение Статуи Свободы в парандже, шариатских наказаний посреди Красной площади и минарета, дополняющего музей Гуггенхайма. Проект экспонировался в разных вариациях – например, бутафорское турагентство с типичными предметами интерьера, в числе которых были упомянутые коллажи, напечатанные на кружках, плакатах, открытках и футболках. Второй же вариант – бедуинский шатер, внутри которого можно было расположиться на коврах и подушках, посмотрев напечатанные на шелке работы. Проект не следует отождествлять с исламофобией, его можно проинтерпретировать, скорее, в качестве иронии над массовой паникой, обострившейся ввиду актуальной для периода угрозы ваххабизма [AES+F].

Как мы можем заметить, на сегодняшний день жанры утопии и антиутопии развиваются художниками абсолютно разного мировоззрения – как далекими от политики, так и убежденными социалистами, анархо-коммунистами, авторитаристами и демократами. Что же касается способов воплощения, то проект может быть реализован посредством таких техник как инсталляция, живопись, графика, фотография, музыка и видеоигра.

БИБЛИОГРАФИЯ

Епихин, С. Великая Утопия: опыт «пастеризации» хронотопа [Электронный ресурс]. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/48/article/980> (дата обращения: 25.06.2022).

Бурйо, Н. Реляционная эстетика. Постпродукция / Пер. с англ. А. Шестакова. М.: Ad Marginem, 2016. 216 с.

Анатомия художественной среды. Локальные опыты и практики. Сборник статей. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015. 88 с.

Группировка ЗИП. Утопический скелет [Электронный ресурс]. URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/event/EBDTN> (дата обращения: 25.06.2022).

Коломийченко, А. Арт-группировка «ЗИП» откроет выставку «Все включено» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yuga.ru/news/319702/> (дата обращения: 25.06.2022).

Шуйкова, Е. В тридевятом царстве Арсения Жиляева [Электронный ресурс]. URL: <http://aroundart.org/2014/02/24/v-tridevyatom-tsarstve-arseniya->

zhilyaeva/ (дата обращения: 25.06.2022).

Пепперштейн, П. Город Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artinfo.ru/ru/news/main/peppershtein-regina-2007.htm> (дата обращения: 25.06.2022).

Петрик, Г. Алексей Беляев-Гинтовт: Я, безусловно, право-левый [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/203857/> (дата обращения: 25.06.2022).

Беляев-Гинтовт, А. Родина-Дочь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timeout.ru/msk/artwork/113356> (дата обращения: 25.06.2022).

Русский музей / Мраморный дворец. Проект «Новоновоосибирск» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmuseum.ru/marble-palace/exhibitions/the-project-novonovosibirsk/> (дата обращения: 25.06.2022).

Потапова, О.С. Компьютерная игра в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. №4. С. 349-353.

AES+F. Исламский проект [Электронный ресурс]. URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/event/EBKQF> (дата обращения: 25.06.2022).

АРХИТЕКТУРНАЯ УТОПИОЛОГИЯ В РУСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ И ПРОГНОСТИКИ

А.В. Адонина

Самарский государственный технический университет (Самара)

Аннотация. В настоящее время в отечественной теории и истории архитектуры существуют предпосылки создания единой системной науки, направленной на изучение будущего. В качестве приоритетного направления для новой устойчивой области знания можно рассматривать архитектурную утопиологию. Предполагается, что архитектурная утопиология как область научного знания, сможет включать историософию архитектурных утопий, эстетику, этику, философию, политику, экономику, социологию, психологию, семиотику. Архитектурная утопиология как научное направление занимает промежуточное положение между гуманитарными и точными науками, связана с рядом смежных отраслей знания: футурология, прогностика, форсайт, футуродизайн. В кризисные периоды актуальность данных областей знания резко возрастает, что подчеркивает актуальность исследования архитектурной утопиологии в русле отечественной футурологии и прогностики представляется актуальным.

Ключевые слова: архитектурная утопиология, футурология, прогнозистика, прогнозирование, исследование будущего, конструирование будущего, градоархитектурная утопия.

В начале пути любое совершенствование представляет собой утопию, так как подразумевает достижение идеала в действующей реальности с присущими ей ограничениями. Исторически утопии были представлениями того, что теоретически возможно в будущем, мостом, соединяющим реальность и идеал.

Особое место утопии занимают в архитектурной деятельности, будучи вектором развития архитектуры и градостроительства, они одновременно получают в архитектуре визуальное воплощение.

За последние 100 лет в нашей стране предпринимались многократные эксперименты по реализации архитектурно-градостроительных утопий. Ряд сопутствующих при этом последствий показал актуальность исследования феномена реализации архитектурно-градостроительных утопий на предмет их соответствия существующим в данный момент условиям, учета всевозможных рисков при трансформации в результате реализации, а также прогноз вероятной релевантности в будущем, с учетом разных вариантов развития. Активно развивающаяся с 1990-х гг. научная дисциплина утопиология (или утопиеведение в России) направлена на изучение утопий в разных областях знания, в том числе в архитектуре.

Историография утопий берет начало с 1840-1850-х гг., к началу XX в. став отдельным направлением, с различными подходами в изучении утопий: исторический, литературоведческий, критический, социологический, культурологический, архитектурно-пространственный. Каждый из этих подходов изучает объект утопию в контексте своего предмета.

Архитектурная утопиология в первую очередь представлена трудами архитекторов, градостроителей, урбанистов, дизайнеров, среди которых встречаются как критические, так и комплиментарные высказывания об утопии в архитектуре, причем часть исследований имеют глобальный характер (выдающийся теоретик градостроительства Льюис Мамфорд впервые связал исследование утопии с градостроительством [Мамфорд, 1922]; Манфредо Тафури считал утопию и реальность парой противоположностей, лежащих

в разных плоскостях [Tafari, 1979]; Якуб Вуек выделял стремление утопий к однородности мира, что коррелировало, по его мнению с фантазиями [Вуек, 1990]; Натаниэл Коулман сравнил утопию с методом изобретения и создания лучших мест). Часть исследователей концентрировались на изучении регионального опыта (Ларри Басби изучал взаимодействие утопий и архитектуры после Второй мировой войны во Франции [Busbea, 2003]; Михаил Чутин изучал утопические сельские поселения в Израиле, созданные за последнее столетие коллективными сельскими общинами, основанными на идеале создания социального утопического поселения [Chyutin, 2016]).

В отечественной архитектурной утопиологии прежде всего следует выделить несколько монографий, посвященных осмыслению утопий в архитектуре и градостроительстве. Светлана Петровна Батракова в своем труде «Искусство и утопия: из истории западной живописи и архитектуры XX века», рассматривала сложность взаимосвязи утопических идей с живописью и архитектурой [Батракова, 1990].

Андрей Владимирович Иконников в работах «Архитектура XX века. Утопии и реальности», «Утопическое мышление и архитектура» выстроил картину смены утопий как эволюцию мировой архитектуры, влияние идеальных моделей на развитие архитектуры [Иконников, 2004].

Современные исследователи продолжают искать место и роль утопии и утопического мышления в проектной (архитектурной деятельности). Теоретик и критик архитектуры Александр Гербертович Раппапорт, придерживается критической точки зрения о роли утопий в архитектуре и градостроительстве, предлагая заменить понятие утопии на более реалистичное понятие проект, отличием которого является наличие оценки условий и способов реализации идеи, а также критика и корректировка в процессе реализации [Раппапорт, online].

Утопию как ресурс эволюции проектности, как технику мышления и способ воображения представляет профессор Петр Владимирович Капустин, подвергая критике суждение о модернизме как продукте утопического сознания. По его мнению, отличительная черта утопии заключается в неподражаемом стиле предположения иного в качестве возможного [Капустин, 2018].

Профессор Григорий Евгеньевич Игнатов подчеркивает многоаспектность понятия «утопия» на основе изучения проблемного поля утопического мышления, выделяет признаки архитектурной утопии, делая предположение о наличии специфического подвида архитектурной утопии – градоутопии. По его мнению, топосы идеального города (градоутопии) стимулируют прогнозирование и разработку новых сценариев пространственного развития [Игнатов, 2011].

Ряд исследователей архитектурной утопии связывают ее с прогностикой и, даже футурологией. Так, утопию как инструмент конструирования будущего и метод архитектурного прогнозирования рассматривает архитектор Дмитрий Евгеньевич Фесенко. По его мнению, развитие архитектуры определяется движением от одной утопии к другой [Фесенко, 2018].

Анализом футурологических тенденций в отечественных и зарубежных архитектурных школах занимается архитектор, профессор Наталья Алексеевна Сапрыкина. Темы, которые поднимает исследователь, связаны с инновационными концепциями моделирования архитектурного пространства, а также технологией футуродизайна как инструментом проектного прогнозирования. По ее мнению, процесс предугадывания развития будущего непосредственно связан с экспериментированием, а благодаря внедрению технических инноваций, обращение к рассмотрению перспективных утопий является актуальным для проектирования альтернативного экоустойчивого будущего [Сапрыкина, 2021].

В связи с пандемией осмыслением проблемы современных городов и поиском лучшего стал заниматься архитектурный критик Григорий Исаакович Ревзин. В своем проекте «Оправдание утопии» исследователь рассуждает о том, какие утопические поселения придумывали люди, что из этого получалось, какие градоутопии актуальны сегодня [Ревзин, online].

В концептуально-футурологическом русле изучение утопий получило известность благодаря архитектору, работающему на грани дизайна и цифрового искусства, Егору Андреевичу Орлову. По его мнению, спекулятивная утопия – это образ мышления эмоционально-сетевое поколение. Он также выделяет новые концепции архитектурной утопии XXI века, такие как ксеноутопия, киберпризра-

ки. Таким образом, формируется разновидность технологической архитектурной утопии – кибертопия. Это пространство будущего, в основе которого лежит цифровизация и виртуализация. В своем футуристическом проекте «Кибертопия. Будущее архитектурного пространства. Смерть аналоговых городов» исследователь представил свое видение архитектуры будущего [Орлов, online].

В результате рассмотрения ряда архитектурных утопиков – исследователей в области архитектурных и градостроительных утопий, можно обнаружить некоторые особенности, характерные для отечественного опыта изучения утопий.

С одной стороны, в архитектурном сообществе последнего десятилетия возрождается интерес к утопиям, в том числе, обусловленный кризисными ситуациями, вызванными пандемией 2020 г. Исторически отечественная футурология и прогностика получала расцвет в кризисные периоды истории, поэтому эти области знаний в настоящий момент особенно актуальны.

С другой стороны, ускорение научно-технического прогресса, наступление технологической сингулярности, создание искусственного суперинтеллекта и всевозрастающие притязания человека на конструирование мира провоцируют исследования архитектурно-градостроительной утопической проблематики, основанные на имеющемся в отечественной науке опыте.

В настоящее время архитектурные и градостроительные утопии не просто становятся визуализацией социальных утопий, современные градоархитектурные утопии включают в себя комплекс технологических, экономических, прогностических, футурологических аспектов. Поэтому горизонты архитектурно-градостроительной утопологии как области знания перемежаются с научной прогностикой, футурологией, что в целом свойственно отечественной утопической традиции. Для более эффективной интеграции отечественных авторов в международное утопическое сообщество важно найти и устойчиво развивать архитектурную утопологию на базе научной прогностики, футурологии, философии, культурологии, эстетики, а также математики и кибернетики.

Исторически утопии близки по своей сути отечественной ментальности, поэтому утопология вкупе с другими смежными дисци-

плинами может занять лидирующие позиции в отечественной области теории, истории, методологии и критики архитектурно-градостроительной деятельности, задающей мировоззренческие тенденции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Busbea, L. D. Topologies: the urban utopia in France, 1960–1970. City University of New York, 2003.

Chyutin, M. Architecture and utopia: the Israeli experiment. Routledge, 2016.

Tafari, M. Architecture and utopia. Cambridge, MA: MIT Press, 1979.

Багракова, С. П. Искусство и утопия: Из истории зап. живописи и архитектуры XX в. М.: Наука, 1990.

Бук, Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. Стройиздат, 1990.

Игнатов, Г. Е. Проблемное поле утопического мышления // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 2 (11). С. 145–150.

Иконников, А.В. Утопическое мышление и архитектура. Архитектура-С, 2004.

Капустин, П.В. Черчение и Утопия: два полюса формирования архитектурно-проектного мышления // Архитектурные исследования. Научный журнал. 2018. № 2 (14). С. 20–32.

Мамфорд, Л. История утопий. 1922.

Орлов, Е. А. Эволюция архитектурных теорий: от утопий XX века к современным методам прогнозирования будущего. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-arhitekturnyh-teoriy-ot-utopiy-hh-veka-k-sovremennym-metodam-prognozirovaniya-buduschego?ysclid=l8i9jt3axb136419645> (дата обращения 09.07.2022).

Раппапорт, А. Г. Архитектура и утопия. URL: http://papardes.blogspot.com/2020/08/blog-post_31.html (дата обращения 08.07.2022).

Ревзин, Г.И. Оправдание утопии. URL: <https://www.kommersant.ru/theme/1793> (дата обращения 18.07.2022).

Сапрыкина, Н. А. Эко-устойчивые приоритеты при формировании пространства обитания: альтернативные инновации будущего // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2020 году. 2021. С. 146–159.

Фесенко, Д. Е. Архитектура как инструмент конструирования будущего. От архитектурной истории XX–XXI веков до новой урбанистической политики. Москва: URSS, 2018. 400 с.

ИДЕИ И УТОПИИ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

А.Г. Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Липецкий государственный технический университет (Липецк)

Аннотация. В настоящее время медиасфера оказывает существенное влияние на содержание и трансформацию исторической памяти. Одним из основных для современной коммуникативной памяти остается образ СССР и соответствующие коннотации. Сам факт возникновения Советской России стал своеобразным воплощением утопии с последующим государственным строительством социального идеала. На помощь новому государству пришли идеи авангардизма, связанные с научно-техническим прогрессом, с культом машин, с радикальным пересмотром темпоральности. В статье будет дана оценка вклада советских авангардистов в формирование образа СССР, а также будет показано, как утопии советского авангарда представлены в современной медийной среде. В частности, в фокусе внимания автора окажется творчество советских композиторов, ориентированных на музыкальный авангард; например, члена Ассоциации современной музыки А.В. Мосолова, сочинение которого «Завод. Музыка машин» в последнее время активно тиражируется за рубежом. Также будет показано, как сегодня используется наследие советских авангардистов. Будут сделаны выводы о значимости и актуальности советского прошлого, о востребованности конструктивного потенциала советской утопии, о популярности идей авангардизма.

Ключевые слова: советский авангард, историческая память, медиасреда, утопия, образ СССР.

В марте 2020 года были опубликованы результаты опросов «Левады-Центра», посвященных памяти о Советском Союзе, в которых было отмечено, что основными каналами информации о советской эпохе выступает личный опыт, а также внутрисемейная и институциональная трансляция памяти, в то время как обсуждение совет-

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

ских времен с друзьями и коллегами, скорее, не принято [Структура...]. Такой вывод показал актуальность проблематики исторической памяти и ее измерений в контексте современного обращения с советским прошлым.

В свое время А. Эрл отмечала, что культурная память основана на коммуникации посредством медиа, а общие версии прошлого неизменно генерируются средствами так называемой «медиаальной экстернализации» (термин, предложенный А. Ассман). При этом наиболее базовой формой такой экстернализации оказывается устная речь, и наиболее распространенной, возможно, является ситуация, когда бабушки и дедушки рассказывают детям о «старых добрых временах» (old days). Более же сложные медиа-технологии, такие как письменность, кино и Интернет, расширяют темпоральный и пространственный диапазон воспоминаний. Культурная память формируется совокупностью медиа, действующих в рамках различных символических систем (например, телевизионные документальные фильмы), каждая из которых имеет свой особый способ запоминания и будет оставлять свой след в создаваемой им памяти [Erl, 2008: 389].

Сложность трансляции прошлого заключается в том, что как живые свидетели, так и медиа не являются нейтральными агентами (первые – в силу эмоциональной привязки к рассказываемым событиям; вторые – вследствие идеологических факторов), однако формируют поле для последующих воспоминаний. К тому же утверждение Ж. ван Дейк, что «медиаализированные воспоминания не расположены ни прямо в мозге, ни полностью за его пределами в (материальной) культуре, а существуют одновременно, поскольку они представляют собой сложные интеракции между мозгом, материальными объектами и культурной матрицей, из которой они возникают» [Dijk, 2007: 28], выводит проблему восприятия прошлого на эпистемологический и онтологический уровень, так как связывает ее с темой корреляционизма, актуализированной сегодня в работах представителей спекулятивного реализма [см.: Мейясу, 2017].

Память о Советском Союзе, находясь сегодня в транзитном положении, в состоянии перехода от коммуникативной к культурной памяти [см.: Ассман, 2004], неизбежно попадает во власть разнообразных посредников – от журналистов с их амбициозными медиа-

проектами (например, «Намедни» Л. Парфенова или «Исторические хроники» Н. Сванидзе) до институциональных образований типа Российского военно-исторического общества. Вокруг советского прошлого постепенно формируется так называемая медийная память, неизбежно сокращающая пространство истории. Свой вклад в искажение трансляции памяти об СССР вносят и материальные объекты, претендующие на статус не столько средств, сколько самостоятельных агентов «аффилиативной постпамяти» [см.: Хирш, 2021]. К таким агентам, безусловно, относятся произведения искусства, которые могут восприниматься как минимум в качестве объектов (интересно, что последние наработки акторно-сетевой теории [см.: Латур, 2020] и объектно-ориентированной онтологии [см.: Харман, 2021] открывают пространство для обсуждения активности и нового статуса объектов).

Недостатка в объектах культурного наследия в случае с СССР, конечно, нет. Остановимся лишь на одном культурном феномене – авангардизме. Выбор объясняется особой ролью идей и утопий авангарда в становлении советской государственности, к тому же из работ М. Элиаде известно о том, какое определяющее влияние на судьбу оказывает история происхождения [см.: Элиаде, 2010].

Обстоятельства рождения авангарда связаны с выходом на авансцену общественной жизни широких масс, с появлением человека массы со своей групповой мифологией, с реализацией утопических проектов строительства будущего общества, историческим подтверждением чего стало возникновение Советской России. При этом просматривается взаимовлияние, соответственно, социалистического и авангардистского проектов: с одной стороны, «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года способствовала формированию широкого пространства для утопического творчества, в котором совпали цели социальных экспериментаторов и деятелей искусства. <...> Представители авангарда мечтали о новом искусстве и об изменении мира с его помощью, поэтому не случайно большинство авангардистов с восторгом восприняли революцию и искренне желали служить ей» [Паниотова, Романенко, 2019: 242]; с другой стороны, сами «...авангардистские проекты предвосхитили тоталитарные версии “светских религий” XX в.» [Рыков, 2019: 146].

Учитывая разнообразие авангардистских проявлений в сферах искусства и видах деятельности, сосредоточимся на некоторых примерах из советского музыкального авангарда и их соответствующей трансляции в современной медиасреде.

Кончено, достаточно не просто выделить «чистых» музыкальных авангардистов среди известных авторов и исполнителей первой трети XX века, тем более, что сам музыкальный авангард на стадии своего становления (первая волна), в отличие от авангарда в литературе и в живописи, представлял собой менее целостное и оформленное явление, не образывал единого стиливого направления.

Однако, руководствуясь формальными соображениями, следует, конечно, причислить к авангарду музыку композиторов Ассоциации современной музыки (далее – АСМ) – наиболее передовой организации, поставившей себе в 1923 году задачей создание и пропаганду «новой музыки». Своего рода манифестами АСМ можно считать знаменитый симфонический эпизод «Завод. Музыка машин» А. Мосолова из неосуществленного балета «Сталь» и его же Первый концерт для фортепиано с оркестром [Краткий учебник...].

Российский композитор и искусствовед И.С. Воробьев обращает внимание на футурологическую, машинную, революционно-праздничную утопии, которые нашли свое отражение в работах А. Мосолова, особо отмечая, что в истории советской музыки именно ему «...суждено было стать композитором, чье творчество олицетворяло собой машинную утопию 1920-х годов. С одной стороны, это обстоятельство было обусловлено характерной производственной тематикой ряда произведений (балет “Сталь”, “Завод. Музыка машин”, музыка к спектаклю “Рельсы гудят”, опера “Плотина”), с другой – спецификой тематизма, отличающегося “вращательной” остиной моторикой, словно имитирующей работу машинного механизма (фортепианные сонаты, фортепианный концерт, струнный квартет и т.д.» [Воробьев, 2012: 61].

Впервые произведение «Завод. Музыка машин» было представлено как первая часть оркестровой сюиты из балета, премьера которого состоялась в Москве 4 декабря 1927 года на концерте Ассоциации современной музыки, посвященном десятой годовщине революции. А недавно – 6 и 8 сентября 2019 года – группа «Metallica» исполни-

ла эту пьесу с симфоническим оркестром Сан-Франциско во время своих выступлений. Сам факт использования работ А. Мосолова такой известной группой как «Metallica» не только свидетельствует об интересе к музыкальному авангарду на Западе, но и открывает возможность приобщения к советскому творчеству и истории для многомиллионных поклонников американской группы, которые, конечно, не могли не обратить внимание на данный эпизод. Более того, впоследствии видеозапись концертов в г. Сан-Франциско (фильм «S&M 2») транслировалась в кинотеатрах по всему миру в течение осени 2019 года. В результате фильм собрал 5,5 миллиона долларов в мировом прокате, что сделало его самым кассовым событием рок-кинематографа за всю историю [Надусек, 2019].

Заметим, что еще в начале 1990-х годов немецкий теоретик общества и культуры модерна Г. Люббе отмечал, что раннесоветский авангардизм остается главным культовым объектом интеллектуальной ностальгии по авангардизму, особенно распространенной на Западе [Люббе, 2019: 128–129].

Выделим еще один яркий пример использования в музыкальном творчестве новаторских идей, рожденных в период становления советского государства.

Дело в том, что последней крупной тенденцией, имеющей отношение к музыкальному авангарду, можно считать научно-экспериментальную деятельность по созданию новых инструментов и способов преобразования звука. Автором первого электронного инструмента стал Лев Термен – гениальный изобретатель, физик и музыкант-любитель. Запатентовав в 1921 году свой «эфиротон», а точнее, «музыкальный прибор с катодными трубками», Л. Термен, по сути, открыл новую эру в музыке. Продемонстрировав В.И. Ленину свой инструмент и получив его всестороннюю поддержку, в течение 1920-х годов на волне пропаганды электрификации Л. Термен совершил триумфальное турне по всей России, Европе и Америке. [Краткий учебник...].

Звучание инструмента, известного сегодня как терменвокс (theremin), придает музыкальному произведению некую таинственность, космичность, и довольно часто используется известными западными рок-музыкантами, стремящимися расширить рамки жанра. Так,

гитарист английской группы «Led Zeppelin» Джимми Пэйдж применял вариацию терменвокса во время исполнения песен «Whole Lotta Love» и «No Quarter» на протяжении всей истории выступлений коллектива, в частности для длительного мультиинструментального соло на концертах в 1977 году. А современная икона блюз-рока американский гитарист Джо Бонамасса нередко использует терменвокс как на концертах, так и в студийных записях (например, в композиции «The Ballad of Joe Henry»).

Сегодня без творчества авангардистов невозможно представить себе историю нашей страны. Без отсылок к именам, идеям и течениям, связанным с теми или иными направлениями авангарда, не обходятся значимые мероприятия и медиапроекты.

Например, эстетически вписывающаяся в контекст советского авангарда 1920-х годов оркестровая сюита Г. Свиридова «Время, вперед!» (известна, прежде всего, как музыкальная заставка информационной телепрограммы «Время») использовалась в постановке церемонии открытия XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, иллюстрируя период советской индустриализации.

Несколько раз упоминает авангард и журналист Л. Парфенов в сюжетах проекта «Намедни», посвященных периоду существования СССР 1920–1930-х годов (например, заметка «Сумбур вместо музыки», название которой воспроизводит известную редакционную статью газеты «Правда» от 28 января 1936 года).

Таким образом, образ советского периода отечественной истории никуда не уходит, существует не только в бытовых, семейных, но и в медиакультурных реминисценциях. Конструктивный потенциал советской утопии, в том числе и эстетически усиленной работами авангардистов, оказывается востребованным при демонстрации переломных периодов отечественной истории XX века. А популярность идей советского музыкального авангарда подтверждается их циркуляцией в современной массовой культуре, как в нашей стране, так и на Западе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности; пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Воробьев, И.С. Черты утопии и антиутопии в творчестве А. Мосолова 1920-х – начала 1930-х годов // Музыкальная академия. 2012. № 4. С. 59–66.

Краткий учебник по русскому авангарду. Главные достижения авангардной мысли XX века в семи видах искусств – поэзии, скульптуре, архитектуре, театре, кино, музыке и живописи. URL: <https://arzamas.academy/materials/638> (дата обращения: 03.08.2022).

Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию; пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем; пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.

Мейясу, К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности; пер. с фр. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.

Паниотова, Т.С., Романенко, М.А. Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 237–250.

Рыков, А. Политика авангарда. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.

Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. По результатам инициативных репрезентативных общероссийских опросов населения // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 03.08.2022).

Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»; пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.

Хирш, М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2021. 428 с.

Элиаде, М. Аспекты мифа; пер. с фр. М.: Академический проект, 2010. 251 с.

Dijk, J. van Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007. 256 p.

Erl, A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erl, A. Nunning. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 389–399.

Hadusek, J. Metallica's S&M2 Film Breaks \$5 Million at the Box Office, Gets Additional Worldwide Screening // Consequence. October 16, 2019. URL: <https://consequence.net/2019/10/metallicas-sm2-film-box-office/> (accessed: 4 Aug 2022).

КОНЦЕПТ «ВСЕОБЩНОСТЬ», ЭНЦИКЛОПЕДИЗМ И ГУМАНИЗМ РУССКИХ УТОПИСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (А. БОГДАНОВ (МАЛИНОВСКИЙ) И В. ХЛЕБНИКОВ)

С. Л. Андреева

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова (Магнитогорск)

Аннотация. На фоне широчайшего разнообразия футурологических и утопических экспериментов конца XIX – первой трети XX вв. литературные, научные и философские проекты В. Хлебникова и А. А. Богданова (Малиновского) выделяются гуманистическим решением проблемы всеобщего счастья. При очевидной самобытности таланта, новаторстве в поиске основы для построения своей идеи Будущего оба мыслителя занимались поиском всеобщей научной основы для построения истинного Счастья Человечества. Обладая грандиозными познаниями в разных научных областях, опираясь на математические расчеты, каждый из них шел к построению Будущего своим путем: А. А. Богданов через разработку «всеобщей организационной науки» («Красная Звезда», «Тектология»), В. Хлебников – через решение вопроса Времени («Зангези», «Доски судьбы»). Для каждого из них язык был ценнейшим источником для постижения «культурного кода» для Счастливого Будущего, отказ от государства оценивался как естественное и неперемное условие развития Человечества, причем каждый народ (для Хлебникова – и каждое поколение) ценен для расчета программы Будущего.

Ключевые слова: концепт «Всеобщность», энциклопедизм, гуманизм утопии, русские утописты XX века, А. А. Богданов (Малиновский), В. Хлебников.

Матрица утопического типа сознания (УТС) – это стабильный каркас из концептов («Счастье», «Благо», «Разум», «Государство», «Норма» и др.), связанных между собой сетевым способом. По мнению В. И. Мильдона, утопия не развивается и обречена на замену «историческим» сознанием [Мильдон, 2006: 15]. На наш взгляд, развитие концептосферы УТС идет за счет иного сочетания известных базовых концептов, их новой интерпретации и, как следствие, за счет своеобразного «почкования» слотов их фреймовой структуры.

Концепт «Всеобщность» является «зонтичным» концептом, встраивающимся в большинство утопических концептов (ср. *всеобщее, абсолютное, счастье, мировой пролетариат, всеобщее равенство, всеобщие нормы, мировой закон, мировое государство* и пр.). Он связан с ожидаемой полнотой счастья, достижением идеала и абсолюта во всем; утверждает всеохватность, массовость, универсальность утопии; обеспечивает вселенский масштаб утопического проекта. В развитии данного концепта есть несколько «точек роста»:

1) утопизм XVIII в., развивавшийся в эпоху открытия и колонизации новых земель и впервые соединивший идею колонизации темой Космоса («Микромегас» Вольтера; «Дворянин-философ» Ф. Дмитриева-Мамонова и др.). Эпоха энциклопедистов заложила также методологические основы познания и социального проектирования, прочно связав концепты «Наука» и «Управление»: широкая просвещенность становится необходимым качеством владельца государства, а также закрепляется требование подводить под утопический проект научную базу;

2) технико-технологическая революция середины XIX в. и ее практика демонстрации достижений человечества на всемирных выставках (Лондон, Париж, Вена и др.), укрепившие веру человечества в свои силы и спровоцировавшие лавинообразный рост утопических проектов, т.е. наметившие праксиологический вектор развития УТС;

3) формирование теории космизма (в 1860-е гг. Н. Федоров начинает писать «Философию общего дела»). По замечанию В.В. Лыткина: «Интерес к нравственно-этической проблематике, поиски счастья, вывели русских мыслителей на новые, неожиданные направления в исследованиях. Русский космизм, вызрев в недрах философии всеединства, стал феноменом в истории мировой философии, счастливо связав историю человеческой культуры прошлого с современной и будущей глобальной практикой человечества» [Лыткин, 2012: 272].

Масштаб и разноплановость таких личностей, как А. Богданов и В. Хлебников, потрясли бы самых строгих энциклопедистов XVIII в. А.А. Богданов (*Малиновский*) (1873–1928) – писатель, философ, профессор политэкономии МГУ, идеолог Пролеткульта, революцио-

нер, врач, естествоиспытатель, член Социалистической академии наук. В. Хлебников (1885–1922) – поэт, прозаик, теоретик литературы, лингвист-экспериментатор, исследователь глубинных пластов языка, художник, мыслитель, ученый (профессиональные занятия орнитологией, геологическая экспедиция, увлечение фенологией) [Ганин, 2013: 3], обучавшийся на математическом и естественном отделениях физико-математического факультета в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, на факультет восточных языков по разряду санскритской словесности, на славянско-русском отделении историко-филологического факультета, крупнейший деятель русского авангарда, основоположник русского футуризма; Председатель Земного Шара, «Колумб новых поэтических материков» и при этом «неорганизованнейший человека», который «сам за всю свою жизнь не напечатал ни строчки» (В. Маяковский). В творчестве А. Богданова и В. Хлебникова концепт «Всеобщность» имеет содержание, характерное для утопической мысли первой трети XX века, и одновременно обозначает новаторство его интерпретации.

Философские задачи утопистов Хлебникова и Богданова по сути совпадали: каждый из них, вооружившись энциклопедическими знаниями, исследовал реальный и ирреальный миры, чтобы избавиться от их стихийности, непредсказуемости и выработать новое **универсальное Знание, Откровение** для человечества, которое позволит **управлять** тем, что ранее не подчинялось человеку: у Хлебникова – это Время, у Богданова – Человечество и Космос.

Хлебников и Богданов искали «исходные интуиции» для своих концепций, и важно было ничего не упустить. В результате Богданов создает «Тектологию (*всеобщую организационную науку*)», позволяющую осмыслить, изучить любое явление с точки зрения его организации и системного подхода; послужившую основой общей теории систем, предшественницу кибернетики. Хлебников создает не теорию, но *концепцию полного времени* (трактат «Доски Судьбы», «Наша основа» и др.): поэт нашел и математически вычислил способ объединения с предками и потомками, открыл «канал» всевременной и всеобщей коммуникации. И в этом гуманистическое новаторство его УТС с концептом «Время» во главе. Богданов и Хлебников апробировали свои идеи и в художественной форме: Богданов – в

романах «Красная звезда», «Инженер Мэнни», повести «День бес-
смертия» и др.; Хлебников – в сверхповести «Зангези», которая сое-
динила все прежние его произведения в один сверхтекст.

Отвечая на запросы времени, утописты к. XIX – н. XX в. назна-
чают в мессии не просто интеллектуала-философа-мудреца, но *мыслителя-деятеля*, владеющего мировым знанием и способным
применить на практике достижения человечества. У Богданова мес-
сией становится инженер, постигший законы науки и организу-
ющий мир на Земле и в Космосе. У Хлебникова – универсальный
гений, ученый, астролог, шаман, сверхчеловек Зангези, *могатырь*,
могогур, *могесник* (от глагола *мочь*), *времямаз*, *трубач-глашатай чи-
стых законов времени*. Ему открыты «коды» Мирового языка. Слово
и история каждого народа ценны. Свои «интуиции» поэт проверял
математически, вдохновившись геометрией Н.И. Лобачевского и от-
крытиями в теории пространства математика Г. Минковского. Глав-
ная задача – снять *«осаду временем»*, чтобы избавить человечество
от тисков Прошлого, Настоящего и Будущего, принять ожидаемую
бесконечность счастья и скоротечность жизни. Важно предвидеть
Будущее, а предвидение есть *«тонкое, изящное решение уравнений
времени»* [Хлебников, 2006: 43].

У Богданова «инженерный» подход к решению вопроса Счастья в
его организационной науке заключался в триединой организации –
вещей, людей и идей, систематизации огромного организационного
опыта человечества в освоении материального и идеального миров.
Высшей формой эволюции Вселенной Богданов считал человече-
ский коллектив, понимая под ним «стройную многомиллионную
организационную систему, состоящую из индивидуумов» [Богда-
нов, 1989: 70], для которых Космос эволюционирует и организуется.
Этот гуманизм и одновременно колониализм космизма Богданова
противоречит идее Н. Федорова.

Любопытно, что при создании своих концепций Хлебников и
Богданов решали общую проблему – проблему смерти человека. В
трактате «Доски Судьбы» поэт признается *«Я хотел найти оправ-
дание смертям»*. В концепции полного времени смерть не отрица-
ется, но она теряет для человека свою невыносимую безысходность,
безвозвратную несправедливость. Она обретает смысл в контексте

вечной жизни в качестве своеобразного ее «агрегатного состояния», «паузы». Задача человека научиться высчитывать эти паузы, чтобы управлять временем своей настоящей и будущей жизни. В манифесте «Наша основа» поэт объяснит: *«Сейчас, благодаря находке волны луча рождения <...> меняется и наше отношение к смерти: <...> будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия»* [Хлебников, 2005]. Богданов рассматривал смерть как вопрос важный для научного миропонимания и эстетического «мирочувствования», смерть есть путь обновления жизни и возможность развития, поэтому он посвящает свою жизнь не поиску бессмертия (как герой Фриде из его рассказа «Праздник бессмертия»), а только продлению времени жизни, увеличению жизненных сил человека (занимался гемотрансфузиологией, организовал и возглавил Института переливания крови).

Хлебников и Богданов едины и в стремлении объединения человечества. По мнению Богданова, мышление человека оторвалось от общественного и мирового целого, порождая неполноту жизни, разорванность мира, реальные социальные противоречия. Но *«в раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым <...> На этом пути совершается **собирание человека**»* [Богданов, 1989: 39]. Хлебников тоже исходит из необходимости объединения человечества (ср. *«сверстанное человечество»* из разных этносов разных поколений). Богданову, как и Хлебникову, ценен опыт всех людей, но Хлебников только перед народом России ставит задачу воина-защитника: *«Волны народов одна за другой / Катились на запад: через дважды в одиннадцатой три / Выросла в шлеме сугробов Москва, / Сказала Востоку: «Ни шагу»* [Хлебников, 2020: 77]. Сам Зангези тоже воин (*Я воин, время – винтарь*). Его задача – сохранить историческую память. Спустя 100 лет со дня смерти поэта такая задача кажется актуальной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Ганин, М. В. «Мера» как категория мифопоэтики В. Хлебникова: трансформация элементов : автореф... дис. кан. филол. наук : 10.01.01. М., 2013. 21 с.

Лыткин, В. В. Понятие космизма и проблема его классификации // *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право.* 2012. № 8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kosmizma-i-problema-ego-klassifikatsii> (дата обращения: 14.08.2022).

Мильтон, В. И. История и утопия как типы сознания // *Вопросы филологии.* 2006. № 1. С. 15-24.

Хлебников, В. Доски Судьбы // В. Хлебников. *Собрание сочинений в 6 тт., 2 кн.* Т. 6. Кн. 2. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2006. 340 с.

Хлебников, В. Зангези: Сверхповесть. М.: Бослен, 2020. 272 с.

Хлебников, В. Наша основа // В. Хлебников. *Собрание сочинений в 6 тт., 2 кн.* Т. 6. Кн. 1. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-061/hlebnikov-ss06-061.html#s002040> (дата обращения: 12.02.2022).

ЭВТЕХНИИ БУЛГАРИНА И ОДОЕВСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Ю.А. Ростовцева

Институт искусств и информационных технологий (Москва)

Аннотация. Утопическое мировоззрение а priori связано с поисками благополучия и счастья. Этот постулат принимают как противники утопии, так и её благосклонные исследователи. Однако в мире технократической утопии – эвтехнии человеческому счастью определено совершенно особое место. В этом мире «вся общественная жизнь, все институты, отношения, ценности строятся в соответствии с законами естественных наук и техники». Властвующий в технократической утопии принцип рациональности, по мысли Э. А. Баталова, выступает в качестве «пробного камня нравственности, политики, культуры». Но этот же принцип определяет границы и объём понятия человеческого счастья. В докладе будет представлена зависимость общественного и индивидуального благополучия в эвтехниях Булгарина, Одоевского, Платонова и Беляева от «благ» научно-технического прогресса. Отдельное внимание будет уделено таким категориям как личное и семейное счастье в условиях всеподчиняющего принципа рациональности.

Ключевые слова: утопия, технократическая утопия, эвтехния, Булгарин, Одоевский.

В России технократическая утопия начинается с «Правдоподобных небылиц» (1824) Ф. В. Булгарина. Булгаринский герой, которого подобно героям «Новой Атлантиды» Бэкона, бурей забросило в неведомую даль, напрочь лишен рефлексии. Никакого сокрушения о былых любимых занятиях, ностальгии по Отечеству, или грусти от расставания с близкими, свойственных более позднему герою эвтехнии Н. Н. Шелонского или А. Р. Беляева, мы здесь не найдем. Функция героя – удивляться всему увиденному. Рассказчик дивится доступности в Северных широтах экзотических фруктов, любит городом, который, подобно апокалиптическому Иерусалиму, сделан из чистого стекла, не верит глазам, глядя на воздушные дилижансы и подводные дома, и все это без каких-либо намёков на грядущую катастрофу – элемент более поздних утопических произведений В. Ф. Одоевского. Таким образом, можно было бы предположить, что блага науки и техники – гарант счастливой утопии Булгарина. Вместе с тем, всё, что может предложить утопист в рамках своей счастливой эвтехнии – это модель общества, в котором владуют короли и принцы, а богатства на суше и под водой принадлежат сильным мира сего. Добавим к этому, что несмотря на самоходные повозки, дирижабли и подводные лодки, в утопическом обществе Булгарина не побеждена преступность, и мы получим списанный с реальности, приукрашенный научно-техническими новшествами портрет. Другой негативный момент, без сомнения, в том, что государство в утопии Булгарина в праве контролировать матримониальный выбор граждан, и супружеское счастье последних напрямую зависит от благосостояния первого.

Следующей технологической утопией является неоконченный роман Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (1835). Новшества «4338 года» много превосходят те ноу-хау, которым дивится рассказчик из «Правдоподобных небылиц». Изобретения, полученные в утопическом государстве Булгарина более-менее естественным путем, Одоевский связывает с технократической «революцией». Так, климатические изменения, которые в первой утопии произведены посредством «истребления льсовъ, осушения болотъ, перехода внутренней теплоты земли къ Северу» [Булгарин, 1830: 87], во втором тексте есть всецело победа технической изобретательности. Огром-

ные машины, вгоняющие воздух в трубы, резервуары и теплохранилища сделали то, что «русские победили даже свой враждебный климат!» [Одоевский, 1977: 246]. Если Булгарин упоминает о произрастании в северных широтах экзотических фруктов, Одоевский уже распространяется об их диковинных гибридах: «я заметил плоды, которые были нечто среднее между ананасом и персиком: ничего нельзя сравнить со вкусом этого плода; я заметил также финики, привитые к вишневому дереву, бананы, соединенные с грушей; всех новых пород, так сказать, изобретенных здешними садовниками, невозможно исчислить» [Одоевский, 1977: 257]. Вино Надежина, соединяющее «въ себѣ игру и мягкость Шампанскаго съ крѣпостью Бургонскаго» [Булгарин, 1830: 127], в России Одоевского заменяет «ароматная смесь возбуждающих газов», только напоминающая по вкусу запах вина. Главное же – аэростаты и гальваностаты, в описании которых здесь нет и тени громоздких птицеобразных деталей, отличающих воздушные машины Булгарина. Ясно одно: воздухоплавание в 4338 году так усовершенствовалось, что у него нет больше необходимости подражать природе. Даже в описании моды Одоевский-утопист превосходит «естественное» болгаринское щегольство. Как и в Надежине дамы в Российской полушарии носят платья с элементами животного мира. Но если в первом случае материалом являются перья диковинных птиц и чешуя редких рыб, во втором – главенствующее место занимает эластичный хрусталь, в который инкрустированы блестящие жуки и светящиеся мошки. Словно усиливая эффект от описанного щегольского наряда, Одоевский прибавляет: «Такое платье, как говорили здесь, стоит очень дорого и может быть надето только один раз, ибо насекомые скоро умирают» [Одоевский, 1977: 254]. Отдельно надо упомянуть о технических реалиях, о которых в утопии Булгарина нет и речи: «электроходы», мчащиеся по Гималайскому и Каспийскому туннелям, магнетические телеграфы, позволяющие общаться на расстоянии, цветная фотография. Добавьте к этому небывалое развитие просвещения, культурный уровень властителей: первого поэта – государя; министров философии и изящных искусств, и вы получите технологический рай, где каждый счастлив и благополучен. Между тем, при внимательном прочтении произведения придется отметить,

что его автор вряд ли настроен оптимистично в отношении своей эвтехнии. Впервые в середине 80-х годов эту мысль высказал шведский литературовед, писатель и переводчик Л. Х. Клеберг, который увидел в утопии Одоевского сатирический подтекст, связанный с противопоставлением «идеально технологизированной России 4338 года отсталой реальности читателя» [Kleberg, 1984: 215]. В начале 2000-х Л. Геллер и М. Нике уже заговорили о тревожных мотивах романа. «4338 год не лишен двусмысленности, – писали они, – историческая память утрачена, смогут ли ученые избежать столкновения с кометой Галлея, ожидаемой в 4339-м?» [Геллер, Нике, 2003: 109]. Двусмысленность, отмеченная западными исследователями, между тем, может быть подтверждена текстологически. Уже в самом начале писем китайского студента звучат тревожные ноты: падение огромного аэролита преградило путь летящему в Россию электроходу. По счастью «на этот раз человеческое искусство выдержало натиск дикой природы», между тем вопрос, которым задается повествователь, вполне закономерен: «Хватит ли научно-технических сил, чтобы выдержать натиск кометы?» Это тревожная дилемма мерцает на протяжении всего последующего рассказа. И пока дамоклов меч кометы висит над идеализированным миром, китайский студент кутается в свою стеклянную епанчу, ибо машины для обогрева воздуха не спасают его от стихий «Северного царства» и сокрушается о том, что, не сделав ни одного открытия, по здешним обычаям лишен возможности сочетаться законным браком. Так, сомнение в счастье частных лиц, порождаемое утопией Булгарина, сменяется тотальной тревогой за благополучие всего будущего мира в утопии Одоевского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Булгарин, Ф. Правдоподобные небылицы, или странствование по свету в двадцать девятом веке / Сочинения Фаддея Булгарина. Ч. VI. СПб., 1830.

Одоевский, В. 4338 год. Петербургские письма / Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М.: «Молодая гвардия», 1977.

Kleberg, L. Utopia and its negations: literary utopia in Russia before the Revolution // Russian History. Vol. 11, No. 2/3, Special issue: Utopia in Russian History, Culture, and Thought: a Symposium (summer-fall 1984 / ete-automne 1984).

Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003.

«СВЯЗЬ ВРЕМЁН. ЗАПИСКИ БЛАГОДАРНОГО. В СТАРОМ СВЕТЕ» И. М. ЕФИМОВА КАК «ВАРИАНТ» «БЫЛОГО И ДУМ»
А.И. ГЕРЦЕНА

М. Л. Бедрикова

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова (Магнитогорск)

Аннотация. Автор записок «Связь времен» И.М. Ефимов принадлежал к поколению «шестидесятников» XX века, представители которого воспринимали события 1960-х годов сквозь утопически-идеалистические «очки». Для автора «Связи времен» характерно единство политического, социокультурного и литературного аспектов в восприятии эпохи оттепели. Литература как вид искусства влияла на умы современников И.М. Ефимова. Утопизм в мышлении «шестидесятников» соседствует с литературоцентризмом: современный писатель осмысливает собственную жизнь сквозь призму русской истории, философии и великой русской классической литературы. В статье в сравнительно-историческом аспекте рассматриваются наиболее важные черты русского национального самосознания. Автобиографическая проза русского зарубежья рубежа XX-XXI вв. («Связь времен» И.М. Ефимова) развивает традицию русских писателей-философов, которая берет начало от А.И. Герцена.

Ключевые слова: утопизм, литературоцентризм, литература русского зарубежья, А.И. Герцен, И. М. Ефимов.

Игорь Маркович Ефимов, автор произведения «Связь времен. Записки благодарного. В Старом Свете» (2011), по словам И. Бродского, друга писателя, продолжает «великую традицию русских писателей-философов, ведущую начало от Герцена» [Ефимов, 2011: 4]. Представитель поколения 1960-х годов И. Ефимов выступал с критикой современного социализма. Родился И. Ефимов в Москве в 1937 году, большая часть жизни протекала в СССР, в конце 1970-х годов он вынужден был эмигрировать в США – из Старого Света в Новый Свет. В отличие от мемуаров других диссидентов, в записках И. Ефимова отсутствует обвинительный тон по отношению к советскому строю, образу советского человека, социалистическим ценностям. Воспоминаниям инакомыслящего, свидетеля событий, какими бы неоднозначными, трагическими в истории Отечества они

ни были, присущи честность, интеллигентность, критический философский взгляд, признание правомерности «иных» точек зрения на отдельный факт, объективность, гуманизм. У мемуаров Герцена и И. Ефимова есть общие черты – в замысле, масштабности картин российской действительности, ясно прочерченном «имперском векторе». В «Былом и думах» и «Связи времён» оживают лица современников, временной охват при этом огромен – от возникновения революционных кружков первой половины XIX века у Герцена до диссидентских выступлений второй половины XX века у И. Ефимова (в формах российской государственности – от Российской империи до СССР периода Сталина, Хрущева, Брежнева).

Литературоцентризм мышления достаётся отечественным писателям «по наследству»: И. Ефимов неразлучен с мировой литературой, как и Герцен, труды которого посвящены преимущественно теме – «о литературе» [Герцен, 1962: 5]. Код русской литературы как части мировой культуры необходим писателям для «миропостижения».

Сопоставление «Связи времен» с произведением Герцена возможно по ряду оснований: утопизм молодежи 1960-х в сопоставлении с утопическим русским социализмом Герцена; критика инакомыслящей интеллигенцией социалистической мечты. Увлечение А. Герцена немецкой метафизикой, теориями Сен-Симона, Фурье и др. проанализировал И. Берлин [Берлин, 2000: 111-142]. «Юношеский мессианизм Герцена и Огарёва непосредственно связан с революционными устремлениями» [Гинзбург]. И. Ефимов, студент Политехнического института, был связан с ленинградским самиздатом, дружил с И. Бродским, стихи его цитировал, входил в группу «Горожане» Б. Вахтина. Автор «Связи времен» разделил во многом судьбу великого Герцена, у него свой конфликт «неблагонадёжного» с властью, участие в самиздате, жизнь вне Родины, создание журнала в эмиграции. В Гл.2 «В послевоенном Ленинграде», главке «Книги», дана сюжетная линия «нравственного пробуждения» (по Герцену) [Герцен, 1969: 60], герой-повествователь раскрывает специфику сознания советского человека как части системы. Идеология воздействует и через официальную литературу социалистического реализма; дюжину произведений новых писателей подросток прочел в

первое послевоенное десятилетие: А. Толстой, Твардовский, Шолохов, Фадеев, Н. Островский и др. Впечатлительный, неистощимый на выдумки, юный И. Ефимов подвергал рефлексии прочитанное. В результате выстроилась «шкала ценностей» (показана в «Связи времен»), которая напомнила нам важную деталь из классики антиутопии – Е. Замятина «Мы»: «Ах, зачем я не поэт, чтобы достойно воспеть тебя, о Скрижаль, о сердце и пульс Единого Государства... Часовая Скрижаль каждого из нас наяву превращает в шестиколёсного героя великой поэмы» [Замятин, 2014: 225]. Совмещенное с детским сознанием «предписание» (условную «шкалу») автор ассоциирует с «моральным кодексом советского человека». В мягко-иронических формулировках И. Ефимова элементы «шкалы» составляют развёрнутую «классификацию» нравственно-философских представлений о новом типе совершенного человека счастливого социалистического Настоящего. Человек, который без остатка посвящает жизнь Будущему Государству трудящихся. Подросток-читатель «подсознательно выделил – вычленил – выпарил» [Ефимов, 2011: 34] из советской литературы сталинского периода, что «хорошо-плохо». В первую очередь, обратим внимание на деформацию отдельных эстетических категорий, особенно категории «трагического»: «Самопожертвование, переходящее в жертвенность, становилось лозунгом дня» [Топер, 2000: 2-46]; изменение содержания трагического в советскую эпоху глубоко исследовано Гудковой В. [Гудкова, 2008: 221-245]. У И. Ефимова эстетическая категория «прекрасного» распадается на парадоксальные «модификации» в тесной связи с «трагическим»: «самое прекрасное», «просто прекрасно», «хорошо». «Самое прекрасное, что только может быть на свете, – умереть за Родину» [Ефимов, 2011: 34]. Закон государства трудящихся (у Герцена «пролетариат») толкует «прекрасное» в его социалистической повседневности: «Просто прекрасно: работать не щадя себя» [Ефимов, 2011: 34], отсюда понятие трудового подвига нового человека, ощутившего радость коллективного социалистического труда. В категорию «плохо», замыкающей «шкалу», включены весьма разнородные элементы – парадоксальные, противоречивые: «Плохо: нигде не работать, иметь дачу или вообще собственность, модно одеваться, выпивать и курить, верить в Бога, играть в карты, шутить над тем,

что хорошо и прекрасно...» [Ефимов, 2011: 34] Стиль этого фрагмента записок о «шкале ценностей» вряд ли гротескный. В отличие от романа «Мы», в котором Е. Замятин отстранённо описывает повседневную счастливую жизнь нумеров, в «Связи времён» герой-повествователь находится «внутри» ситуации – социалистического настоящего, эмоция здесь – «печальная усмешка» зрелой личности, наблюдающей себя юного – уже с высоты миропостижения и сквозь призму пережитого.

В «Связи времён» И. Ефимов подтверждает верность идейно-нравственного выбора, ссылаясь на свои политико-философские трактаты: «Практическая метафизика», с рецензией Р. Редлиха: «Утверждение, что «наша воля хочет всегда только одного – осуществления своей свободы», есть бесспорно углубление и продолжение классических концепций немецкого идеализма» (псевд. Андрей Московит, антисоветский ж. «Грани», 1973, №№87-88) [Ефимов, 2011: 310]. Об А.И. Герцене И. Ефимов написал в «Метафизике» (1971-1974), поставив русского классика в один ряд с утопистами (от Античности до XX века: «...Радищев, Чаадаев, Герцен?.. Правда была их религией, заменяя им веру в Бога» [Ефимов]).

БИБЛИОГРАФИЯ

Берлин, И. Александр Герцен и его мемуары / вступит. статья и перевод с англ. В. Сапова // Вопросы литературы. 2000. Март–апрель. С.111–142.

Герцен, А. Былое и думы : Части 1–5 / Александр Иванович Герцен; вступит. статья Я. Эльсберга. М.: «Художественная литература», 1969. 925 с.: ил. – Серия 2. Т. 73.

Герцен, А.И. О литературе / Александр Иванович Герцен; сост., вступит. статья и комментарии И. Птушкиной и В. Путинцева. М.: Гос. Издательство художественной литературы, 1962. 647 с.

Гинзбург, Л. О психологической прозе / URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/ginzburg-o-psiologicheskoi-proze/glava-1-1.htm> (дата обращения: 15.08.2022)

Гудкова, В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.

Замятин, Е.И. Мы // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Чудеса: Рассказы; Большим детям сказки: Рассказы; Мы: Роман; Бич Божий: повесть. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 217–382.

Ефимов, И. Связь времён. Записки благодарного. В Старом Свете. М.: «Захаров», 2011. 464 с.

Ефимов, И.М. Метаполитика / URL: http://lit.lib.ru/e/efimow_i_m/text_0040.shtml (дата обращения: 15.08.2022)

Топер, П. Трагическое в искусстве XX века // Вопросы литературы. 2000. Март–апрель. С.2-46.

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН Т.ГЕРЦКИ «ФРИЛАНДИЯ»: РЕЦЕПЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ XX В.

В.Н. Базылев

Открытый университет экономики, управления и права (Москва)

Аннотация. Статья представляет результаты исследования утопического дискурса романа Теодора Герцки «Фриландия», который рассматривается как канон прагматической утопии. Историко-социологический бэкграунд исследования образует феномен неравномерного развития культур, который выступает основой взаимодополнения и обогащения культур и является одной из основных причин лингвокультурной конфликтности. Показано, что тексты Т. Герцки, принципы конструирования в них утопического дискурса, освоенные как на языке оригинала, так и в русских переводах, легли в основу советских дискурсивных практик вплоть до начала 30-х годов. Констатируется, что для советской культуры перевод дискурса в реальность повседневной жизни оказался недостижимым идеалом, поэтому утопический социализм оставался возможным лишь в философском или религиозном планах, воспринимаясь лишь проекцией идеальной и фантомной картины мира.

Ключевые слова: либерально-социалистический дискурс, константа, канон, концепт, дискурсивные параллели, «Freiland», Т. Герцка.

Историко-социологический бэкграунд нашего исследования образует феномен неравномерного развития культур. Названный феномен – это предпосылка для постоянного обращения России к воспроизведению европейских социально-политических моделей общественного развития. Поэтому многие из тех трудностей, с которыми российская политическая культура изначально постоянно сталкивается, уходят своими корнями в историю перманентного

отсроченного опыта адаптации социально-политической культуры Европы к условиям российской цивилизации.

На фоне сказанного выше жизнь, творчество Теодора Герцки и его роман «Фриландия» 1890 года можно рассматривать как канон прагматической утопии [Герцка, 1890]. Мы считаем возможным говорить о тексте Т. Герцки как о каноне, имея в виду следующее: в современной теории нарратива канон трактуется как исходный (первичный) текст, содержащий «верные» и «признаваемые» события; традиционно же под каноном понимается неизменная (консервативная) традиционная, не подлежащая пересмотру совокупность законов, норм и правил в различных сферах деятельности и жизни человека. Все эти признаки присутствуют в тексте Герцки, который актуализируется на протяжении своего существования в лингвокультурах – романо-германской, русской, еврейской, англо-американской – как идеология. Будь то тексты и деятельность Теодора Герцки, Франца Оппенгеймера или Ивана Проханова.

Отметим, что в советскую эпоху Т. Герцка продолжали официально упоминать как о провозвестнике либерально-социалистических идей вплоть до 80-х годов. Он не был «запрещен» советской цензурой и занимал свое, пусть скромное место, в советской картине мира. В Большой советской энциклопедии второго (1949-1958) и третьего (1969-1978) издания дословно повторяется статья о Герцки, в которой говорится: «В написанном через 5 лет другом своем утопическом романе – «*Entrückt in die Zukunft*» (1895; русский перевод: «Заброшенный в будущее», Л., 1925), Г. сделал значительный шаг вперед к революционному социализму. В этом романе констатируется полная безуспешность всех попыток частично реформировать буржуазное общество» [БСЭ, 1954, т. 6: 567]. В 1972 г. выходит второй том «Литературной энциклопедии», в котором также есть словарная статья о Герцки, написанная Б.А. Гиленсоном. Последний напишет о том, что «в 20 в., во время обострения противоречий капиталистического мира и развития широкого социалистического движения, в Советском Союзе широкую известность приобрели романы австрийского писателя Т. Герцка «Свободная страна» (1890) и «Заброшенный в будущее» (1895)» [Литературная энциклопедия, 1964, т.2: 853].

Мы не случайно сосредоточили свое внимание именно на энциклопедических статьях советской эпохи. Дело в том, что это свидетельствует о разрешенном вхождении текстов Герцки в картину мира советского человека. По мнению И. Сандомирской, литературное творчество, словарное дело и политическая цензура оказываются формами лингвофилософских построений. В своей совокупности они выступают как разновидности авторитетного суждения о мире и как формы герменевтического толкования этого мира. Советская цензура, разрешающая упоминать произведения Герцки, проявляет себя именно как герменевтический институт. Энциклопедия в советскую эпоху воплощает в себе порядок дискурса в не меньшей степени, чем другой письменный документ времени [Сандомирская, 2001: 206-207].

Правда, сам роман «Freiland» на русский полностью переведен не был. В этом не было необходимости по двум причинам. Во-первых, подавляющее большинство революционной русской интеллигенции на рубеже 19–20 вв. свободно читала по-немецки. Во-вторых, сам роман был написан на вкус российского читателя начала 20 в. сухим стилем и больше всего напоминал экономический трактат и план конкретных действий. Он подан в виде дневниковых записей главного героя. То, что органично воспринималось читателем немецкой лингвокультуры, не могло найти адресата в лингвокультуре русской. Поэтому переводчики и популяризаторы идей Т. Герцке ограничились кратким переводом-изложением романа «Freiland». Так, например, А. Кирхенхейм дал в 1902 году изложение романа в своей книге-пересказе «Вечная утопия» [Кирхенхейм, 1902].

Текст романа Т. Герцки, его утопический либерально-социалистический дискурс, освоенный как на языке оригинала, так и в русских переводах, лег в основу многих текстов той эпохи, вплоть до начала 30-х годов [Витман, Покровская, Эттингер, 1926]. Это стало возможным потому, что, по словам К. Поланьи, цели либерализма не так уж отличаются от целей социалистов, так как либерализм и социализм придают одинаковое значение понятиям равноправия, равенству, справедливости, свободе и солидарности [Поланьи, 2013: 121-122].

Ключевые смыслы утопического дискурса, как и положено, отражены в конституции Фриландии, закрепляющей концепты: «пра-

ва человека», «индивидуальная свобода», «частная собственность», «справедливость», «самоуправление», «самовыражение». В экономике Фриландии передающими базовые либерально-социалистические смыслы выступают дискурсивные высказывание, касающиеся предпринимательской деятельности, рынка, права частной собственности, свободной конкуренции, невмешательство государства в экономическую деятельность индивидов, перманентных инновации. Правда, наиболее противоречивая с позиции самого либерально-социалистического дискурса оценка роли государства в регулировании экономических процессов так и не получает однозначного выражения. Это очевидно по тем текстам, в которых идет речь об организации повседневного труда. Однако экономическая свобода, разнообразные социальные каналы для реализации прав и свобод, свободный доступ к ценностям культуры, универсализация ценностей – все эти постулаты, воплощаемые в реальности, должны в либерально-социалистической доктрине привести к утверждению социально и экономически сбалансированного общества. Парадоксальным, но органичным для либерально-социалистического дискурса, выступает система разделений и дискриминаций, в первую очередь касающаяся женщины. Одной из сфер, где утопический дискурс Герцки достиг максимум выразительности и непротиворечивости, явилась образовательная система. Базовый концепт: идея обучающегося общества, подразумевающая наличие в обществе механизмов, стимулирующих индивидов к постоянному личностному росту. Наиболее продуктивным инновационным ориентиром в сфере образования либеральный дискурс провозглашает свободу индивида в выборе собственной образовательной практики. Как видим, ключевыми концептами утопического дискурса Герцки изначально выступали права человека, индивидуальная свобода, частная собственность, справедливость, самоуправление, самовыражение. Одним из главных компонентов утопического политического дискурса с самого начала являлся концепт всеобщего избирательного права. Утопический дискурс Герцки объявляет основным пороком общества наличие внеправовых регуляторов жизнедеятельности социума.

Все это позволяет нам рассматривать утопический дискурс Т. Герцки сквозь призму дискурсивных параллелей, которым так бо-

гата русская лингвокультура XX века [Базылев, 2014: 24]. Первым символом «навязанной» русской лингвокультуре теории благоденствия и выгод становится «Хрустальный дворец» Ф.М. Достоевского из его «Записок из подполья» 1864 года. Параллельно формируется символ «Новой России» в четвертом сне Веры Павловны у Н.Г. Чернышевского. Что касается пореволюционной России, то в 1926 году И.С. Проханову удалось получить разрешение на основание христианского города-коммуны Евангельск. Однако проект был остановлен по личному распоряжению Сталина [Попов, 1996]. Прямых цитат и ссылок на Герцки в текстах Проханова нет. Но известно, что с 1895 года он на протяжении двух лет он получал образование в Бристоле, а затем в Лондоне. По полгода он провел в Берлинском и Парижском университетах. Кроме того, по скрытым цитатам в текстах Проханова [Проханов, 1993] можно предположить, что он читал популярный на тот момент роман Герцки. Тем самым, в основании рассматриваемой нами утопической дискурсивной практики изначально лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором. Реальность, создаваемая и передаваемая автором как культурная реальность, устанавливается в тексте во имя согласования всех дискурсивных элементов картины мира.

К сожалению, в русской культуре изначально отсутствовала та практическая (скорее, даже – прагматическая, по американскому паттерну) интерпретация историко-культурного текста. Для русской культуры перевод дискурса в реальность повседневной жизни – недостижимый идеал. Эта характерная именно для русской культуры интерпретация не согласуется ни с одним прагматически ориентированным постулатом исходного текста Герцки, т. к. они всегда должны иметь практическое воплощение – будь то свобода частной собственности и предпринимательства, свобода волеизъявления, сексуальная свобода и пр.

БИБЛИОГРАФИЯ

Базылев, В.Н. Сталинские дискуссии: дискурсивные параллели // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 23-29.

Большая советская энциклопедия. В 50 тт. / ред. С.И. Вавилов, Б.А. Венденский. 2-е изд. М.-Л.: ГНИ «Большая советская энциклопедия», 1949-1958.

Витман, А.М., Покровская, Н.Д., Эттингер, М.Е. Восемь лет русской художественной литературы (1917-1925). М.-Л.: ГИЗ, 1926. 280 с.

Кирхенхейм, А. Вечная утопия: С прил. «Страна свободы Теодора Герцка». СПб.: Ф. Павленков, 1902. 320 с.

Литературная энциклопедия. В 9 тт. / ред. А.А. Сурков. М.-Л.: Советская энциклопедия, 1962-1978.

Поляны, К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2013. 200 с.

Попов, В.А., Проханов, И.С. Страницы жизни. СПб.: Библия для всех, 1996. 201 с.

Проханов, И.С. В котле России, 1869-1933. М.: Протестант, 1993. 253 с.

Сандомирская, И. Книга о Родине. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 220 с.

Hertzka, Th. Freiland. Ein soziales Zukunftsbild. Vierte durchgesehene Auflage. Dresden&Leipzig: E. Pierson's Verlag, 1890. 480 S.

УТОПИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Т. Б. Батыр

Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака
(Кишинев, Молдова)

Аннотация. Автор рассматривает утопическое мироощущение писателя первой волны русской эмиграции Гайто Газданова на примере рассказа «Гостиница грядущего» и незаконченного романа «Переворот», показывая особенности его утопических идей и образов, идущих из «эмоциональных глубин» сознания и преломляемых через межкультурное осмысление реальности. Писатель не следовал канонам традиционных жанров утопии, антиутопии, дистопии, негативной утопии. Для его творчества характерен утопически-трезвый взгляд на события в мире и на человеческую природу. «Гостиница грядущего» представляет некую миниатюру утопии и антиутопии с пародийными и гротескными элементами, «Переворот» – размышления о идеи справедливости, положенной в основу проекта нового мира и нового общества и о её претворении в жизнь в результате начавшегося переворота.

Ключевые слова: Гайто Газданов, утопия, русское зарубежье, «Гостиница грядущего», «Переворот».

Огромный исследовательский интерес к утопии обнаружил вариативность ее дефиниций и интерпретаций, обусловленных изменчивостью проблематики и смещением приоритетов. Ввиду того, что утопический компонент проник практически во все формы человеческого сознания, получив многочисленные отражения в различных сферах, правомерно было бы исходить в анализе любого культурного текста, прежде всего из утопического мироощущения, доходя тем самым до иррациональной имманентности феномена утопизма.

Такой подход наиболее приемлем по отношению к творчеству представителя «незамеченного поколения» первой волны русской эмиграции Гайто Газданова. Являясь одним из создателей «второй России», находясь на перекрёстке культур, направлял свой взгляд к утопии, вслушивался в её пульсирующую материю. Утопическая тональность, привносимая его писательской интуицией из «эмоциональных глубин», узнаваема и в едва уловимом пиано звучании, и в громогласных ритмичных тактах, встроенных в атмосферу повествования, в развитие сюжета, в образы героев.

Утопические идеи в прозе Газданова переплетаются с «русской предэкзистенциальной» (Н. Гоголь, И. Тургенев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, В. Розанов, Лев Шестов), и европейской экзистенциальной традициями (Г. Марсель, Л.-Ф. Селин, А. Камю, Ж.-П. Сартр), а также с феноменологическими идеями (Г. Шпет, Р. Ингарден, Н. Гартман, М. Пруст); они неотделимы от «искусства фантастического», которое, по словам писателя, «возникло после того, как люди, его создавшие, сумели преодолеть сопротивление непосредственного существования в мире раз навсегда определенных понятий, предметов и нормальных человеческих представлений» [Газданов, 2009. Т.1: 707]. В контексте интерпретируемого им «искусства фантастического» будет написан один из первых его рассказов «Гостиница грядущего». Название представляет аллюзию на расположенный на одной из парижских улиц «островок». С самого начала автор предлагает представить улицу в «орнаменте строгого асфальта, ровных стен и домов». В «Грядущем», размещенном «в пяти этажах», есть «все достижения цивилизации: центральное

отопление, горячая и холодная вода». Гостиница имеет свою иерархическую структуру: «В нижнем этаже – только одна постоянная обитательница – с именем Бланш» [Газданов, 2009. Т.1: 493]. «В следующих этажах живут братья Дюжарь». Жизнь одних строго регламентирована: «Ровно в четверть десятого агент выходит из своей комнаты», каждое утро Жозеф берет уроки», «М-г Арман – моряк: каждый день спорит с братьями» [Газданов, 2009. Т.1: 495-496], других – (Бланш) «многоместна и разнообразна»: «приезжает домой на велосипеде и через два дня продает его», «уходит в модной шляпе и длинном пальто и возвращается в кепи и кожаном плаще». Располагаемая такой свободой, персонаж «недовольна существующим порядком» [Газданов, 2009. Т.1: 493]. Бланш – автор трактата «Губы как таковые» (так же называется первая глава рассказа). Обитатели «Грядущего» не отличаются выраженной индивидуальностью, описание внешности сводится к одной части лица – губам. Они – и «лохмотья красоты», и «материал для парфюмерных изысканий», «незаживающий шрам любви, вооруженной ножом» [Газданов, 2009. Т.1: 494]. Не только человеческие качества (губы – это «тавро характера»), но и род деятельности определяется ими: «узкие губы монахинь – дневник без содержания, тетрадка с белыми листами; губы шулеров сделаны из железа; губы проституток из резины» [Газданов, 2009. Т.1: 496], а также расовая принадлежность – «губы негров, негритянок». Наделенные именами, в отличие от жителей Интеграла, персонажи в рассказе выполняют те или иные функции (улыбка Армана, свист братьев Дюжарье). Ульрих появляется в рассказе во второй главе «Кровь крестоносцев». Если в начале первой главы незримого собеседника Бланш отталкивает рай, «хоть немного» похожий «на эту улицу», он желает, чтобы его оттуда «выгнали возможно скорей», Ульрих по собственной воле соглашается существовать «в орнаменте ровных стен и крокодилей медлительности», «остановившись» между прошлым и грядущим [Газданов, 2009. Т.1: 497]. Его фрак, реплики и песни, звучащие «анахронизмами», не понятны и чужды «цивилизованными современникам», не сохранившим воспоминания о «раскаленном воздухе Палестины». Сам же непохожий ни на кого «обитатель пятого этажа» считает забвение истории, безразличие к медному тазу Дон-Кихота, не иначе как болезнью [Газданов, 2009. Т.1: 499].

Намеченные пунктирными линиями утопические мотивы в «Гостинице грядущего», утопические мотивы набирают силу по мере воплощения его творческих замыслов. В романах «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Возвращение Будды», «Пилигримы», «Пробуждение», в незаконченном политическом романе «Переворот», а также в рассказах «Судьба Саломеи», «Мечтатели», «Нищий», «Письма Иванова», «Счастье» и других автор показывает становление внутренней утопии или антиутопии героев. В рассказе «Нищий» персонаж Вердые «безмолвно и постоянно бунтовал» против утопического благоденствия, добровольно «отказавшись от того, что другие считали величайшим благом» [Газданов, 2009. Т.3: 572]. В последнем, незавершённом романе «Переворот» писатель выходит за рамки характерной для него формы выражения утопического, отдаёт дань традиционной утопии-антиутопии Платона, Мора, Кампанеллы, Оруэлла, Замятина. Название романа содержит неоднородную семантику - изменение писательской стратегии (отошел от парадигмы западного романа «потока сознания»), развитие сюжетной линии (размышления героя, встреча с «человеком в кепке», начало государственного переворота), переключку с упоминаниями в утопии Мора переворота и с главной причиной интенсивного стремления к нему - неприятием существующего строя жизни [Мор, 1947: 83]. Изображение некоей «необозначенной» страны с вымышленной валютой и безымянным президентом являются явными отсылками к утопическим коннотациям. В должности министра (до президентского периода его биографии) ему удалось добиться быстрого экономического подъёма: устранить причины катастрофического положения в стране, опираясь на здравый смысл, вызвав, правда, вначале неодобрение со стороны правительства девальвацией валюты и понижением налогов. [Газданов, 2009. Т.4: 589]. Роль президента представлялась ему крайне тяжелой, состоящей из разрешения бесконечных проблем, из непрерывной борьбы «против глупости, окружающей его со всех сторон». В то же время, руководствуясь не столько государственным, сколько «долгом элементарной порядочности» и доверием, оказанным ему избирателями, он не допускал мысли переложить на кого-то другого ответственность за свою страну [Газданов, 2009. Т.4: 590].

Являясь свидетелем политических переворотов и их последствий (большевизма в России, движения «новых левых» в Европе, США, Латинской Америке, майских бунтов 1968 г., студенческих революций в Париже и других городах), писатель пытался понять причины и логику развития социально-политических катаклизмов, выявить «механизм» использования «революции» «криминальными элементами». И это также нашло идейно-художественное отражение в его романе [Красавченко, 2019: 113].

Государственному перевороту предшествует «теоретическая» подготовка – беседа безымянного президента с Робертом Вильямсом, которого автор чаще называет «человеком в кепке» о возможности создания более совершенного общественного и государственного устройства на основе замены старого новым, более правильным и более приближенным к идеалу. При этом делается акцент на перемене без революции. Инициатор беседы, «человек в кепке» все свои помыслы относительно создания улучшенной структуры и формы правления связывает с меритократией, с носителями высоких интеллектуальных и моральных качеств, компетентных и порядочных людей, которые должны прийти на смену невежественным и нечестным. [Газданов, 2009. Т.4: 598]. Исходным пунктом в рассуждении Роберта Вильямса стало положение об отсутствии тождественности между государственной системой и её концепцией. По убеждению собеседника президента законы, парламент, разделение властей – «это чисто внешний аспект вещей, это форма, в которую облечена так называемая государственная власть» [Газданов, 2009. Т.4: 596]. В действительности, полагает он, вся политическая и социальная жизнь «не определяется ни конституцией, ни законами, ни теми или иными политическими принципами», а их толкованием и нарушением со стороны правительства. Всерьез полагая, что отсутствие у правителя иллюзий является своего рода пороком, моральным изъяном, мешающим ему трезво смотреть на положение дел в стране, Вильямс, не раздумывая, начинает своей разговор с президентом с предложения ему уйти в отставку. Позиция президента недвусмысленна и непоколебима. По его мнению «идеального правительства нет, и в истории человечества его никогда не было», а «самые неподходящие для власти люди это именно те, у кого есть (курсив мой – Т. Б.) иллюзии» [Газданов, 2009. Т.4: 596].

План переворота, изложенный «человеком в кепке», произвел некоторые перемены и в самом президенте. Он начинает переосмысливать значение книги Макиавелли «Государь»: если раньше «она казалась ему замечательной», то после состоявшегося разговора, предстала избыточной «принципами целесообразности, успеха, выгоды», «практическими понятиями», отсутствием «соображений о возможности сколько-нибудь бескорыстных поступков – на благо подданных» [Газданов, 2009. Т.4: 601]. По завершении беседы президент приходит к следующим выводам: то, о чем говорил Вильямс, «теоретически возможно и осуществимо. Но только теоретически», «строить лучшее будущее – да, конечно, но не иллюзии и не утопии» [Газданов, 2009. Т.4: 604]. Подобная переоценка ценностей происходит и у Вильямса во время начавшихся беспорядков: «так называемые строители нового мира и нового общества – люди чаще всего фанатически настроенные и неумные. Они убеждены в том, что они знают, каким должен быть мир. Но кто может это знать?» [Газданов, 2009. Т.4: 604]. По существу, идеалистически настроенный реформатор меняет свои представления о перспективах претворения в жизнь его программы, приходит к тем взглядам, которые высказал ему президент во время предваряющего переворот обсуждения.

Можно согласиться или нет с Вильямсом в том, что иллюзии у правителя должны быть, в отношении творческой деятельности писателя эта мысль – вполне справедлива. И перед утопией, наверное, не смог устоять и не переболеть ею в той или иной мере ни один настоящий художник. Гайто Газданов не питая никаких «иллюзий по поводу признанных социально-политических форм жизни» [Красавченко, 2009: 664]. Гайто Газданов всю жизнь плыл к берегам утопии, никогда не забывая о том, что такая страна на карте не обозначена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Газданов, Г. Собр. соч. в 5 т. Т.1. М., 2009. 881 с.

Газданов, Г. Собр. соч. в 5 т. Т.3. М., 2009. 737 с.

Красавченко, Т. Н. Писатель и политика: Гайто Газданов // Литературное зарубежье как культурный феномен. Москва, 2019. 212 с.

Красавченко, Т. Н. Гайто Газданов: традиция и творческая индивидуальность // Газданов Гайто. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Москва, 2009. 736 с.

Мор, Т. Утопия. М.-Л., 1947. 271 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Н.Р. Абдуллазаде, Е.Ю. Калинина

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербургу)

Аннотация. В докладе анализируются утопические идеи преобразования Государства в Церковь, высказанные одним из героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», Иваном Карамазовым. Не вдаваясь в литературоведческий анализ, в докладе делается попытка сопоставить исторические примеры обществ и идей, близких к взглядам персонажа, упомянутым в произведении. Хотя сами утопические взгляды Ивана Карамазова, которые вскользь демонстрирует нам Ф.М. Достоевский больше относятся к вопросам церковного суда, одной из тем романа. Однако в истории были попытки организации общества без государства на основе идей религиозной общины, то есть «государство, обращенное в церковь», как утверждает Иван Карамазов. Актуальность исследования заключается в том, что некоторые утопические проекты, основанные на религиозных убеждениях, обретают довольно много сторонников и последователей в современных условиях политической, экономической и международной нестабильности. Примером может служить как радикальный исламизм, так и далекий от религии радикальный анархизм. При этом, следует подчеркнуть, что эти идеи построения утопического будущего отличаются от классических теократий. В отличие от теократии в этих проектах основу составляет идея создания общества без государства. В докладе дается анализ соотношения понятий Государства и Церкви, как формы организации идеального общества.

Ключевые слова: утопия, утопические проекты, Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, Церковь, общество без государства

Среди множества утопических образов в русской и зарубежной литературе особое место занимает малоизученная, но привлекательная идея, высказанная в романе Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». В главе V «Буди, буди!», книги второй романа описывается спор о церковном суде, в котором один из героев, Иван

Карамазов, излагает свои взгляды на будущее перерождение Государства в Церковь. Сам спор происходит по поводу газетной статьи Ивана Карамазова, в которой он полемизирует с церковным деятелем по поводу соотношения государственного и церковного суда.

В ходе дискуссии излагаются две точки зрения. В первой из них говорится о том, что Церковь постепенно перерождается в Государство, как из состояния низшего в высшее. Вторая точка зрения утверждает обратное, что Государство должно в итоге перерасти в Церковь, а точнее Церковь заключать в себе Государство. Эту, вторую точку зрения, в главе «Буди, буди!» горячо поддерживает ученый-монах отец Паисий. В обоих утверждениях речь идет не о конкретных государствах и церквях, а об исконном смысле, заложенном в этих понятиях.

Сам Иван Карамазов придерживается мнения, что Церковь не должна занимать определенное место в Государстве «лишь некоторый угол», как написано в романе, а «напротив всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне» [Достоевский]. В самой беседе прямо не говорится о том, каким образом произойдет это «обращение» Государства в Церковь, но можно предположить, что речь идет об эволюционном пути.

Если абстрагироваться от литературоведческого анализа и поисков духовно-нравственного смысла в дальнейшем развитии сюжета романа «Братья Карамазовы», то сама идея, точнее утопический образ Государства, преобразившегося в Церковь, высказанный в главе «Буди, буди!», заслуживает теоретического анализа.

Идея перерождения Государства во что-то иное, или полное его исчезновение существовали давно. Из истории можно привести примеры теократической организации общества без государства. Это, например, Эпоха Судей из Библии, Мединская община, раннего периода существования ислама, движение хуррамитов в средневековом Иране [Encyclopedia Iranica] и т.д. В современном мире так же существуют политические проекты организации общества альтернативные Государству. Преобладающей идеей в этих проектах является – анархизм, анархо-коммунизм и радикальное либертарианство. Некоторые из них вполне успешны, такие как Сирийский Курдистан (Рожава) или Автономные Сапатистские Муниципалитеты.

теты (штат Чьяпас, Мексика). Однако, естественно, что все эти политические проекты сильно отличаются от идеи, представленной в романе Ф.М. Достоевского.

Интерес вызывает возможность эволюции идеи Государства, превратившегося в Церковь в более конкретный идеологический проект и его соотношение с уже существующими утопическими образами будущего, будь то радикальный исламизм со своей концепцией будущего общества или «Светлое бесклассовое будущее» марксистов.

В самом романе, сцена спора о церковном суде и высказанная в главе «Буди, буди!» мысль о превращении Государства в Церковь играет роль центральной идеи произведения и сводится к одному важному вопросу в творчестве Ф.М. Достоевского. Речь идет о прощении или наказании преступника, в данном случае отлучение его от тела Церкви. Но, прежде чем говорить о том, как будет проходить суд в этом будущем Государстве-Церкви или Церкви-Государстве, попытаемся теоретически сконструировать его идеально-утопическую модель.

Чтобы это сделать, попытаемся использовать реальные примеры из прошлого и настоящего, а также имплементировать другие утопические модели. Исходя из этого мы оперируем двумя терминами: Государство и Церковь, но не в привычном нам смысле, а в смысле организации общества людей. Отричем такие атрибуты Государства, как территория, форма правления, политический режим и т.д., и возьмем один из ключевых признаков Государства – Насилие (именно так, с большой буквы). Насилие, как способ достижения целей Государства через Принуждение. И Церковь не как иерархию священнослужителей (можно применить этот термин не только к христианской религии), но как Добровольное Единение людей. На наш взгляд, именно эти два ключевых признака: Принуждение и Добровольность имел в виду Ф.М. Достоевский устами своего персонажа Ивана Карамазова. Таким образом уже выступают очертания той утопии, которая была показана нам в романе, но не развита до конца.

Но, в чистом виде не существует ни Государства без идеи, ни Церкви (как сословия жрецов) без возможности принуждения. Государству нужна идеология, чтобы оправдать в своих же глазах при-

нуждение через Насилие, а Церкви нужны сильные руки Государства, чтобы распространять свою идеологию (в данном случае, религию). Эта взаимная нужда Церкви и Государства сначала порождает симбиоз, а потом, с развитием времени, Государство поглощает Церковь. Идея же, высказанная Иваном Карамазовым, ведет либо к отрыву двух общественных институтов друг от друга, либо к поглощению Государства Церковью. И здесь нужно понимать, что речь идет не о классической теократии. Утопия Карамазова, это победа Добровольности над Насилием и отмирание органов Насилия, так как им нашлась замена в лице органов Добровольности.

Попытаемся найти приблизительные примеры той организации общества, которая была бы близка к утопии Ивана Карамазова. При этом следует понимать, что классические теократии не подходят. На наш взгляд, в политико-правовом смысле ближе всего к утопии Ивана Карамазова можно упомянуть Мединскую общину во времена пророка Мухаммеда в первые годы существования ислама, Флоренцию при фактическом правлении Джироламо Савонаролы. Из современных примеров ближе всего к утопии стоит Автономное монашеское государство Святой Горы (Афон).

Арабское слово «Умма» – можно перевести как сообщество, нация или община. Сформировавшаяся в городе Йасриб, позже названном Медина, религиозная община («Умма») мусульман после переезда туда пророка Мухаммеда (Хиджра), представляла собой самоуправляемую общину полисного типа, еще без сформированных институтов, присущих Государству [Нуреттин Калкан, Машаллах Нар, 2020]. В 52 аяте 23 суры «Аль-Муминун» (араб. – Верующие), говорится: «И поистине, это ваша община, община единая и Я – Господь ваш, остерегайтесь же меня! [Коран, сура 52]». Современные последователи исламистских движений часто ссылаются на Мединскую общину времен пророка Мухаммеда как на утопический идеал государства, точнее организации сообщества, который должен прийти на смену современному Государству после победы политического ислама. Таким образом, мы видим, что утопический идеал Государства, преобразившегося в Церковь (в данном случае в Умму мусульман) присущ не только христианской, православной утопической традиции.

Феномен краткого, но яркого политического лидерства простого монаха Джироламо Савонаролы во Флоренции можно отнести к попытке установления утопического «Царствия Божьего» на Земле. Однако, при фактическом правлении Савонаролы государственные институты Флоренции не были уничтожены. Провозгласивший Флоренцию «Городом Бога» Савонарола лишь реформировал республиканские институты. Даже если его короткое фанатичное правление можно назвать утопией, то это утопия только в голове самого Савонаролы. В реальности же эта утопия, сопровождавшаяся насилием и политическими интригами, завершилась казнью Савонаролы.

Более всего на Государство, превращенное в Церковь похоже Автономное монашеское государство Святой Горы. Согласно части 2 статьи 105 Конституции Греции «Святая Гора в соответствии со своим уставом управляется двадцатью ее священными монастырями, между которыми поделен весь Афонский полуостров, и ее земля не подлежит отчуждению. Управление осуществляется представителями священных монастырей, составляющими Священный Кинот. Категорически запрещается какое бы то ни было изменение системы управления или количества монастырей Святой Горы, их иерархического строя и взаимоотношений с зависящими от них учреждениями. На ее территории запрещается проживание иноверцев и раскольников» [Конституция Греческой Республики]. Святая Гора представляет собой монашескую республику, управляемую самими монастырями, то есть именно этот пример ближе всего к идеалу Ивана Карамазова – Государству, превращенному в Церковь. При этом стоит учитывать, что это не утопия, а исторически сложившаяся форма монашеской автономии. Однако, даже в этом случае Церкви пришлось принять некоторые атрибуты Государства, такие как законодательная власть (Священный Кинот) и Исполнительная власть (Священная Эпостасия).

Эти исторические примеры показывают, что синтез Государства и Церкви, и даже их смешение в одну институцию вполне возможен. Но, духовно-нравственные начала Добровольности Церкви соприкасаясь с началом Принуждения, как атрибутом Государства теряют свои свойства, как бы «заражаясь» от Государства той бациллой Насилия и Принуждения. Пример с фанатизмом Савонаролы ярко демонстрирует это. Относительно утопическое существование уда-

лось реализовать пока только в Автономном монашеском государстве Святая Гора и то, только благодаря покровительству Греческой Республики. То есть, говоря словами Ивана Карамазова: «Церковь занимает в Государстве некоторый угол [Достоевский Ф.М.]».

БИБЛИОГРАФИЯ

Конституция Греческой Республики. URL: <http://www.hri.org/docs/syntagma/artcl120.html#A105> (дата обращения: 03.08.2022)

Священный Коран. URL: <https://legacy.quran.com/23/51-52> (дата обращения: 03.08.2022)

Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы», Книга вторая, глава V «Буди, буди!». URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/proza/karamazovy/ii-v-budi-budi.htm> (дата обращения: 03.08.2022)

Encyclopedia Iranica *Korramis*. URL: <https://iranicaonline.org/articles/korramis> (дата обращения: 03.08.2022)

Kalkan N., Nar M. The Concept of Islamic State Through Prophet Muhammad's Political Experience // The Journal of International Civilization Studies. 2020. Vol. V. P. 182-198. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1319648> (дата обращения: 03.08.2022)

Mochizuki, T. Вокруг дискуссий о церковном суде в “Братьях Карамазовых” // Mundo Eslavo. 2017. № 16. P. 172–182. URL: <https://revis-taseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17593/15418> (дата обращения: 03.08.2022).

СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ

А.А. Типикина

Орловский государственный университет (Орел)

Аннотация. В статье делается попытка определить некоторые особенности женской утопии. Автор обращается к творчеству писателей-фантастов супругов Марины и Сергея Дяченко, произведения которых во многом вдохновлены именно. В статье автор обращается к таким романам как «Ведьмин век» (1997), «Армагед-дом» (1999), «Пандем» (2002), «Vita Nostra» (2007), «Vita Nostra. Работа над ошибками» (2021). Анализ романов позволяет выделить проблемы, которые видятся в социальном развитии женщи-

ной-автором, варианты их решений, место, которое женщина занимает в идеальном мире.

Ключевые слова: женщина, женская утопия, гендерные различия, феминистическая идея, социальные проблемы.

Феминистические идеи, присутствующие в утопической литературе, привносят в нее особые такие характеристики, как: выдвигание на первый план проблемы субъекта, обращение к теме гендерных различий, преодоление рамок половой принадлежности и ментальное освобождение женщин и мужчин от навязанных обществом социальных предрассудков [Рудановская, 2017: 86]. Авторы феминистических утопий описывают общество близкое читателю. Они не ставят перед собой цель революционного переустройства описываемого мира или поведение в нем кардинальных социальных изменений, как не стремятся они привнести идею, которая понравится широкому кругу обывателей. Они настроены на побуждение критически настроенной публики на переосмысление уже устоявшихся социальных проблем [Рудановская, 2017: 88]. В таком жанре существенное место отдается «женскому вопросу», стираются гендерные роли, внимание сосредоточено на женщине, ее месте в идеальном мире [Желтикова, 2019: 92].

Примером присутствия темы женщины в утопических/антиутопических романах, женского видения возможного будущего может служить творчество русскоязычных писателей-фантастов, супругов Марины и Сергея Дяченко. В одном из интервью, отвечая на вопрос, кто же придумывает сюжет, а кто пишет произведение, авторы поясняют, что они равноправные сочинители. Марина записывает идею, а Сергей доводит до конечного результата; Марина отвечает за стиль работы, Сергей за драматургию; Марина является актрисой истории, а Сергей – режиссером. Как поясняет сам Сергей Дяченко, его супруга обладает тонким, точным и поэтичным стилем. Сам супруг делает вывод, что «женщина вообще мудрее и соткана из волшебства».

В статье будут проанализированы такие работы писателей как «Ведьмин век» (1997), «Армагед-дом» (1999), «Пандем» (2002), «Vita Nostra» (2007), «Vita Nostra. Работа над ошибками» (2021).

«Ведьмин век» [Дяченко, 1997] рассказывает читателям историю о мире, очень похожем на наш, но пронизанном «женской магией»,

мире, где существуют ведьм и нявки, и, охотящиеся на них инквизиторы. Если неинициированные, только потенциальные ведьмы еще могли стать членами общества, встав «на учет» инквизиции, то нявки – вернувшиеся в мир покойницы, активно истреблялись организацией чугайстеров. В центре сюжета – героиня Ивга Лис, неинициированная ведьма. Юная Ивга, не принятая своей семьей, любимым мужчиной, обществом, нашла пристанище у главного инквизитора города Вижны – Клавдия Старжа. Трепетные отношения молодой ведьмы и инквизитора развиваются на фоне социальных волнений, когда ведьмы по неведомой причине начинают активно осуществлять свои злодеяния и привлекать на свою сторону других ведьм, не прошедших обряд инициации. На таком нестабильном фоне каждая женщина начинает восприниматься как потенциальная угроза. Драматическим апогеем произведения становится сцена, в которой выясняется, что сама Ивга и является причиной буйства ведьм.

Повествование книги, ведущееся как от имени Ивги, так и со стороны Клавдия, позволяет читателям прочувствовать спектр проблем с женской и мужской стороны. Со стороны Ивги – непринятие обществом; желание быть как все; жертвенность; невзаимная и непосредственная любовь. Со стороны Клавдия – следование должностным обязанностям; наказание женщин; сексуализация партнерш. Мир «Ведьминого века» – это мир антиутопии, в котором запрещаемое и сдерживаемое женское начало – нерациональное, стихийное, интуитивно-творческое, прорывается наружу и рушит устоявшийся порядок. Социальный хаос наступает не по желанию ведьм, но как ответ на сегрегацию, подавление природного начала, с которым носительницы ничего не могут поделать, а общество использует их «инаковость» как повод для унижения и наказания. Ведьмина стихия, которая может быть понята как аллегорическое изображение женской субъективности, прорывает платину обыденности, дезиндивидуализирует героев, уносит жизни не только мужчины-инквизитора, но и женщины-ведьмы.

Необычный мир предстает перед читателями в романе «Армагед-дом» [Дяченко, 1999]. Каждые двадцать лет люди этого мира, переживают локальный Апокалипсис, и каждый раз человечество спасают Ворота, которые отправляют людей в другое измерение,

где они переживают катастрофы. Но не все жители городов доходят до ворот, многие гибнут в толпе. После каждого катастрофического периода мир проходит процесс восстановления, рождения и воспитания новых детей, затем склоняется к угасанию, знаменующемуся падением нравов и девиантным поведением людей. Циклический процесс побуждает новое поколение принимать противоположные от своих предшественников решения, для увеличения доли спасающихся, востребованными оказываются и традиционалистские установки. Например, в первые годы после апокалипсиса все женщины должны родить – их обязанность повысить популяцию и бороться с демографическим кризисом. После этого краткого периода пропадает способность рожать детей до начала нового цикла. Женщины, не желающие рожать по личным причинам, подвергаются огромному давлению и считаются людьми второго сорта.

Мир Армагедома показывается глазами главной героини Лидии Зарудной, переживающей взросление, юность, зрелость и старость. Относительно благополучные периоды, сменяемые *мрыгой*, обостряют нравственные проблемы героини – выбора жизненной стратегии, любви, профессиональной самореализации, социальной ответственности. Ее решение этих проблем – это специфически женский выбор и, одновременно, внегендерный подход.

Еще один роман Дяченко «Пандем» [Дяченко, 2002] переносит читателей в мир возможного высокотехнологичного будущего. Привычный порядок человеческого общества нарушается появлением Сверхразума, информационного Бога, коллективного сознания, который находится абсолютно во всем. Новый обитатель Земли сам называет себя «Пандем», существуя в сознании каждого живого существа, устанавливая с ним индивидуальный доверительный контакт, делая его жизнь лучше. Как информационный ресурс Пандем близок к всеведению, как онтологический фактор – приближается к всемогуществу, и, как личность, испытывает к жителям Земли любовь. Цель Пандема – служить людям, превращая мир в рай на земле, без природных катаклизмов, насилия, социальных волнений, войн, и смерти. Время в романе делится на «допандемное» и «пандемное», как и общество делится на тех, кто принимает этот Сверхразум и кто его отрицает.

Примером притягивания и непритягивания нового существа выражается в главном герое – Киме Каманине и его жене Арине. Если изначально Ким охотно принимал Пандема, считал его своим другом и соратником, то к концу книги он приходит в конфликт с Пандемом, понимая, что общество теряет себя, отказывается от общечеловеческих ценностей, и в социуме возникает новая мораль. Жена главного героя до конца книги находится в тесном эмоциональном и интеллектуальном взаимодействии с Пандемом, уходит от семьи и разводится со своим мужем, поскольку не испытывает необходимости в общении с кем-то, кроме Пандема.

В конечном итоге, Пандем сам приходит к выводу, что он взрастил инфантильное общество, не способное существовать и преодолевать трудности самостоятельно. Оставаясь формально свободными, люди, опекаемые Пандемом, не имеют ответственности, обесценивают любовь, смерть, боль; они прекратили развиваться, в каждом решении полагаясь на Пандема. Придя к выводу, что человечеству не нужен помощник извне, спустя тридцать лет Пандем решает постепенно уходить из человеческого мира, тем самым возвратив всего его полноправные качества.

Невозможность осуществления утопии в полном ее смысле – идея, воплощенная в произведении. Каким бы ни был идеальным мир, совпадение интересов невозможно и нереализуемо. Человечеству не нужен невидимый опекун, чтобы развиваться и действовать согласно собственным желаниям.

«Vita Nostra» [Дяченко, 2007] и «Vita Nostra. Работа над ошибками» [Дяченко, 2021] рассказывают о жизни Саши Самохиной, начиная с ее шестнадцатилетнего возраста, которая не по своей воле попадает в «Институт специальных технологий» в загадочном городе Торпа. Юная героиня преодолевает трудности, которые ставятся перед ней её куратором и преподавателями, чтобы почувствовать весь человеческий мир в полном объеме и стать частью Великой Речи. Вынужденная учеба и упражнения, выполняемые под угрозой наказания как ее близких людей, так и ее самой, заставляют выполнять не совместимые с ее моралью действия и порой вступать в сексуальный контакт, тем самым побуждая Сашу трансформироваться, как внешне, так и внутренне.

Возникающие во всех утопиях проблемы – проблемы социального характера, которые были отмечены женщиной и значимую роль в решении этих проблем также играет женщина. В каждой утопической модели присутствует свой изъян, который подкрепляется спектром вопросов, что говорит о сложности существования утопий. В каждом произведении можно отметить проблему взаимодействия полов, отношений, гендерной дифференциации, организации общественных масс, воспитания, нравственности и этики. Так мы приходим к выводу, что каким бы ни был идеальным мир, невозможно построить мир, в котором всякого человека все устраивало.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дяченко, М., Дяченко, С. Vita Nostra. М.: Эксмо, 2007. 576 с.
- Дяченко, М., Дяченко, С. Vita Nostra. Работа над ошибками. М.: «Эксмо», 2021. 320 с.
- Дяченко, М., Дяченко, С. Армагед-дом. М.: Эксмо, 1999. 512 с.
- Дяченко, М., Дяченко, С. Ведьмин Век. М.: Эксмо, 1997. 704 с.
- Дяченко, М., Дяченко, С. Пандем. М.: Эксмо, 2002. 448 с.
- Желтикова, И.В. Место женской утопии в динамике жанра утопии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. №2. С. 90-96
- Рудановская, С.В. «Женщина на краю времени»: опыт субъекта в феминистической утопии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. 2017. №2. С. 250-259.

«ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» И.А. ЕФРЕМОВА: МЕЖДУ УТОПИЕЙ И АНТИУТОПИЕЙ

И.Н. Ткаченко

независимый исследователь (Москва)

Аннотация. В «Туманности Андромеды» И.А.Ефремова показано коммунистическое общество, зашедшее в тупик в своем развитии. Рациональное начало развивалось за счет эмоционального. Осознание происходит после получения послания внеземной цивилизации, развивавшейся по иному пути. Развиваемая антропологическая теория, символическим об-

разом представляющая эволюцию человечества через различные расовые типы, имеет эзотерическое происхождение. Социальные взгляды Ефремова перекликаются с его естественнонаучными взглядами. Если биологические и социальные законы везде одинаковы, то биологическая и социальная эволюция должны происходить сходным образом. Несомненный интерес представляют сейчас экологические идеи писателя-фантаста.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, научная фантастика, Иван Ефремов, мифопоэтика, внеземная жизнь, внеземные цивилизации.

В своем романе «Туманность Андромеды» И.А.Ефремов изобразил будущее коммунистическое общество, которое зашло в тупик в своем развитии, потому что в нем забыли о самом главном – о человеке. Рациональное развитие человеческого общества осуществлялось за счет его эмоционального развития. Постепенное осознание этой проблемы наступает только после получения сообщения от внеземной цивилизации, развитие которой происходило в совсем другом направлении.

Мир «Туманности» – это предельно рационализированное общество, в котором рационализация распространяется даже на все формы человеческого общения. Различные формы обращения, приветствия и прощания отменяются, следует говорить по существу дела и стараться кратко выражать свои мысли, потому что «излишества речи» признаются «одним из самых позорных недостатков человека» [Ефремов, 2009: 86]. Фактически обычных дружеских отношений не существует, а с любовными отношениями не все обстоит благополучно. Несмотря на то что члены этого общества придерживаются коллективистских идеалов, кажется, что они являются глубокими индивидуалистами, поскольку самозамкнуты, и они особенно не склонны к душевным излияниям.

В «Туманности» развивается антропологическая теория, имеющая явно эзотерическое происхождение. В романе показан художник, создающий серию картин, изображающих различные расовые типы, символическим образом представляющую историческое развитие человечества по восходящей линии: африканский инстинктивный тип, «крито-индский» чувственный тип и рациональный северный тип. Последний тип якобы был исторически представлен русскими, скандинавами и англичанами, но по опи-

санию он больше всего соответствует холодному скандинавскому типу. Однако совершенный человеческий тип, синтетический, еще не появился, и для него не находится подходящей модели. Синтетический тип, обладающих сверхспособностями, появляется только в заключительной части трилогии – «Часе быка», в которую входит и «Туманность Андромеды» вместе с «Лезвием бритвы». Необходимо сказать, что хотя ефремовские герои в своей юности должны были совершать «подвиги Геркулеса», представляющие своего рода экзамен на аттестат зрелости, они часто полностью теряются в экстремальных ситуациях.

«Туманность Андромеды» можно было бы назвать эталонным романом социалистического реализма, если бы не постоянно повторяющиеся эзотерические и эротические мотивы. Социальные идеи писателя-фантаста являются вторичными по отношению к официальной доктрине построения коммунизма, и его произведения насыщены идеологическими штампами пятидесятых-шестидесятых годов, мешающими восприятию основного художественного текста. Однако советская литература казалась ему недостаточно социалистической. В статье «Наклонный горизонт» он обосновывал необходимость появления литературы нового типа, соответствующей новому обществу, а также показывающей «нормального человека в нормальных условиях» (понимая «нормальность» в среднестатистическом смысле). И совсем не случайно в его произведениях преобладает усредненный на высшем уровне человеческий тип. Ефремов выступал за единообразный стиль во всем: одежде, питании, воспитании, и считал, что мы придаем слишком большое значение отличиям друг от друга, чего не должно быть в коммунистическом обществе, в котором будут заниматься духовным развитием. Фантаст высказывался о необходимости противостояния вселенской энтропии, понимаемой в расширенном смысле, но единообразно как раз представляет собой энтропию – смерть.

В «Туманности» обращает на себя внимание большое количество используемых мифопоэтических образов, и возникает вопрос, не создает ли автор миф в духе Платона, и не объясняется ли воздействие его романа на читателя именно тем, что это миф? Различные периоды исторического развития человечества обозначаются мифо-

поэтическими терминами: Эра Разобщенного мира, Век Расщепления, Эра Мирового Воссоединения и Эра Великого Кольца. В своем выступлении перед внеземной цивилизацией со станции космической связи женщина-археолог в критском костюме «с низко открытой грудью» излагает историю человечества, останавливаясь больше на развитии цивилизации и культуры, но фактически она рассказывает миф. Вся предшествующая докоммунистическая история воспринимается ефремовскими героями только как «предыстория», и автор намеренно подчеркивает полное непонимание ими исторических реалий. Радикальный разрыв с прошлым является крайне характерной чертой утопического мышления. В «Часе быка» юные герои, которые готовятся совершать «подвиги Геркулеса», испытывают иррациональный страх перед историческим прошлым, который представляется им миром «инферно». Однако погружение в историю считается опасным занятием даже для взрослых людей, способным неблагоприятно отразиться на их психическом состоянии. Мифологизация истории происходит как на коммунистической Земле, так и на олигархической планете Торманс. В ефремовской утопии мы имеем дело с синкретическим мифом, в котором странным образом смешаны идеи построения коммунистического общества, ницшеанство, социал-дарвинизм, евгеника, эротика, теософия и разные другие посторонние наслоения.

Ефремов предпринял попытку создания еще одной научной утопии, хотя он критически оценивал современное состояние научно-технического прогресса. Наука должна способствовать управлению обществом, понимаемым им весьма своеобразно. В «Часе быка» мы неожиданно узнаем об охранительных системах, на которые затрачиваются значительные средства, в которые входит служба психологического надзора, причем в необходимых случаях предполагается изоляция и «решетчатая трансформация индивида».

Социальные и естественнонаучные взгляды ученого фантаста непосредственным образом связаны между собой. Мы можем охарактеризовать его взгляды как социально-биологический детерминизм. Ефремов исходил из положения, представлявшегося ему бесспорным, что если биологические и социальные законы везде одинаковы, то биологическая эволюция и социальное развитие так-

же должны протекать одинаковым образом, за отдельными исключениями, устранимыми посредством «великого диалектического процесса усреднения» [Ефремов, 2009: 263]. В статье «Космос и палеонтология» он говорил о «великой конвергенции», вследствие которой внеземные формы жизни не должны значительно отличаться от земных, в особенности, их разумные формы. (Идею сходимости высших форм жизни развивал еще А.А.Богданов в «Красной звезде» в соответствии со своей тектологической теорией, и между взглядами обоих авторов имеется достаточно много совпадений.) В «Сердце Змеи» оказывается, что даже «фторные люди» имеют аналогичное с земными строение на морфологическом и генетическом уровнях. Ученый-палеонтолог отрицал существование массовых вымираний(!), считая их «частными явлениями», как противоречащих его диалектическим представлениям, в которых не оставалось места подобным случайностям. Развитие космических цивилизаций точно так же неизбежно должно привести к построению коммунистического общества в отдельно взятой галактике в форме «Великого Кольца», или они вообще должны исчезнуть.

Экологические идеи писателя-фантаста с современной точки зрения представляются весьма противоречивыми. В «Туманности» показано полное преобразование земного климата в соответствии с распространенными в то время идеями, но также гармоническое взаимодействие человека с преобразованной им природой. Фантаст предупреждал об опасности использования атомной энергии и вреде электромагнитных излучений, и в его утопии информация передается по направленным каналам связи, и сеансы связи осуществляются строго по расписанию, чтобы избежать излишней перегрузки окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ефремов, И.А.** Туманность Андромеды: фантастические произведения. М.: Эксмо, 2009. 1008 с.
- Ефремов, И.А.** Космос и палеонтология // НФ. Сборник научной фантастики. Выпуск 12. М.: «Знание», 1972. С. 111-125.
- Ефремов, И.А.** Наклонный горизонт (Заметки о будущем литературы) // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 48-67.

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ УТОПИИ

СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА

В.А. Нехамкин

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Москва)

Аннотация. В работе выявляется структура социальной утопии. Выделяются входящие в классическую утопию базовые положения. Сюда относятся следующие тезисы. Во-первых, вынесение существования утопии за пределы текущей социальной реальности. Во-вторых, допущение о возможности построения общества на строго рациональных основаниях. В-третьих, обязательное имущественное равенство всех членов социума как условие обеспечения его стабильности. В-четвертых, предположение, по которому управленцы в таком обществе должны быть интеллектуалами, а именно философами или учеными. Устанавливается иерархия указанных положений. Указывается на проблему «идеального города» как дискуссионную в обсуждении структуры утопии. Показано, что выявление новых базовых положений, образующих структуру социальной утопии, следует продолжать выявлять.

Ключевые слова: утопия, социальная утопия, структура утопии, базовые положения утопии.

Утопии, касающиеся развития социума, – важный жанр осмысления как прошлого, так и грядущего состояния общества, его динамики. Определим их как описания идеальной общественной организации, которые переносятся в неопределенное будущее. Разумеется, не все утопические проекты редуцируемы к такой дефиниции (например, еще древнегреческий мыслитель Гесиод видел «золотой

век» в прошлом, а нынешнее состояние – «медный век» – проявлением сильнейшего регресса), но она послужит базой для поиска общих положений, соединяющих указанные разнообразие объекты.

Утопии различаются по следующим основаниям. Во-первых, по источникам появления. Это – и религиозные утопии (начинающиеся с работы «О Граде Божьем» Бл. Августина), и светские (идущие от проекта «идеального государства» Платона к «Утопии» Т. Мора, «Городу Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона). Во-вторых, по отношению к ним философов, писателей и социальных групп. Идеи утопистов вызывают как отторжение различных мыслителей (в XX в. появляется жанр антиутопии, порожденный творчеством Е. Замятина, Д. Оруэлла, О. Хаксли), так и попытки реализовать отдельные их положения на практике на научной основе, очищенной от идеализма (классический марксизм XIX в. и его последующие версии – от марксизма-ленинизма, маоизма, боливарианского социализма и пр.). В-третьих, утопия отличается в разных странах (скажем, российская от европейской) и даже континентах [Паниотова, 2004]. В-четвертых, по видам деятельности людей (политическая, техно-, цифровая и т.д.) [Халуторных, Егорова, 2022]. Наконец, ее изучают представители разных дисциплин: социологи, философы, психологи, культурологи [Романенко, 2022] и другие.

Короче говоря, утопия разнообразна как попытка осмысления мира с теоретических позиций. Вместе с тем говорят об общем «утопическом мышлении», противостоящем его иным формам (например, рационалистическим, реалистическим). Причем, количество подобных текстов столь велико, что позволяет создавать из них некое собрание – антологию [Утопия и утопическое мышление, 1991].

Возникает вопрос: что у различных утопических версий есть общего? Ранее [Нехамкин, 2012: 20–21] автор предложил следующую систему положений, составляющих структуру любой светской утопии:

1. Вынесение утопии за пределы реального мира (в переводе на русский язык «утопия» – «нигде не существующее место»), или привязка к фантастическим координатам (Т. Кампанелла помещает «Город Солнца» на мифическом острове Тапробану). Тем самым идеальное социальное устройство описывается без отнесения к конкретной действительности.

2. Тезис о возможности построения общества на абсолютно рациональных началах, исключавших теоцентризм. Т. Кампанелла подчеркивал, что идея создания города Солнца исходила от народа, который «решил вести философский образ жизни общиной» [Кампанелла, 1954: 45]. Соответственно, утопия объединяла атеизм, науку, философию как средства преобразования общества в потребном для его членов ключе.

3. Имущественное равенство – база существования социума. Оно предполагало необходимость трудиться каждому представителю коллектива, отсутствие частной собственности. В идеальном государстве нет бедных и богатых, их вражды. Интересно, что у Платона данное требование – удел высших слоев (философов и стражей), а начиная с Т. Мора оно распространено на социум в целом.

Подобный элемент утопических конструкций – наиболее дискуссионный. XX в. показал, что попытки силового внедрения равенства в социум порождают новое неравенство. Он вызывал критику антиутопистов, выразившуюся в знаменитой формуле Д. Оруэлла: «все животные равны, но некоторые равнее».

4. Предположение: управленческий класс можно формировать в соответствии с учетом интеллектуальных способностей человека. Политическая элита создается на базе такого принципа. Так, у Платона правители именовались «философами». У Т. Кампанеллы это – искусственный в науках и философии Метафизик. У Ф. Бэкона «Новой Атлантидой» прямо управляют ученые (входящие в «Дом Соломона», опять же намек на «мудрых людей», близких по знаниям к философам). На базе гипотезы в XX в. сформировалось представление о *меритократии* – будущем классе управленцев, в который попадают за высокий уровень интеллекта (IQ).

Подобные составляющие «твердое ядро» утопии элементы (положения) не позволяют говорить о ней только как о беспочвенной фантазии. Это – логические конструкции, полученные «путем мыслительного усилия, выделения определенных элементов действительности» [Громов, Мацкевич, Семенов, 1996: 104–105].

Однако только выявить положения, составляющие основу утопического произведения, недостаточно, чтобы очертить его структуру. Она характеризуется «тремя моментами: количеством составляю-

щих (элементов. – *В.Н.*), порядком их расположения и характером зависимости между ними» [Грушин, 1961: 63]. Укажем на иерархию элементов утопии (по крайней мере, в их классической «светской» версии Платона – Т. Мора – Т. Кампанеллы – Ф. Бэкона). На первом месте стоит идея имущественного равенства людей. Поскольку она не может быть реализована на практике, то данное идеальное государство намеренно убирают из реального социального поля. (Тем самым снимается и «социальное трение». Допускается, что общественные группы приняли такой порядок как аксиому). В такой ситуации общество может быть организовано на рациональных началах. Для этого требуются усилия особой группы людей – интеллектуалов, которых называли по-разному (философы, метафизики, ученые и т.д.). Такова в целом структура утопического произведения. Ее можно использовать для анализа и иных связанных с утопией тем (например, русской идеи) [Лебедев, Нехамкин, 2015].

В заключении стоит отметить и еще один момент утопических построений. Они, как правило, урбанистичны. «Центрами» реализации идеальной общественной организации оказываются хоть и изолированные в каком-то месте (острове), но города, а не села. И хотя временное переселение горожан в деревню предусматривалось некоторыми утопическими проектами как дополнительная реализация идеи «равенства», но намеренного константного развития человечества вне городов не предполагала (несмотря на «зигзаги» Ж.Ж. Руссо и некоторых иных мыслителей). Отсюда уже вытекает проблема «идеального города» [Нехамкин, Сачкова, 2012]. Однако включать ли в структуру утопии положение об ее обязательном протекании именно в городах – тема отдельного изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Громов, И.А., Мацкевич, А.Ю., Семенов, С.А. Западная теоретическая социология. М.: Изд-во Ольга, 1996. 288 с.

Грушин, Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М.: Высшая школа, 1961. 214 с.

Кампанелла, Т. Город Солнца. О наилучшем государстве. М.: Гос. изд-во, 1954. 228 с.

Нехамкин, В.А., Сачкова, В.А. Образы «города будущего» в культуре конца XX – начала XXI вв.: мифы и реальность // Вестник МГОУ. Серия

«Философские науки». 2012. № 3. С. 47–55.

Нехамкин, В.А. Социальная утопия как тотальность: опыт осмысления // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания». Липецк – Тамбов: Изд-во Першина, 2012. С. 19–22.

Лебедев, К.С., Нехамкин, В.А. Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции // Гуманитарный вестник. 2015. № 12 (38). DOI [10.18698/2306-8477-2015-12-326](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2015-12-326).

Паниотова, Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 304 с.

Романенко, М.А. Культурная память в контексте советского утопического дискурса : автореф... дис. кан. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 2022. 24 с.

Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. 405 с.

Халуторных, О.Н., Егорова, Е.А. Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманитарный вестник. 2022. № 2 (94). DOI: [10.18698/2306-8477-2022-2-771](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-771).

УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «МОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ» Х.Л. АРАНГУРЕНА

Л. Е. Яковлева

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Аннотация. В статье проведен анализ утопического проекта «моральной демократии» крупнейшего этика, активного участника политической жизни Испании второй половины XX века Х.Л. Арангурена. Реконструкция этого проекта осуществлена в контексте испанской философии, специальное внимание уделено влиянию идей Х. Ортеги-и-Гассета и Х. Субири на формирование концепции Х.Л. Арангурена. Рассмотрены взгляды Х.Л. Арангурена на соотношение реализованной и моральной демократии, утопии и реальности, новых социальных движений (пацифисты, защитники окружающей среды, феминистки) и правовых институтов, этики и политики. Показано общее и различное в критике неокapиталистического общества представителями Франкфуртской школы социальных исследо-

ваний и испанским мыслителем. Особое внимание уделено понятию «интеллектуала» и его миссии в современном мире. Определен вклад утопического проекта «моральной демократии» Хосе Луиса Арангурена в процесс мирного перехода испанского общества от франкистского авторитарного режима к демократии.

Ключевые слова: утопия, интеллектуал, моральная демократия, Х.Л. Арангурен, испанская философия.

Проект «моральной демократии» испанского философа Х.Л. Арангурена (1909-1996) был разработан в контексте критики двух неприемлемых форм «технической институционализации» нравственности: коммунистического тоталитарного государства, которое полностью подчиняет этическое политике, и государства «всеобщего благосостояния», которое гарантирует благополучие и изобилие тем, кто подчиняется его манипуляциям, хотя нужно всегда помнить о том, что эта гарантия не универсальна.

Х. Арангурен подчеркивает, что главным недостатком государства «всеобщего благоденствия» по сравнению с первой формой, является ослабление морального напряжения. Модель «удовлетворенного потребителя», лежащая в основе такого государства, гораздо более материалистична марксистской модели «революционного пролетариата», так как последний великодушно борется за справедливое будущее, которого он может и не достичь. Государство «всеобщего благоденствия», идеалом которого является американская демократия, мастерски использует средства массовой информации» в качестве мощного инструмента манипуляции.

Отвергая эти две фактически существовавшие на тот момент времени модели – тоталитарный коммунизм и капиталистическое государство всеобщего благоденствия, Арангурен предлагает в качестве утопии «моральную демократию» или государство справедливости. При этом он отмечает, что после распада СССР, осталась только вторая форма государства, которая приобрела сакральный характер, но при этом хотя и неравномерно, но деградирует в ходе истории.

Цель Арангурена – дать критику инструментального разума – тесно связана с метафизическими поисками испанских философов XX века, которые расширяют понятие разума, включая в него не только научный разум, но и такие его измерения как «исторический

разум» (Х. Ортега-и-Гассет), «чувствующий разум» (Х. Субири), «поэтический разум» (М. Самбрано).

Предметом нашего исследования являются работы Х. Арангурена 60-х годов XX века, когда испанский мыслитель «переходит от индивидуальной и даже религиозной или метафизической этики к этике социальной и политической, хотя она никогда не меняла своего личностного характера» [Elías Díaz, 2007: 290]. В работах «Этика и политика» (1963), «Что мы знаем о морали» (1967), «Марксизм как моральное учение» (1968), «Человеческая коммуникация» (1965) и «Стабильная демократия» (1979) он осуществляет критику новых форм отчуждения в неокapиталистическом обществе и весь спектр идеологий, присущих этому обществу. Причину негативного состояния общества он видит в дефиците социальной рациональности.

Для понимания трактовки утопии у Арангурена, необходимо рассмотреть принципиальные положения теории «перспективизма» Х. Ортеги-и-Гассета. С точки зрения Ортеги, реальное – это перспектива, которая является неразделимым единством объекта и субъекта. Все перспективы реальны, но одни богаче, а другие беднее. Единственной абсолютной перспективой – была бы перспектива Бога. Но именно это невозможно для человеческого я, потому что Бог находится во всех частях, в то время как человек имеет точку зрения, укорененную в определенном пространстве и времени. «Реальность, подобно пейзажу имеет бесконечное число перспектив и все они одинаково истинны и подлинны. Единственная ложная перспектива – та, которая стремится быть единственной. Говоря другими словами: ложной, является утопия, не локализованная истина, увиденная из несуществующего места» [Lazaga Medina, 2003: 67].

Рационализм, для Ортеги, утопичен, так как не придерживается своей точки зрения или перспективы, исходящей из индивидуального Я. В знаменитой формуле «Я есть я и мои обстоятельства и, если я не спасу их, я не спасусь сам» [Ortega y Gasset, 1964: 52], впервые высказанной в работе «Размышления о Дон-Кихоте», выражена его главная антропологическая идея. Обстоятельства нас заставляют различать того, кем мы «хотим быть», более или менее идеального персонажа, и того, кем мы реально являемся, человеком из плоти и крови, вовлеченного в сценарий жизни. Человек – это

ни тело, ни субстанция, ни дух, а жизненная драма, происходящая в определенных обстоятельствах и проявляющаяся во времени. Абстрактное понятие «человек» Ортега заменяет конкретным понятием «человеческой жизни каждого» или «своей жизни». Утопично, с точки зрения Ортеги, и «само слово «общество», с его помощью мы обозначаем группы сосуществования людей, но люди, одновременно, асоциальны, поэтому сосуществование людей – трагедия. Люди сосуществуют, но это сосуществование не является в действительности обществом...Общество – это место как для социализации, так и для десоциализации» [Ortega y Gasset, 1997: 73]

Антропологическая концепция Х. Субири выступает в качестве еще одного основания этики Арангурена. Согласно Х. Субири, метафизическое знание в отличие от научного изучает не содержание реальности, а структуру реальности как реальности. Оно носит характер интерпретации, допускает лишь опосредованную верификацию, но имеет основополагающее значение для человеческой жизнедеятельности. Так как метафизика пытается исследовать смысл реальности в ее целостности и в предельном основании. Философское изучение человека предполагает, во-первых, рассмотрение человека как целостной реальности, моментами которой выступают *сознание, время, бытие*, во-вторых, понимание того, что деятельность человека всегда носит системный характер. Благодаря чувствующему разуму человек является открытой по отношению к целостной реальности сущностью, он несет моральную ответственность за каждую из исторических ситуаций, в которых находится. Каждое его новое решение одновременно открывает и закрывает некоторые возможности. Отличие человека от всех других творений состоит в личной любви, которая образует некоторое «пространство искренности», «в рамках которого «другой» оказывается изначально близким мне, становясь моим ближним» [Субири, 2000: 96]. Любая мыслимая общность людей укоренена в «персональности» самой по себе и может быть только обществом личностей.

Опираясь на философскую антропологию Х. Субири, Арангурен подчеркивает, что невозможно извне предписать человеку некоторые обязанности, если бы он не был личностной реальностью, ответственной за свои действия. Только человеку присуща способ-

ность удаляться от мира и погружаться в себя или растворяться в себе. Человек всегда несет ответственность за свою жизнь, и не может переложить ее на общество. Мораль является онтологической структурой человеческой реальности. Речь при этом идет не о идеале, а о необходимости, требуемой самой природой человека, его, психобиологическими структурами. Чтобы существовать биологически, человек должен «брать на себя ответственность» за ситуацию, обращаться с вещами – и с самим собой – как с «реальностью», а не только как с внешними раздражителями. Интеллект, таким образом, есть прежде всего обращение к реальности как реальности.

В своей этике Х. Арангурен различает два измерения свободы и соответственно два понятия – мораль как структура и мораль как содержание [Aranguren, 1998: 47–49]. Кратко первое измерение свободы можно описать словами Ж.-П. Сартра «человек осужден быть свободным». Когда же мы говорим о морали как содержании, то в данном случае речь идет о поступках, которые соответствует некоторой этической норме (естественному закону, нравственной совести). Испанский философ подчеркивает, что мораль как содержание обязательно опирается на мораль как структуру и не может существовать без нее. Именно потому, что человеку не задано от природы приспособление к действительности, но что он должен делать это самостоятельно, имеет смысл требовать, чтобы он делал это не произвольно или субъективно, а по определенным нормам, в соответствии с определенной системой предпочтений.

Мораль индивида, подчеркивает Арангурен, является недостаточной, если она не становится общественной моралью, не приобретает политического измерения. В противовес крайностям индивидуализма и коллективизма Арангурен выдвигает свой утопический проект демократии как морали, как морального обязательства, которое, хотя и имеет социальную природу, требует принятия ответственности на индивидуальном уровне. Способом преодоления морального кризиса, связанного с неокapиталистическими обществами, Арангурен считает «политизацию жизни и морализацию политики, которая предполагает принятие каждым индивидуумом своей моральной и политической ответственности и их последующем моральном и политическом участии» [Caballero Rodrigues, 2013: 252].

Как отмечает Х. Л. Абельян, «если утопия – продукт воображения и говорит об установлении нового мира, свободного от недостатков и несовершенств, то в ней имплицитно содержится глубокий импульс для морального прогресса» [Caballero Rodrigues, 1992: 12]. Арангурен считает, что демократия как мораль должна стать ориентиром, целью, к которой будет стремиться общество, чтобы реализовать принцип социальной справедливости. Утопический проект Арангурена во многом стимулировал моральный прогресс испанского общества в процессе перехода к демократии.

Для создания здорового демократического общества, в котором успешно осуществляется коммуникация и понимание проблем и вызовов, которые стоят перед человеком, вовлеченность людей в политику участия, граждане, с точки зрения Арангурена, должны получить солидное образование в области морали, политики и экономики. Только тогда они смогут по-настоящему критически относиться к системе и делать взвешенный выбор.

Осознавая утопический характер такой демократии, Арангурен с юмором повторял суждение Черчилля о том, что «реализованная парламентская демократия худший из всех возможных политических режимов, за исключением всех остальных» [Elías Díaz, 2007: 234]. Говоря современным языком, демократия – это система коммуникации между специализированной властью и массами. Коммуникация является одним из столпов демократии. Но в современном обществе отсутствует четкая граница между пропагандой и информацией, СМИ пытаются сохранить видимость объективности, но информация искажается в угоду экономическим или политическим интересам.

Демократия как мораль означает бесконечную задачу демократизации общества на всех уровнях как на политическом, так и на экономическом, а также предполагает осуществление культурной демократии и демократизации жизни. Идеалом демократии является участие всех членов общества в осуществлении власти, это – единственный способ быть гражданином. Поэтому демократия по самой своей сущности является разнонаправленной и противостоит любым попыткам действовать в одном направлении.

Полная демократия обязательно предполагает демократизацию всех институтов культуры – семьи, детских учреждений, школы,

университетов, СМИ и особенно, телевидения. Демократизация этих институтов означает деbüroкратизацию, критичность, участие. Не менее насущной является демократизация нашей повседневной жизни. Необходимо возродить свободу в нашей повседневной жизни, в наших семейных отношениях, воспитании детей, образовании. Моральное измерение человека, мораль как структура, означает, что судьба человека в значительной степени зависит от него самого и его решений. В эпоху кризиса массовых политических партий и превращения гражданина в избирателя, подверженного влиянию сенсационных кампаний прессы, особенно важна роль интеллектуала. Именно интеллектуал должен выполнять относительно политики как «искусства возможного» этическую миссию.

Миссия интеллектуала в современном мире – критика политической практики и предлагаемых новых моделей государства с точки зрения демократии как моральной задачи. Мифу о неукротимости власти интеллектуал должен противопоставить анализ, критику и ясное осознание того, что власть – это хотя и дегуманизированное, но чисто человеческое изобретение.

В современном обществе, по мнению испанского философа, человек полностью потерял смысл жизни. Он уже не верит ни в свое совершенствование посредством труда (идея Нового Времени), ни в свое совершенствование посредством досуга (социалистическая идея). И труд, и досуг программируется для человека другими людьми, лишая его жизнь творческого содержания. Задача, стоящая перед современным гуманизмом – персонализировать отношения как в сфере труда, так и в сфере досуга, и не для меньшинства, а для большинства человечества. Критерий эффективности демократического государства – практическое содействие реализации этой цели.

Необходимо в полной мере осознать, что «демократия – это идеальная модель и культурное изобретение. Идея правления самих управляемых неестественна, а следовательно, культурна и моральна» [Aranguren, 1975: 174]. Демократия стремится элиминировать всемогущество власти за счет взятия на себя ответственности за публичную жизнь каждой личностью. Процесс демократизации общества не имеет конца и означает «каждодневное, самокритичное, творческое этико-политическое усилие каждого человека».

Свой утопический проект Арангурен развивает в контексте испанской философской традиции, поэтому важным элементом его концепции «моральной демократии» является признание веры в трансцендентное начало как противоядия от потери смысла – результата господства инструментальной рациональности в социокультурной и политической реальности. Как отмечает, Хуан Эсекуэль Моралес, «в XVII в. ученые «расколдовали» мир, то есть, лишили его «очарования» с помощью рационального объяснения: таков тезис М. Вебера. Напротив, сегодня, считает Арангурен, нужно вновь «очаровать» мир, вновь придать ему таинственный смысл» [Ezequiel Morales, 1991: 40–41]. В своей работе «Католицизм и протестантизм как формы существования», философ приходит к выводу, что «в ситуации кризиса каждый человек ищет ту религию, которая лучше всего приспособлена к расположению его духа, к тому способу, каким он чувствует и понимает свою экзистенцию» [Aranguren, 1952: 242]. Астрология, таро, различные секты и эзотерические учения, распространившиеся в современном мире, явно свидетельствуют о необходимости возродить религию по меркантильным соображениям, чтобы программировать определенный порядок ума человека, контролировать его сознание, как это делают секты. Изучение религии как социального явления – важный момент методологии изучения социальных явлений Х. Арангурена, который отличает его от психоанализа как теоретической основы методологии Франкфуртской школы социальных исследований.

Противостоять потере смысла жизни в современном обществе «господства имиджа, коммуникации и симулякров» можно только с помощью осознанности своих действий, искусства, духовности, конкретного переживания человеком той или иной этической нормы в конкретной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aranguren, J. L.** *Ética*. Barcelona, Ediciones Altaya, 1998. 343с.
- Aranguren, L. J.** *Talante, juventud y moral*. Madrid, Ediciones Paulinas, 1975, 164 p.
- Aranguren, L. J.** *Catolicismo y protestantismo como formas de existencia*. Madrid, *Revista de Occidente*, 1952. 240 p.
- Elías Díaz Aranguren: *Ética and Política // Revista internacional de Pensamiento Político II-Época*. vol. 3. 2007. P. 165-192.

Caballero Rodrigues, B. Against instrumental reason: Neo-marxism and spirituality in the thought of J. L. L. Aranguren and Jesus Aguirre. Editorial Anagnorisis, 2013. 491p.

Ezequiel Morales, J. Apuntes sobre filosofia occidental. Madrid, MARIAR S.A., 1991. 151p.

Lasaga Medina, J. Jose Ortega y Gasset (1883-1955). Vida y filosofia. Editorial Biblioteca Nueva, S.L. Madrid, 2003. 148 p.

Ezequiel Morales, J. Apuntes sobre filosofia occidental. Madrid, MARIAR S.A., 1991. 151 p.

Ortega y Gasset, J. Obras completas. t. 6. Madrid, Revista de Occidente, 1997. 511 p.

Herrero, B. F. La utopia de America. Teoria. Leyes. Experimentos. Barcelona, Antropos, 1992. 442p.

Субири К. Сверхприродное бытие: Бог и обожение в теологии Св. Павла // Человек. 2000. №5. С. 94-106.

СОЗНАНИЕ, ЖИВУЩЕЕ ВНЕ ТЕЛА: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

С.В. Новикова

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)

Е.В. Штифанова

Уральский государственный архитектурно-художественный
университет им. Н.С. Алфёрова (Екатеринбург)

Аннотация. Авторы статьи обращаются к актуальной проблеме человеческого сознания, а именно их интерес вызывает вопрос является ли сознание онтологически связанным с мозгом и физической реальностью или является независимой духовной субстанцией? Участвуют ли ментальные и физические процессы отражения реальности в формировании некой «третьей среды» осмысления и интерпретации полученного с помощью органов чувств жизненного опыта (вкус, цвет, запах, эмоции)?

Сложными проблемами становятся «квалиа» и «Я», понимаемые как внутреннее самоощущение. Эти понятия представляют сложность, поскольку и определены как нечто невыразимое и непередаваемое. Нейро-

центризм, как правило, выдвигает аргументы в пользу не существования «Я» или самости, так как их нельзя показать в мозге.

Авторы обращаются к анализу современных философских концепций сознания, в частности, к позиции «натуралистического дуализма» Дэвида Чалмерса, к понятию нейроконструктивизма, к метафоре «тоннель эго» Т. Метцингера, к исследованиям мозга Анила Сета, к «современной философии духа» Маркуса Габриэля. Особым поворотом в исследовании сознания авторы считают стремление человечества к визуализации и наделению самостоятельным бытием сознания, что переходит на качественно новый уровень в связи с зарождением искусственного мира виртуальной реальности (VR).

Квинтэссенция размышлений гласит, что идея сознания, которая существует абсолютно независимо от физических процессов, является утопией, поскольку все состояния сознания, внутренний мир человека формируется на основании проживания обусловленных телесностью опыта, чувств, эмоций, являясь уникальным опытом феноменального существования.

Ключевые слова: «лёгкая и трудная проблема сознания», «квалиа», «Я», «тоннель эго», дух, проблема свободы.

Одним из центральных вопросов в философии духа стал вопрос Р. Декарта об отношении духа и мозга. Идея дуализма была популярна в XVII веке, и связано это с христианскими представлениями о бессмертии души. С этой точки зрения в мире существуют два начала. Первое – физическое, воплощающее вещи, которые находятся в пространстве: они протяжены, их можно делить, измерять их объем. Второе начало – духовная субстанция. Она нематериальна, непротяжённа, нельзя вычислить ее координаты в пространстве. Наша душа, по мнению дуалистов, является такой духовной субстанцией.

Взаимодействие и взаимовлияние бытия и сознания – проблема, которая сейчас приобретает новый философский интерес и разворачивается в центральную проблему современной философии сознания – проблему соотношения «сознание – тело». Является ли сознание онтологически связанным с мозгом и физической реальностью или является независимой субстанцией? Или ментальные и физические процессы отражения реальности одновременно участвуют в формировании некой «третьей среды» осмысления и интерпретации полученного с помощью органов чувств жизненного опыта? Философские направления после дуалистов решали эту про-

блему исходя из базовых онтологических установок. Итак, может ли сознание существовать вне тела? Обратимся к ряду концепций, утверждающих несводимость сознания к физической реальности, но при этом отстаивающих обусловленность сознания и субъективной реальности стимулами физического пространства.

Австралийский философ Д. Чалмерс, исследуя в работе «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории» природу и функции сознания с позиции «натуралистического дуализма», формулирует так называемые «легкую» и «трудную проблему сознания», касающиеся особенностей возникновения и восприятия чувств, формирования «субъективной реальности». Говоря о «легкой проблеме сознания», философ имеет в виду «объективные механизмы когнитивных систем», физическое восприятие чувственных стимулов и соответствующую им реакцию головного мозга: «Естественно предположить, что сознание возникает вследствие определенной функциональной организации мозга. Согласно этой позиции, химический, да и квантовый субстрат мозга не имеют отношения к порождению сознания» [Чалмерс, 2013: 311]. Таким образом, именно «трудная проблема сознания» нуждается в большем внимании, поскольку одного только влияния физического на ментальное недостаточно для объяснения возникновения субъективного внутреннего мира и ответа на вопрос: что такое сознание и «почему возникает сознание». Как взаимодействуют субъективные ментальные состояния («квалиа») и объективные процессы в мозге человека? Сложность связана с тем, что к изучению ментального неприменимы традиционные методы экспериментальных наук, и индивидуальный внутренний опыт является субъективным, неизмеримым. Сознание, это нечто большее, чем физические процессы, но квалиа формируются из опыта ощущений. Для Чалмерса «химический, да и квантовый субстрат мозга не имеют отношения к порождению сознания. Важна абстрактная каузальная организация мозга, которая могла бы реализовываться на множестве различных физических субстратов» [Чалмерс, 2013: 308]. Сознание – это осознание ментальных феноменов.

Согласно концепции современного немецкого философа Т. Метцингера, «философская загадка сознания», касающаяся его возникновения в мозге как физическом объекте – неразрешима. В рабо-

те «Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго» [Метцингер, 2017] присутствует та же идея, что и у Чалмерса. Природа сознания не сводима к физиологическим, нейропсихологическим процессам нашего мозга, сознание конструирует собственный мир (самосознание), необъяснимый с точки зрения сугубо физиологических процессов, что подтверждается в эксперименте с «резиновой рукой». Философ приходит к заключению, что все мы «... являемся Эго-Машинами, естественными информационно-процессуальными системами, которые возникли в процессе биологической эволюции на этой планете. Эго – это инструмент, который развился для контроля и предсказания собственного поведения и понимания поведения других» [Метцингер, 2017]. Таким образом, сознание не является результатом физических процессов, но способно воспринимать и интерпретировать их.

Еще более кардинальный шаг в изучении сознания делает британский профессор нейробиологии Анил Сет, заявляя, что реальность, это «галлюцинация», поскольку мозг напрямую не воспринимает свет или звук, а только строит наиболее вероятные предположения об окружающих явлениях. Само сознание в процессе восприятия «создает» воспринимаемую реальность. «Красное яблоко останется для нас красным независимо от условий освещения. <...> И здесь уже дело не в глазах, а в мозге – именно он отвечает за данный аспект». [Сет, 2014: 94]. Сознание создает и показывает нам мир, который мы считаем объективным и реальным.

Маркус Габриэль возвращает понятию «дух» прежнее значение: проблематика «сознания» гораздо уже духа как предметной сферы. Появление подробного нейронаучного описания человека не объясняет непосредственных переживаний, которые имманентно присущи нам как человеческим существам. Он переключает наше внимание с исследования мозга на проблему свободы, заявляя о защите духовной свободы от программ редукции и элиминации, тогда как нейроредукционисты убеждают, что свобода – это не более чем эволюционно выгодная иллюзия. «Натуралистическая метафизика», растворяющая ментальное в природном, «ищет концепцию духа, сводящую его (человека) сперва к сознанию, а затем к нейронным импульсам» [Габриэль, 2020: 275] становится идеологией и как всякая идеология отнимает у людей свободу.

Итак подчеркнем: идея сознания, которое существует «внутри мозга» и функционирует только благодаря ему является утопией, поскольку все состояния сознания, внутренний мир человека формируется на основании реального жизненного опыта, проживания обусловленных телесностью чувств, эмоций и ощущений. Биологической основой личности является не головной мозг, а весь организм с его жизненным опытом и самопрезентацией.

БИБЛИОГРАФИЯ

Габриэль, М. Я не есть мозг: Философия духа для XXI века. М.: УРС-С:ЛЕНАНД, 2020. 304 с.

Метцингер, Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго. М.: АСТ, 2017. 416 с

Сет, А. Мозг за 30 секунд. М.: Рипол Классик, 2014. 160 с.

Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории сознания. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2013. 512 с

КОНЦЕПЦИЯ УТОПИИ РУТ ЛЕВИТАС

М.А. Романенко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Автор обращается к анализу господствующего в современных utopian studies операционалистского подхода. Этот подход позволяет переосмыслить содержание утопии: увидеть в ней не образ идеального общества, а возможность и навык желать лучшего, критиковать существующую реальность и создавать альтернативы. Ярким представителем этого – нового – понимания утопии является британский социолог Рут Левитас. Предложенная ей концепция «утопия как метод» и станет предметом детального разбора в настоящей статье.

Ключевые слова: утопия, утопия как метод, Рут Левитас, IROS.

На рубеже 1980–90-х годов перед исследователями-гуманитариями предстала задача, которую метафорично сформулировал Дж. Якоби, – «спасти дух утопии, а не ее букву» [Jacoby, 2005: XIV]. Для этого предстояло не просто преодолеть господствующий нега-

тивизм по отношению к утопии, но и переосмыслить ее содержание и ее роль в культуре. Определенных успехов в этом деле достигли социальные, политические и культурные исследователи, придерживающиеся неомарксистских взглядов. Выработанная ими формула «утопия как метод» положила начало новому подходу в *utopian studies*. Его суть – видеть в утопии не образ идеального общества, который бы был притягательным для одних и «лучшим рвотным», по выражению Э. Чорана, – для других, а возможность и навык желать лучшего, критиковать существующую реальность и создавать альтернативы.

В деле апологии утопии мы можем назвать многих, однако сосредоточимся на одной фигуре. Так, операционалистское понимание утопии получило заметное продолжение в работах британского социолога Рут Левитас. Именно с ее именем чаще всего связывают идею «утопия как метод». Она, конечно, не была пионером в этом вопросе, но разработала полноценную концепцию такого подхода к утопии, изложив ее в одноименной монографии.

Левитас представила манифест социального исследования, направленного на поиск «критического инструмента, – актуального для XXI в., по ее замечанию, – чтобы расширить границы нынешних властных дискурсов об экономическом росте и экологической устойчивости» [Levitas, 2013: 11]. Этим инструментом должна стать утопия. Определяя утопию как концепцию альтернативного общества, автор подчеркивает ее холистический характер.

Аналитический потенциал утопии, таким образом, выражается не только в работе целостного мышления по генерации идей о возможном будущем, но и одновременной адаптации этого мышления к «принципам и практикам этого будущего». Несмотря на свою амбициозность, этот метод исходит из стремления к «лучшему образу бытия или жизни», желание которого и составляет ядро утопии. Использование понятия «желания» тем не менее не противоречит намеченной аналитической интенции, что подчеркивается герменевтическим характером предлагаемого метода и его неизбежным устремлением «вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов в социальную и структурную сферу» [Levitas, 2013: 13]. Это желание, возникающее в индивидах, направлено все же на масштабные преобразования всей социально-политической системы.

Такой подход к утопии позволил Левитас творчески развить идеи Э. Блоха об онтологически присущему человеку стремлению к лучшему миру и на основании этих идей разработать собственный – более детальный – метод конструирования возможных (или невозможных) социальных систем – метод воображаемой реконструкции общества (Imaginary Reconstitution of Society – IROS), который, по ее мнению, соотносится с задачами спекулятивной социологии.

Структура IROS представляет собой комбинацию трех модулей – археологического, онтологического и архитектурного, которые направлены на то, чтобы вовлечь читателя¹ в процесс остранения (очуждения) уже знакомого опыта, его критического оценивания и переживания альтернативы [Levitas, 2011: 56]. Метафорическое указание на археологию в данном случае продиктовано схожестью действий этой исторической науки по обнаружению фрагментов материальных свидетельств жизни человека и составлению из них целостной картины. Подобным занимается и разрабатываемый метод. Его предназначение – поиск имплицитных фрагментов утопии, с целью использования их в едином образе и его дальнейшего осмысления. Архитектурный модуль метафорически указывает на понимание будущего как возникающего пространства, для которого, среди прочего, и «реальная архитектура как инфраструктура также имеет значение» [Levitas, 2013: 213]. Это возникающее пространство как раз и конструируется на основе утопических фрагментов, выявленных в ходе критической археологической операции, и представляет особой альтернативное видение.

Онтологический модуль вводит в утопический дискурс категорию субъекта, что характерно для теоретической оптики современных *utopian studies*. Левитас аргументирует выделение агентов или субъектов утопии двумя причинами. Во-первых, тем, что любые измышления о хорошем обществе или совершенном будущем должны основываться на существующем опыте. Задачу по их корреляции как раз и выполняет археологический модуль. Во-вторых, утопии требуют не только критическое объяснение, но и достижение при этом

¹ Левитас не ограничивает утопию только областью литературы и пользуется в том числе, вслед Сарджентом, более широкой категорией – утопизмом, чтобы акцентировать внимание на растворенном в культуре желании и предвосхищаемом спасении [Levitas, 2013: XIV].

определенного уровня аффекта, который «признается ответственным за стремление реализовать утопию» [Каспэ, 2018: 87].

Использование утопии как метода в качестве исследовательского инструментария позволяет соблюсти принцип холизма, а критический аспект, в свою очередь, придает предлагаемым альтернативам внутреннюю согласованность и последовательность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Jacoby, R. Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. New York: Columbia University Press, 2005. XVII, 211 с.

Levitas, R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / Ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford: Peter Lang, 2011. P. 47–68.

Levitas, R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. London: Palgrave Macmillan, 2013. XVIII, 268 p.

Каспэ, И.М. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.

КОНЕЦ ИСТОРИИ. КОНЕЦ УТОПИИ. КОНЕЦ БУДУЩЕГО?

А.А. Власов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Аннотация. Утопия, как «место, которого нет», неизбежно сопутствует истории человеческого сообщества, открывая для себя все большее количество дискурсов и выступая в качестве неотъемлемого конструирующего элемента будущего. При этом особое внимание обращают на себя те противоречия, которые обнаруживаются в рамках трактовки самого термина *утопия*, что приводит в результате к выявлению многоуровневой асимметрии, заключенной внутри утопии. И это обстоятельство, в свою очередь, позволяет поставить вопросы о том, каким образом утопия, как исторический феномен, обнаруживает для себя место в условиях конца истории, конца будущего и, возможно, конца самой себя. В этом отношении, в статье проводится анализ и сопоставление двух возможных векторов утопического нарратива с тем, чтобы указать на вероятные сценарии будущего, которые они предполагают.

Ключевые слова: утопия, будущее, конец истории, революционное движение, конструктивизм.

У-топос, буквально «который нигде не встречается», – это понятие, которым мы обязаны английскому философу Томасу Мору. Именно в его «Утопии», опубликованной в 1516 г., он впервые использовал это понятие, а, в свою очередь, успех этого произведения сделал этот термин популярным.

Утопия Мора – это остров с лучшей формой правления в мире. Однако к настоящему моменту понятие *утопия* отмечено весьма широким семантическим разнообразием. Так, ссылаясь на проведенный анализ И.В. Желтиковой и Д.В. Гусева, можно говорить о порядка 14-ти значениях этого термина, функционирующих в современных научных и научно-популярных русскоязычных текстах, среди которых в рамках настоящей статьи следует выделить рассмотрение утопии в качестве образа желаемого будущего [Желтикова, 2011: 43].

Распространившись за пределы литературного жанра и войдя в рамки политического дискурса, утопия стала обозначать любой проект совершенного общества, которое при этом может быть как химерическое и поэтому названное так уничижительно или, напротив, общество, которое, содержит в себе принцип реального прогресса, основание и стимул для лучшего будущего. Тем не менее, такого рода двойное прочтение утопии как социального проекта выступает всего лишь началом диалектической игры противоречий, сопутствующих этому понятию, что приобретает особый смысл в контексте «трех концов» (конец истории, конец утопии и конец будущего), вынесенных в заглавие этой статьи.

В первую очередь, имеет смысл обратиться к вопросу о том, считать ли утопию законченным, идеальным и статичным проектом или, напротив, – динамичным и подвижным. Традиционно, утопия представляет собой рационализированное общество в замкнутом пространстве. Это государство, закрытое от внешнего воздействия и таким образом не подвергающееся каким-либо изменениям [Montenot, 2018]. Аргументы в поддержку тезиса о закрытости и статичности утопии можно обнаружить у Э.Я. Баталова, который считал, что последователи утопий в своем целеполагании всеобщего счастья опираются на незыблемые догмы: «Что такое утопия в пределе? – Это совершенный, а потому мертвый мир, которому просто некуда

развиваться» [Баталов, 1989: 270]. Похожая точка зрения обнаруживается и у других авторов. Так, например, А.В. Петрухин и Л.Я. Курочкина утверждают, что «идеал как качественное состояние всегда статичен. Утопия, являясь неким постулатом, – это всегда конечный результат, некая завершенная, логически замкнутая система, развитие в которой не имеет места» [Петрухин, 2009: 252]. И в этом отношении утопия выступает как тот самый химерический антипод гуманизма, тогда как последний понимается как подвижный конструктивный подход, допускающий плюралистические и неидеальные модели дальнейшего развития общества.

Однако можно обнаружить и противоположную точку зрения. Так, например, французский исследователь Ж. Лабрика рассматривает утопизм как живой образ будущего и не признает в нем догматизма. Лабрика указывает на критичность утопического подхода по отношению к существующему обществу, а также – на создание утопистами альтернативных вариантов будущего [Лабрика, 2004:290]. Подобную точку зрения разделяет К.Н. Захарова, которая указывает, что для утопии нашего времени характерен новый взгляд на саму себя, «взгляд множественный, полифоничный, плюралистичный» [Захарова, 2012: 121]. Утопии свойственна открытость и динамичность, подтверждением чему служит прогноз, который еще в 1905 г. озвучил Г. Уэллс: современная утопия не может быть статичной, она должна стать динамичной; из застывшей формулы она должна превратиться в переходную фазу, за которой, непрерывно сменяясь, последуют другие [Уэллс, 1991].

Таким образом, статичное или динамичное понимание утопии приводит к различным моделям конструирования будущего, которое выстраивается в том или ином социальном проекте утопии. То есть, речь идет либо об археологии будущего (в случае понимания утопии как идеального и законченного проекта), когда из картины *прекрасного будущего* берутся образы для несовершенного настоящего. Либо (в случае интерпретации утопии как динамического и многогранного проекта) образ будущего создается на основе критики *плохого настоящего*. Следовательно, будущее может быть рассмотрено как линейно (когда утопия представляет собой его пассивное ожидание), так и вариативно и творимо (в случае, если утопия предполагает принцип его конструирования). В этой связи интерес-

но обратить внимание на сохраняющийся революционный характер утопии, который при этом радикально меняет свой вектор, в зависимости от трактовки исходного понятия.

Будучи критикой относительно существующей реальности, утопии обнаруживаются две модели революционного действия. Первая связана с коренными преобразованиями несовершенного общества настоящего с целью создания лучшего места (и в этом случае *у-топия* – «место, которого нет» – приобретает характеристики *эу-топии* – «благого места»). Вторая модель, напротив, демонстрирует *возвратное движение* (*revolutio* в своем изначальном, астрономическом значении), когда идеальной моделью общества становится некогда утраченная форма социальной организации (идея *потерянного рая*). И, несмотря на то что традиционно подобный подход скорее характерен для *тутопии* [Ковтун, 2004: 180], именно на эту тенденцию постмодернистской утопии указывает французский исследователь Э. Морин: Реальность настоящего отмечена невидимым падением – невидимым, потому что ушло много времени на то, чтобы это осознать – огромного метеорита. Как и в случае с упавшим в конце вторичной эры большим метеоритом, которому приписывают вымирание динозавров, это падение надолго покрыло всю землю облаками. Этот новый метеорит не нацелен на динозавров, чтобы их уничтожить. Его цель – наше будущее: гарантированное развитие, этот «никелевый» прогресс, непрерывное *улучшение*, которое руководило нами и вселяло в нас надежду. Итак, идея детерминированного, механического, фатального, необходимого, чудесного, лучезарного прогресса уничтожена. В этих условиях мы прекрасно понимаем, что существует бурное возвращение в прошлое или прошлые [Morin, 2005: 155]¹.

В этой связи мы сталкиваемся не только с концом будущего, но и концом самой утопии как исторического понятия по причине конца самой истории. Как показывает Ж. Монтено, автор работы «Возможно ли общество без утопической мысли?» (*Une société sans pensée utopique est-elle concevable ?*), пространственная замкнутость утопии по отношению к внешним влияниям приводит к ее замыканию по отношению к истории и становлению. Утопический нарратив, безусловно, в состоянии рассказать о том, как устроено утопическое

¹ Перевод автора. – прим.

общество, но он никогда не предвидит его будущую эволюцию. Следовательно, в своей основе он является внеисторическим продуктом [Montenot, 2018]. Таким образом, если мы сопряжем эту идею с известной мыслью Ф. Фукуямы о конце истории, ввиду достижения человечеством своей высшей точки развития в форме капиталистического общества либеральной демократии (которую некоторые исследователи считают также одной из форм утопии [Bret, Didier, and Dufaux, 2012]), становится понятной точка зрения сторонников конца утопии.

Так, Г. Маркузе в своей работе *Конец утопии* указывает на тот факт, что утопия относится к проектам социальных изменений, которые считаются невозможными по причине незрелости социальной ситуации. Однако, согласно его убеждению, в настоящее время проект социального преобразования может считаться неосуществимым только при условии, что он противоречит определенным научно установленным законам, биологическим законам, физическим законам (например, идея вечной молодости или возвращение к *Золотому веку*) [Маркузе, 2004: 19]. Кроме того, сторонники «конца утопии» делают акцент на современных технологиях как на инструменте, конструирующим будущее. А также, они указывают на невозможность появления утопического сознания (изначально являющимся выражением коренных социальных потребностей [Кярова, 2014]) в рамках современного постмодернистского общества, где «соединение стабильности и статичности общественной жизни с замкнутостью индивидуумов на самих себя, одиночеством и индивидуализмом, агностицизмом, пессимизмом и нигилизмом приводит к отрицанию утопической направленности сознания» [Захарова, 2012: 120], которое тем больше противоречит стабильности и конечности постиндустриального общества, поскольку несет в себе риски установления тоталитарных режимов.

С другой стороны, бывшие политические утопии – проекты поиска лучшей формы правления и политической организации – сами перестают быть утопическими в современном понимании этого слова. Как подмечает К. Сайяр: на протяжении всей истории были созданы тысячи утопических общин. Их целью было организовать лучший образ жизни, который в конечном итоге станет образцом для остального общества. Здесь важно подчеркнуть тот факт, что не

все воплощения утопических теорий в жизнь были неудачными, – утопия жила не только в книгах [Sayar, 2013]. Кроме того, другая исследовательница утопии Йона Фридман, говоря о генезисе утопии, разделяет его на три элемента: коллективное недовольство, обнаруживаемое средство, способное положить конец этому недовольству, и коллективное согласие. Согласно Фридман, коллективная неудовлетворенность обычно приходит после открытия средства, которое может положить конец этой неудовлетворенности: мы не удовлетворены, потому что знаем, что могли бы иметь что-то другое вместо того, что имеем. Следовательно, утопия, когда она рождается (то есть когда выполняются указанные выше условия), необходимо прагматична, даже сверх того – в этом случае она является единственным прагматическим решением. Иначе говоря, единственным решением, которое не является «утопическим» [Friedman, 2015]. И, таким образом, мы вновь видим, как деутопизированная утопия возвращается к конструированию будущего, в очередной раз сопрягая его с критикой настоящего.

В заключении хочется обратиться к Жаклин Русс, которая добавляет к определению Аристотелем человека как «политического животного» то, что он также является и «утопическим животным» [Russ, 1988]. Согласно позиции Русс, необходимо прекратить апологию реальности, как единственно возможного источника рациональности, поскольку «человеку нужна утопия как ему нужен кислород» [Russ, 1988]. И утопическое мышление должно иметь свое место в жизнеутверждающих соображениях, потому что утопия не так уж утопична.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баталов, Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 320 с.

Желтикова, И.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология / И.В. Желтикова, Д.В. Гусев. Орел: Издательство ОГУ, 2011. 172 с.

Захарова, К.Н. Социальная утопия современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия *Социальные науки*. 2012. №2 (26). С. 119–124.

Ковтун, Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. 2004. Т. 307. №5. С. 179–183.

Кярова, М.А. Функциональность утопии как феномена социальной жизни // Научный интернет-журнал «Мир Науки». 2014. выпуск 2.

Лабрика, Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 268–293.

Маркузе, Г. Конец утопии // ЛОГОС. 2004. №6(45). С. 18–23.

Петрухин, А.В. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции / А.В. Петрухин, Л.Я. Курочкина // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т5. № 11. С. 251–254.

Уэллс, Г. Современная утопия // Завтра: Фан-таст. альманах. М.: Текст. 1991. Вып. I. С. 120–130.

Bret, B., Didier, S., Dufaux, F. Utopias as a tentative horizon for spatial justice. 2012. [Электронный ресурс]. URL: Available at <http://www.jssj.org/wp-content/uploads/2013/09/JSSJ5-1-en1.pdf> (Дата обращения 18 авг. 2022)

Friedman, Y. *Utopies réalisables*, Les Coiffards, Editions de l'éclat, 2015, 240 p.

Montenot, J. Une société sans pensée utopique est-elle concevable? 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.fr/210562456-Une-societe-sans-pensee-utopique-est-elle-concevable.html> (Дата обращения 18 авг. 2022)

Morin, E. Réalisme et utopie, *Diogène*, 2005/1, №209, pp. 154–164.

Russ, J. *Le socialisme utopique français*. Paris: Bordas, 1988, 217 p.

Sayar, K. *L'utopie est-elle utopique?* Paris: LeS dOiGtS bLeUs, 2013, p. 23.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ УТОПИЯ НАИЗНАНКУ?

А.П. Фоменко

Национальный исследовательский Томский государственный
университет (Томск)

Аннотация. Утопическими принято называть те социальные проекты, которые рисуют позитивный образ будущего, не похожего ни на что предшествующее. Наряду с этим выделяют так называемые ретроспективные утопии, которые видят социальный идеал в давно минувшем прошлом. Однако в самом ли деле ретроспективные утопии являются утопиями? И если да, то одинаковым ли образом они утопичны с теми проектами, которые имеют перспективный характер? Какова диалектика взаимоотношений

прошлого и будущего в контексте утопического? В попытке ответить на эти вопросы автор обращается к концепту мира наизнанку Г. Гегеля и предлагает по аналогии считать утопии, ориентированные в прошлое, утопиями наизнанку. Такая интерпретация утопий, стремящихся исправить перевернутый социальный мир, ставит под сомнение их возможности сделать это и открывает новый пласт философских вопрошаний.

Ключевые слова: будущее, мир наизнанку, прошлое, ретротопия, утопия.

В своей последней книге известный социолог З. Бауман пишет о ретротопии как специфически современном явлении, особой фазе в истории утопии, которая вбирает в себя все ее предыдущие достижения [Бауман, 2019: 21]. Пользуясь терминологией Г. Гегеля, он называет ретротопию результатом двойного отрицания утопии, которая вместо того, чтобы держать курс на преисполненное надежд и еще не существующее будущее, в страхе перед последним разворачивается к нему спиной и устремляет свой взгляд в давно минувшее прошлое. Несмотря на то, что приводимые им многочисленные и злободневные примеры из политической, экономической и культурной практики современных государств выглядят довольно убедительно, они никак не отменяют того факта, что попытки найти социальный рай не в грядущем, а в уже прошедшем времени предпринимались и ранее. Например, можно вспомнить о трех веках – богов, героев и людей – в трактате Дж. Вико, о добром дикаре Ж.-Ж. Руссо или о широко распространенных и персонифицированных мифологемах о золотом веке, присутствующих в верованиях разных народов. Можно, конечно, предположить, что в соответствии с законами гегелевской диалектики, количество однажды переходит в качество, но все же представляется, что идеализация прошлого наравне с идеализацией будущего почти всегда была составным компонентом утопии. Так, для Ф. Аинсы утопия по определению дуалистична, так что человек разрывается между двумя утопиями, развернутыми и в прошлое, и в будущее [Аинса, 1999: 41].

Вместе с тем, нельзя не разделять настороженность З. Баумана, наблюдая за тем, как социум в целом или те или иные группы в частности пытаются найти ответы и решения для все большего количества вопросов и проблем сегодняшнего дня в образцах общественной практики прошлого и позапрошлого столетий. Даже если эпоха

ностальгии не является новой эпохой, а ретроутопии имели место и раньше, это отнюдь не значит, что утопии, идеализирующие былое, не требуют отдельного рассмотрения.

Если продолжать проводить аналогии с терминами из гегелевской философии, возможно, более удачным заимствованием по сравнению с принципом двойного отрицания станет концепт мира наизнанку. Под миром наизнанку обычно понимается перевернутый мир, обладающий качествами, противоположными качествам сверхчувственного мира. Немецкий классик объясняет, что «при поверхностном взгляде этот мир наизнанку составляет контраст первому в том смысле, что этот первый мир находится вне его и отталкивается им <...>» [Гегель, 2007: 99]. Отечественный исследователь И.А. Болдырев в своей интерпретации этого концепта приводит ссылку на философию Платона и его представления об идеальном мире «вечных первообразов» и материальном, несовершенном мире воплотившихся на практике идей [Болдырев, 2010: 130]. По сути, утопия всегда выступала своего рода способом обратного переворачивания, исправления перевернутого социального мира, как бы вывернутого наизнанку. Она создавала противобраз несовершенной реальности, где выправляла все ее качества, а затем стремилась претворить этот образ в жизнь.

Если применить обсуждаемый концепт к самой утопии, то можно допустить, что утопия, ориентированная в прошлое, выступает своего рода изнанкой утопии, ориентированной в будущее. Такая утопия наизнанку является постоянной спутницей привычной утопии и составляет ей контраст, но при этом «устанавливает <...> противоположность, которая не есть противоположность» [Гегель, 2007: 97]. Как и в случае с примерами из «Феноменологии духа», где «черное, которое было бы в-себе[-бытие] белого, есть действительно черное; северный полюс, который есть в-себе[-бытие] южного полюса, есть северный полюс, находящийся в том же магните», будущее, которое было бы в-себе-бытие прошедшего, есть точно так же будущее [Гегель, 2007: 99]. Как пишет И.Г. Фихте, «все, что теперь ветхо, когда-то было новым» [Фихте, 1993: 231]. И как утверждает Э. Блох, прошлое наступает только потом [Bloch, 1996: 4]. Отсюда, общая судьба любого будущего состоит в том, что рано или позд-

но оно неизбежно превратится в прошедшее, поэтому обращение утопии к прошедшему есть по существу обращение к будущему будущего – обращение к формально знакомому будущему такого будущего, которое содержательно еще пока неизвестно. Таким образом, будучи неотторжимой от своей «лицевой» стороны, утопия наизнанку и связанный с ней поиск социального благоденствия под историческими сводами минувшего представляют собой вполне ординарный метод выведения неизвестного через известное. Вопрос, однако, заключается в другом.

Если утопия это способ переворачивания, выправления мира наизнанку, сможет ли обладающая противоположными характеристиками утопия наизнанку справиться с этой задачей? И если нет, то существует ли аналогичным образом какой-то способ переворачивания перевернутой утопии? И если он существует, то в чем он состоит? В контексте заметного всплеска исследовательского интереса к явлениям неотрадиционализма, непрекращающихся дебатов вокруг традиционных ценностей и других «ностальгических» социальных реалий поиск ответов на перечисленные вопросы представляется немаловажным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аинса, Ф.** Реконструкция утопии. М.: Наследие, 1999. 207 с.
- Бауман, З.** Ретроутопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Болдырев, И.А.** «Мир наизнанку»: две формы существования // Культура и форма: к 60-летию А.Л. Доброхотова: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Болдырева. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 129-151.
- Гегель, Г.В.Ф.** Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
- Фихте, И.Г.** Сочинения: в 2 томах. Т. II. СПб.: Мифрил, 1993. 798 с.
- Bloch, E.** The Principle of Hope. Vol.1. Cambridge, Massachusetts, 1996. 448 p.

ЦЕРКОВНО-СВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ (УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ С. БУЛГАКОВА)

А.В. Тонковидова

Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма (Краснодар)

Аннотация. В философии С. Булгакова мы можем определить складывание концепта церковно-светской социальности, состояния Богочеловечества, в основании которого лежит идея соборного единства, идея единства во множестве. Черты утопизма данного социального проекта определял еще Вл. Соловьев, отмечая всю сложность его актуализации в социальной реальности. Во многом утопический проект церковно-светской социальности предполагает преодоление односторонности церковной социальности и светской социальности. При складывании церковно-светской социальности произойдет преодоление религии, как искусственной связки между человеком и Богом, возникнет их органическое единство. Символом церковно-светской социальности выступает «подвижничество» как идеальный образец социального поведения личности, реализующей соборные принципы в смирении, максимализме требований по отношению к себе, в активной социальной позиции. Эталон переустройства общества существует в настоящем, в царстве Божественном.

Ключевые слова: С. Булгаков, утопический проект, церковно-светская социальность, подвижничество, соборность.

В центре рассмотрения мыслителя С. Булгакова находится вопрос возможности реализации в исторической действительности идеального общественного устройства, в основании которого лежит идея соборного единства. Соборность определяется им в качестве онтологического основания социальной реальности. В пределах, как исторически оформившихся моделей общественного устройства, так и существующих в современной философии исторической ситуации нет определяемой им должной формы общественного устройства, или церковно-светской социальности, в которой соединятся в гармоническом взаимодействии личность, общество, церковь, государство, Бог [Дуплинская, Фриауф, 2022: 4-8; Орлов, 2022: 34-39].

В связи с этим мы можем отнести данный проект складывания церковно-светской социальности, общественного переустройства

к утопическим проектам. Примечательно, что описание, определяемой нами в работах С. Булгакова церковно-светской социальности можно проследить в текстах Вл. Соловьева, который, отмечает противоречивость и сложность нахождения путей, методов ее воплощения в исторической действительности современного общества

Носящий черты утопизма проект церковно-светской социальности предполагает диалектическое преодоление ограниченности церковной социальности и светской социальности. Во многом утопический проект церковно-светской социальности предполагает преодоление односторонности церковной социальности и светской социальности. При складывании церковно-светской социальности произойдет преодоление религии, как искусственной связки между человеком и Богом, возникнет их органическое единство.

Для описания церковно-светской социальности С. Булгаков применяет символ «подвижничество». Соборность как основание социальной действительности, актуализуется в деятельности, и, исходя из текстов философа, именно религиозные основания присутствуют в каждом типе социальности, от церковной, до светской [Булгаков, 2017: 96].

В одной исторической действительности мы можем наблюдать актуализацию соборности в церковной социальности и в светской социальности [Булгаков, 2017: 166].

В церковной социальности достижение соборности в исторической действительности невозможно. Оно переносится в сферу трансцендентного. Вследствие промежуточного положения личности, устремленной в сферу трансцендентного, возникает снятие вопросов внешнего социального неравенства [Булгаков, 2008: 276, 277, 331].

В светской социальности, по С.Н. Булгакову, снижается возможность реализации соборности, лежащей в основании идеального общественного устройства, в связи с уменьшением значимости личности и увеличением роли общественного максимализма. Противоположной формой соборности в данном случае, по мнению мыслителя, становится «стадность» [Булгаков, 2011: 92]. Личность утрачивает способность к свободному действию [Булгаков, 2011: 284]. Уходит возможность согласованности в исторической перспективе

создания совершенного общественного устройства. Трансцендентные основания деятельности отрицаются в светском типе социального устройства. Возникает имманентное понимание морали и нравственности.

В утопическом проекте церковно-светской социальности создается соборная личность в рамках подвижнической деятельности, направленной на самореализацию личности [Булгаков, 2011: 312].

Соборность в церковно-светской социальности представляется С. Булгаковым как модель для становления личности, идеальный образец общественного устройства. Мы можем проследить «религиозно-культурные» основания церковно-светской социальности [Булгаков, 2011: 310].

Личность рассматривается не изолированно, а в целом с соборным народом, реализующим подвижничество. При этом избранность отрицается [Булгаков, 2011: 301, 305].

В утопическом проекте С. Булгакова отмечается такое свойство соборности как иерархичность. Национальность, народ, класс, государство выступают ступенями на пути к соборному единству в церковно-светской социальности [Булгаков, 2011: 330].

Булгаков отмечает значимую роль народности, «национального чувства» в установлении государственности и хозяйственных отношений [Булгаков, 2011: 322]. В концепции церковно-светской социальности С. Булгакова прослеживается «персонификация национальностей» [Булгаков, 2011: 323, 327], а народность рассматривается им в качестве идеальной ценности [Булгаков, 2011: 332]. Домом для народности выступает государство [Булгаков, 2011: 338], в котором центральным звеном является национальный эгоизм, ограниченный национальным аскетизмом [Булгаков, 2011: 339]. Душа национальности – язык и вера народа [Булгаков, 2011: 341]. С. Булгаков находит основу возникновения церковно-светской социальности и возможности реализации ее в исторической действительности в присущей имманентно миру софийности, где будет возможна реализация идеи братства народов, а не безнародных, атомизированных граждан, утративших значение родины [Булгаков, 2011: 311]. Шкала ценностей имеет в своем основании трансцендентную основу, возникает ситуация соборного единства общества.

В определяемом нами во многом, как утопический, проекте церковно-светской социальности С. Булгакова мы наблюдаем расширение соборных оснований общественности, расширение религиозности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Булгаков, С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.

Булгаков, С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 672 с.

Булгаков, С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008. 784 с.

Дуплинская, Ю. М. Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли / Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 4-8.

Орлов, М. О. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ / М. О. Орлов, Т. В. Черевичко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 34-39.

РАЗДЕЛ V. УТОПИИ В ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ

ЭКОТУРИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРИЧИНЫ ЕГО КРАХА

Д.А. Рубан

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Экологические идеи получили широкое распространение, одним из следствий чего стала востребованность экологического туризма (экотуризма). Массовую реализацию соответствующих проектов в мире предлагается рассматривать в качестве глобального утопического эксперимента. Утопичность экотуризма предопределяют как трудность его реализации, так и его избыточная идеализация, при которой игнорируется целый ряд серьезных противоречий. В частности, эта деятельность результируется в еще большем воздействии на окружающую среду, разнообразных социально-экономических противоречиях, а также недопустимой радикализации общества. Все это вместе с ценностным конфликтом и поколенческим характером интереса к экотуризму предопределяет крах вышеотмеченного эксперимента. Однако рациональное отношение снижает степень утопичности экотуризма, делая его полезным элементом (как минимум, верным этическим ориентиром) в современной туристической деятельности.

Ключевые слова: активизм, идеализация, социально-экономические противоречия, утопический эксперимент, экологический туризм.

Утопические воззрения могут обретать форму вполне конкретных проектов, которые кажутся осуществимыми «здесь и сейчас». В истории известно немало попыток их осуществления, когда утопические проекты превращались в утопические эксперименты. К их

числу относятся как широко известные попытки реализации крайне идеализированных моделей [Шатула, 2010], так и менее радикальные утопические эксперименты наподобие массового создания сельских городов на Сицилии в первой половине XX века [Caniglia, 2020]. И те, и другие являются по своей сути большей частью социально-экономическими. Происходившие в последние десятилетия сдвиги в общественном сознании выдвинули на первое место экологические идеи, которые конкретизируются в виде представлений об экологизации как императиве современного развития. В этой связи закономерный интерес ученых вызывают экологические утопии. В частности, их рассматривали в своих статьях А.Ю. Гусева [2012], Т. Даум [Daum, 2021], С. Ингебригтсен и О. Якобсен [Ingebrigtsen, Jakobsen, 2012], Р. Липшутц [Lipschutz, 2018], Э. МакКатчен [McCutcheon, 2015]. При этом сферой, где утопические проекты весьма активно становятся экспериментами, является туризм.

Экологический туризм (экотуризм) представляет собой вид туристической деятельности, направленной на использование природных ресурсов в целях просвещения и устойчивого развития. Первое предполагает повышение экологической грамотности в плане корректного понимания устройства окружающей среды и ее подверженности влиянию человека. Второе означает экологический активизм за счет совмещения туризма с участием в экологических мероприятиях и развитие экологического поведения, т.е. отработку навыков ответственного отношения к окружающей среде и восприятия соответствующих ценностей. Экотуризм следует отличать от природного туризма (основные цели – получение позитивных эмоций и формирование впечатлений) и природной рекреации (основные цели – отдых и оздоровление), хотя пересечение этих видов деятельности очевидно.

Экотуристические идеи получили не только широкое распространение, но и востребованность (в последнем случае речь идет скорее о востребованности самой идеи, чем ее реализации). Соответствующие проекты реализуются или планируются в большом количестве по всему миру. При этом экотуризм видится одним из инструментов достижения гармонии человека с природой. Однако попытки реализации экотуристических проектов, как минимум, на-

поминают утопические эксперименты, а, скорее всего, и являются таковыми. Безусловно, это утверждение может вызвать недоумение с учетом того, как много говорится в настоящее время об экотуризме и его пользе, а также какие усилия тратятся на соответствующую деятельность. Однако в действительности многие успешно реализованные и отнюдь не утопические проекты оказываются вовсе не экотуристическими, а относящимися к области природного туризма и рекреации. Их рассмотрение лежит вне фокуса настоящей работы, посвященной экотуризму в узком смысле. Также добавим, что активные попытки развития экотуризма в мире можно трактовать как один глобальный эксперимент, постановкой которого занята современная цивилизация.

Для того чтобы понять утопическую природу экотуризма, важно обратить внимание на значительные трудности с его реализацией. Они диктуются, с одной стороны, ограниченностью спроса, которую довольно трудно преодолеть, а, с другой, – существенным дефицитом весьма специфических знаний, умений и навыков, требующихся для эффективного осуществления соответствующей деятельности. Однако еще более значимой видится избыточная идеализация экотуризма, которая предполагает недостижимую гармонизацию человека и природы. Почему она недостижима? Во-первых, сам экотуризм предполагает антропогенную модификацию природной среды, увеличение нагрузки на нее, изменение ее культурных атрибутов. Во-вторых, он имеет негативные социально-экономические следствия, в частности, нарушая развитие местных сообществ и способствуя их деградации за счет интенсификации культурного обмена. Подробнее соответствующие вопросы рассмотрены в монографии Д. Брокингтона и др. [Brockington et al., 2008]. В-третьих, экотуризм, поощряя эоактивизм, способствует недопустимой радикализации общественных настроений, которая постепенно выходит за пределы собственно экологических отношений. Вполне очевидно, что такого рода явления противоречат самой идее гармонизации. Игнорирование этих обстоятельств, что и составляет вышеотмеченную избыточную идеализацию, направляет экотуристический эксперимент по опасному пути, который не только не способствует гармонизации человека и природы, но и еще больше усиливает существующий

дисбаланс между ними. Построение утопии оборачивается против нее.

Отмеченные трудности и противоречия, которые обращают внимание на изначальную утопичность экотуризма, вполне логично рассматривать также и в качестве причин краха соответствующего эксперимента. При этом перечень причин этим не исчерпывается. Стоит указать также ценностный конфликт, который стимулируется экотуризмом. Дело в том, что последний по своей природе активно способствует развитию идей локализации и минимализма в обществе, которые при всей своей привлекательности противоречат задачам и ценностям социально-экономического прогресса. Например, минимализм, ориентация на естественность снижают потребительский спрос, что крайне неблагоприятным образом сказывается на экономике, особенно во время кризисов, затрудняя борьбу государства с их последствиями. Кроме того, интерес к экотуризму носит явно выраженный поколенческий характер, что, делая этот интерес волнообразным, ограничивает реализуемость соответствующих проектов во времени. Крах рассматриваемого глобального эксперимента имеет двоякое выражение. Одна часть экотуристических проектов вырождается в проекты природного туризма, а другая – деградирует.

Означает ли сказанное выше отсутствие необходимости в экотуризме? Ответ на этот вопрос должен быть однозначно отрицательным. Во-первых, экотуризм задает корректный и исключительно актуальный для общества этический ориентир. Во-вторых, экотуризм вполне может быть успешно использован как один из элементов в туристической деятельности. И первое, и второе требуют рационального отношения к экотуризму, его избавления от избыточной идеализации. Иными словами, заложенная в экотуризме утопичность должна уступить место здравому смыслу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гусева, А.Ю. Об актуальности и противоречивости экологических утопий // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2012. № 23. С. 198–219.

Шагула, Т.Г. Превращенные формы социального идеала в практике социальных проектов // Идеи и идеалы. 2010. № 1. С. 76–84.

Brockington, D., Duffy, R., Igoe, J. Nature Unbound. Conservation, Capitalism and the Future of Protected Areas. London: Earthscan, 2008. 249 p.

Caniglia, M.R. Small rural towns in Sicily from the Utopian project to the abandonment // *ArcHistoR*. 2020. V. 13. P. 541–567.

Daum, T. Farm robots: ecological utopia or dystopia? // *Trends in Ecology and Evolution*. 2021. V. 36. P. 774–777.

Ingebrigtsen, S., Jakobsen, O. Utopias and realism in ecological economics - Knowledge, understanding and improvisation // *Ecological Economics*. 2012. V. 84. P. 84–90.

Lipschutz, R.D. Eco-utopia or eco-catastrophe? Re-imagining California as an ecological utopia // *Elementa*. 2018. V. 6. P. 65.

McCutcheon, E. More's utopia, Callenbach's ecotopia, and biosphere // *Moræana*. 2015. V. 52. P. 149–170.

ИДЕЯ «ВЕЛИКОГО ЕДИНСТВА» В УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ Ж. ДЕ МЕСТРА И Ф.И. ТЮТЧЕВА

Н.В. Полякова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

Аннотация. Французского консервативного мыслителя Ж. де Местра и русского поэта, политического публициста Ф.И. Тютчева, несмотря на их принадлежность к разным культурным традициям, объединило стремление возродить и ввести в политическую практику идею «великого единства», сформированную в рамках христианской традиции, а также открытое использование религиозных принципов в качестве необходимых элементов своих утопических проектов. Если де Местр воплотил эту идею в утопическом проекте единой Западной Европы – теократии, выстроенной на основе принципов католицизма в некое подобие конфедерации под эгидой духовной власти и политическим арбитражем папы римского, то Тютчев предпринял попытку воссоздать эту идею в своей политической утопии уже в образе единой Восточной Европы, объединенной на основе православной традиции под властью российского императора.

Ключевые слова: политическая утопия; идея «великого единства»; папская теократия; православная империя; Ж. де Местр, Ф.И. Тютчев.

Французский консервативный мыслитель Ж. де Местр в своем трактате «О папе», написанном за два года до смерти автора – в 1819 г., разработал собственную политическую утопию – проект папской теократии для постреволюционной и постнаполеоновской Европы с целью ее объединения в новых исторических условиях: «европейская монархия не может быть утверждена иначе как посредством религии», а «универсальным монархом может быть только папа» [Maistre, 1884: 146; 155]. Позднее, уже в середине XIX в. русский поэт и политический мыслитель Ф.И. Тютчев, которого «..не раз называли "русским де Местром"» [Лэйн, 1988: 247], создает в своих публицистических работах, а также в незавершенном трактате «Россия и Запад» собственный проект политической утопии – «православной Державы», которую он называл в своих текстах также «Империей Востока», «Восточной Империей» или «православной Империей» [Тютчев, 2011b: 117; 119].

Несмотря на принадлежность к разным культурным традициям, Ж. де Местра и Ф.И. Тютчева объединило общее неприятие нового европейского политико-культурного проекта постреволюционной эпохи, стержнем которого стал принцип индивидуализма в его самых разнообразных проявлениях, а также желание найти ему прочную альтернативу, которую эти консервативные мыслители основывали на двух сходных интеллектуальных установках. Во-первых, на стремлении возродить и вновь ввести в политическую теорию и практику идею «универсального» государства, разрабатывавшуюся в рамках христианской традиции и воплотившуюся, например, в дантовской идее об «универсальной монархии» [См.: Данте, 1999]. Во-вторых, на открытом использовании религиозных принципов в качестве необходимых инструментов для своих политических проектов. Таким образом, оба мыслителя полагали, что противостоять набирающим силу в западной политической мысли и практике индивидуалистическим тенденциям возможно лишь путём создания некоего единого политического сообщества, в основу которого будут положены общая духовная традиция и религиозный принцип. Если де Местр стремился воплотить эту идею в образе единой Западной Европы, где отдельные государства будут объединены на основе принципов католицизма в некое подобие конфедерации под

эгидой духовной власти пап, то Тютчев предпринял попытку воссоздать эту идею, но теперь уже в образе Восточной Европы на основе православной традиции и под властью российского императора. «Для органического строя всей этой области православного Востока, или, лучше сказать, всей Восточной Европы, пора бы наконец понять, хоть *нам* по крайней мере, что тут нет места *отдельным державам*, как в Западной Европе, – что для всех этих земель и племен нет и быть не может законной Верховной Власти вне России, вне русского единодержавия, и что всякая попытка созидать там какие бы то ни было организации, отрешенные от нас, от органической солидарности с нами, – никогда ни к чему не поведут, т.е. ни к чему прочному», – писал Тютчев одному из сотрудников «Московских ведомостей» А.И.Георгиевскому в феврале 1866г. [Тютчев, 1988b: 398].

Хотя в конечном итоге оба эти политические «здания» – и мостовской папской теократии, и тютчевской православной Империи – оказались выстроенными на достаточно зыбкой почве утилитаризма, будучи призванными сохранить и защитить универсальные принципы общественной структуры от слабостей человеческого «я». Но подвергшись оценке в свете критерия «полезности», эти принципы сами оказались беззащитными перед натиском идеологии индивидуализма, что превратило результаты творчества Ж. де Местра и Ф.И. Тютчева в данной области в политическую утопию.

Вместе с тем следует отметить, что всякая политическая утопия содержит в себе свой объективный смысл, опережающий временные и культурные рамки ее создания. Так, например, Ф.И. Тютчев в контексте своей политической мифологемы, возможно, первым из политических мыслителей ввёл в обращение такое геополитическое понятие как «Восточная Европа». Уже в первой своей политической статье «Россия и Германия» (1844) он писал о том, что существует «целый особый мир», мир «единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своею собственной органическою, самобытною жизнью» – мир Восточной Европы, где «Россия во все времена служила душою и двигательною силою и была призвана придать ему своё имя, в награду исторического бытия, этим светом от неё полученного или ожидаемого» [Тютчев, 2011a: 42]. И в своих письмах, и в публицистических работах русский мыслитель выражал искрен-

нее недоумение по поводу непростительно недальновидной западноевропейской политики, исходившей из ложного убеждения, что европейский Запад – это вся Европа, и не желавшей признавать, что вне его существует «другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского Запада...» [Там же: 43]. В этих условиях Тютчев считал необходимым «...самым решительным образом предъявить Западной Европе, что есть и Восточная» [Тютчев, 1988а: 341] как объективная геополитическая реальность и утверждал, что политическим лозунгом для российской внешней политики должен быть избран лозунг «Возрождение Восточной Европы» под эгидой России в качестве её духовного и политического лидера [Тютчев, 1988с: 425].

БИБЛИОГРАФИЯ:

Данте Алигьери. Монархия / Данте Алигьери. М.: «Кучково поле», 1999. 129 с.

Лэйн, Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х - начала 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1988. Кн.1. С. 231-252.

Тютчев, Ф. И. Письмо И.С. Аксакову, 22 сентября 1868 г. // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1988а. Кн.1. С. 341-342.

Тютчев, Ф.И. Письмо Георгиевскому А. И., 15 февраля 1866 г. // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1988b. Кн.1. С. 398-399.

Тютчев, Ф.И. Письмо М.Н. Погодину, 30 августа 1868 г. // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1988с. Кн.1. С. 424-425.

Тютчев, Ф.И. Россия и Германия // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011а. С. 35-53.

Тютчев, Ф. И. Россия и Запад // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011b. С. 101-122.

Maistre, J.de. Du Pape // Maistre J. de. Oeuvres Complètes. Т. 1-14. Lyon, éd. Vitte, 1884-1886. Vol. II. 565 p.

ОЧЕРК ГАЯЗА ИСХАКИ «ИДЕЛЬ-УРАЛ» КАК ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Р. Л. Исхаков

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Аннотация. Очерк «Идель-Урал», написанный на татарском языке в 1933 году, стал политико-публицистическим манифестом татарской государственности. Публицистический манифест Гаяза Исхаки «Идель-Урал», заново прочитанный, рассматривается автором как амбивалентная дихотомия – явление и заявка. Сам очерк рассматривается как триединый феномен – как феномен утопизма, как феномен публицистики, как феномен восточного менталитета, воплощенного в литературно-публицистическом жанре саясат-наме.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, Идель-Урал, манифест, явление и заявка, публицистика, утопия, восточный нарратив.

В отечественной истории регулярно появлялись тексты-манифесты. Очерк «Идель-Урал» известного татарского писателя и публициста Гаяза Исхаки (1879–1954) один из ранних тому примеров. Говорить о манифестах как о константах призывает доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге М. Соколов: «Они появлялись, и будут появляться регулярно» [Колкунова]. Публицистические манифесты «Не могу поступаться принципами» Нины Андреевой [Андреева, 1988], «Как нам обустроить Россию» А.И. Солженицына [Солженицын, 1990], «Право и Правда. Манифест просвещенного консерватизма» Н.С. Михалкова [Михалков] это подтверждают.

Актуальность нашего обращения к очерку «Идель-Урал» подчеркивается еще и тем, что наступающий 2023 год будет ознаменован двумя юбилеями, касающимися Гаяза Исхаки: писателю исполнится 145 лет, а также исполнится 90 лет со дня выхода его очерка в свет.

Очерк, написанный на татарском языке в 1933 году, был впервые опубликован в Берлине в том же году, затем в Париже – на русском и французском языках (1933), в Токио – на японском (1934), в Варшаве – на польском (1938), в Лондоне – на русском (1988) языках.

Произведение классика татарской литературы, видного общественного деятеля и публициста, не могло быть напечатано в Совет-

ском Союзе в прежние времена, так как находилось под запретом. Лишь в 1992 году в городе Набережные Челны Республики Татарстан очерк был переиздан отдельной книгой [Исхакий, 1992].

Очерк состоит из девяти глав, поделенных автором на две части. Первая часть содержит пять глав, но по объему меньше, чем вторая – всего 1/5 очерка. Вторая часть состоит из четырех глав – две трети текста. Также в составе очерка наличествуют введение и заключение.

Переиздание очерка в новой России было вызвано объективной необходимостью легитимации возрождающейся новой государственности татарского народа в контексте постсоветского «парада суверенитетов».

Актуален ли сейчас жанр манифеста? «Жанр манифеста сегодня, может быть, актуальнее, чем когда бы то ни было, – заявил декан факультета социологии и политологии МВШСЭН Виктор Вахштайн в интервью для «Русского журнала». – Но это не только политическая актуальность» [Вкус к...]. Действительно, есть что-то, что заставляет самые разные, даже не слышавшие друг о друге группы производителей текстов неожиданно (или, напротив, ожидаемо) производить эти самые тексты в жанре манифеста. Тут, скорее, вопрос именно в самом жанре.

В. Вахштайн отмечает амбивалентную (от лат. *ambo* – оба и *valentia* – сила), дихотомию манифеста. Манифест, во-первых, – это что-то, что манифестируют, то есть делают явленным. Именно явленность чего-то, бывшего ранее скрытым, считает В. Вахштайн, объединяет художественный манифест, политический манифест и манифест научный. С другой стороны, манифест – это заявка.

«Явление» и «заявка» – две очень разных производных от «яви». Соответственно и две задачи манифеста: **проявить** и **заявить**. Если в первом случае констатируется изменение («призрак УЖЕ бродит по Европе», «старое искусство УЖЕ мертво»), то во втором случае мы декларируется требование изменений. Это объединяет манифесты в науке, искусстве и в политике.

Гаяза Исхаки всю первую половину XX века знал, без преувеличения, весь татарский (и не только татарский) мир. Его сравнивают с писателями уровня Льва Толстого [Ахунов]. Максим Горький в пе-

реписке 1914 года предложил ему, как крупному знатоку, написать очерк состояния татарской литературы [Нуруллин, 1988]. (Кстати, данный факт, приведенный в журнале «Вопросы литературы» в конце 1980-х годов, во многом способствовал творческой реабилитации писателя). За прошедший период фонды Национального архива Республики Татарстан пополнились более чем 1000 документами из Турции, Польши, Швеции, Германии, касающимися жизни и творчества Гаяза Исхаки [Национальный архив Республики Татарстан].

Очерк Гаяза Исхаки «Идель-Урал» представляет собой законченное публицистическое произведение.

Для них, по мнению доктора филологических наук, профессора УрГУ Б. Н. Лозовского, основными характерными чертами являются «актуальность и масштабность разрабатываемой темы, эмоциональная насыщенность изложения, тенденциозность и пристрастность автора, полемичность, литературное мастерство» [Лозовский, 2004: 215]. Публицистический манифест – не изменение существующего положения дел.

Это изменение самого сообщества, которое произвело манифест. То есть, на первый план здесь выходит не изменение окружающего мира, а изменение самого коллективного автора, его переопределение. Манифест – это разрыв с особым «собой». Манифест трансформирует субъективность авторов, т.е. их субъективность перестает быть узко индивидуальной или коллективной, она становится, с одной стороны, доступной для присвоения другими и, с другой, способной присваивать других.

Касательно очерка «Идель-Урал» имеет смысл применить термин «политическая публицистика». Общепринято такое понимание публицистики: род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества [Большой энциклопедический словарь]. Публицистика – это «остропроблемное обращение к общественности, к людям в целях убеждения, разъяснения, полемики, агитации, пропаганды» [Скуленко, 1986].

Все эти качества усилились в очерке Гаяза Исхаки благодаря самоотверженному участию самого автора в идеологических и политических битвах.

Гаяз Исхаки на 1-м Всероссийской мусульманском съезде в Москве (1917. май) выдвинул идею национально-культурной ав-

тономии для тюрко-татар Поволжья и Приуралья – создание Урало-Волжского Штата (Идел-Урал Штаты), которая была поддержана на 2-м Всероссийском мусульманском съезде в Казани (1917, июль-август) и Миллэт Меджлисе в Уфе (1917-1918).

Преследуемый большевиками, он в составе мирной делегации «Штата Идель-Урал» уехал в 1919 году на Парижскую (Версальскую) мирную конференцию. Так и не вернувшись на родину, с 1939 года до конца своей жизни оставался в Турции. В 1933-1936 годах он совершает поездку по странам Дальнего Востока, проводит разнообразную работу по объединению тюрко-татар, живших в Китае, Маньчжурии, Японии, Корее и созыву мукденского конгресса, на котором был образован «Национально-религиозный комитет Идель-Урал тюрко-татарских мусульман Дальнего Востока».

Публицистическому методу Гаяза Исхаки присущи также такие свойства, как: политический подход к осмыслению действительности, документализм, аналитичность. Как правило, публицистическое произведение – авторское, но автор явно или имплицитно выражает мнение социальной группы. Гаяз Исхаки в своих произведениях явно выражает интересы татарского народа. Так, в очерке «Идель-Урал» он артикулирует от имени всего татарского народа, преподнося ему же неявленную доселе идею создания собственного государства.

Манифест по самой своей природе связан с утопическим воображением. Обращение Исхаки к утопическому жанру неслучайно. Еще в 1902 году он написал в редком для восточной словесности жанре антиутопию «Ике йоз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через 200 лет»). В ней он описывает на примере «последнего из могокан» татарского писателя Джагофара исчезновение татар как нации¹.

Джагофар в газетах читает сообщение, что в Оренбурге при смерти находится последний татарин. Джагофар, бросив все, мчится туда, но не застаёт его в живых. В конце концов, в живых остаются

¹ Исхаки идентифицирует татар с булгарами – тюркским племенем, населявшим с IV века степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа и мигрировавшие во 2-й половине VII века частично в Подунавье, а позднее – в Среднее Поволжье и ряд других регионов. Булгары участвовали в этногенезе таких современных народов, как балкарцы, башкиры, болгары, гагаузы, карачаевцы, македонцы, татары, ногайцы и чувашы.

сам Джагофар и его беременная жена Сююмбика. Его жена умерла во время родов, а сын, которого они хотели назвать Тохтамышем, родился мертвым. Вне себя от горя Джагофар едет в Булгар поклониться праху предков. В то время, когда он поднимается на один из минаретов, башня рушится – Джагофар погибает под ее обломками. Так заканчивается история татар...

Однако его очерк «Идель-Урал» отнюдь не является классической утопией (др.-греч. *τοπος* – «место», *ου-τοπος* – «не место», «место, которого нет»), ибо у его утопии есть и конкретный адрес, и реальное население Поволжья. От классической утопии его произведение отличает лишь тот факт, что все действия главного героя произведения «привязаны» к реальным местностям – Булгар, Казань, Оренбург, Петербург. Все остальное – вымысел сознания.

Но, как и сочинения Мора и Кампанеллы, очерк «Идель-Урал» несет в себе оттенки утопического произведения. Гаяз Исхаки создает идеальное с его точки зрения «государство Идель-Урал».

Очерк «Идель-Урал», в то же время, не пример прямого манифестарного политического высказывания. Скорее, это нарратив восточной литературы. Отличительной особенностью восточной литературы является то, что все значительные произведения рождены на народной почве, в любом из них присутствуют картины общественного бытия. Надо иметь в виду то, что эти особенности связаны с восточным менталитетом Гаяза Исхаки.

Очерк «Идель-Урал» написан в прямой хроникальной последовательности, автор выстраивал повествование согласно историческому ходу событий, описываемых в произведении. Уже в оглавлении просматриваются основные вехи повествования: тюркские народы (болгары, хазары, кипчаки); Золотая Орда; революция 1905 года; мировая война; большевики. Создается впечатление, что Гаяз Исхаки задумывал очень простое, линейное, исторически верное произведение, а к его концу «допустил» утопическую фантазию, которую так и не воплотил в жизнь. Но надеялся: «Национальностям, стремящимся к своему освобождению, предстоит еще тяжелая и длительная борьба за свою независимость. <...> Если великая французская революция принесла национальное освобождение народам запада Европы, то российская революция принесет освобождение народам востока Европы» [Исхаки].

Манифест – это всегда производство ценностных суждений. В истории этнополитических коммуникаций использовался и используется двойной ряд апелляций [Исхаков, 2007: 64]. Мы выявили содержание этих апелляций и условно назвали: а) тотемный б) мифический с) мифичный; d) мифологический; е) героический; f) апологетический; g) мифотворческий; h) повествовательный; i) информационный [Исхаков, 2009: 79-86].

Ниже приведено наше понимание типов апелляций.

а) *тотемный*, основанный на традициях и древних стереотипах человека. В современном мире формой репрезентации апелляции тотемного типа является государственный герб.

б) *мифический*, обычно мифическое связано с глобальными событиями: творцы культуры, боги, герои бытуют в сказаниях, легендах.

с) *мифичный*, вымышленный, выдуманный, недостоверный. Данный тип апелляций появляется на сопряжении иррациональных и рациональных форм отражения реальной действительности.

d) *мифологический*, в данном случае апелляции выстраиваются как совокупность мифов. Миф выступает как некий образец, модель для всякого важного действия, совершаемого человеком. Другими словами, миф служит для ритуализации повседневности, давая возможность человеку обрести смысл в жизни.

е) *героический*, мифология существовала на определенных этапах развития у всех народов мира. В современном мире люди испытывают потребность в создании новой национальной мифологии.

f) *апологетический*, защита, оправдание и обоснование или восхваление какого-либо лица, учения, идеи.

g) *мифотворческий*, к этому типу можно отнести апелляции, порожденные исключительно творческой деятельностью человека.

h) *повествовательный*, данные апелляции лучше всего репрезентует художественный текст.

i) *информационный*, на передний план выходит общественное мнение, масса людей со своей национальной психологией.

Проанализировав очерк-манифест, мы утверждаем, что в целом для творчества писателя Гаяза Исхаки характерен рациональный тип творчества, апелляции подобного рода составляют 43,5%. Традиционные (основанные на неписанных законах традиций, обычаев,

культуры) апелляции используются в 14,3% текстах, харизматическая (эмоционально-волевая) апелляция содержится в 6,5% текстов [Исхаков, 2009: 64].

Манифест – это метакоммуникация, высказывание о высказываниях, это не высказывание в логике существующей системы производства смыслов. Если попытаться эксплицировать логику манифеста как жанра высказывания, то это логика парадокса. И потому манифест, как нечто разрывающее логику существующей очевидности, чтобы манифестировать какой-то иной способ видения, всегда утопически парадоксален. В. Вахштайн считает, что «...манифестарный способ высказывания создает новый тип асимметрии между “должным” и “сущим” (разумеется, в пользу “должного”)» [Вкус к...].

Идея Исхаки о государстве «Идель-Урал» не вписывалась в практики послеоктябрьского государственного строительства в России. 15 ноября 1917 года Башкирское областное (центральное) шуру (совет) объявило башкирскую территорию автономной частью Российской республики. В ответ 19 мая 1920 года ВЦИК и СНК РСФСР, реализуя обещанную декларацию, приняли постановление «О государственном устройстве Автономной Башкирской советской республики» (АБСР), 27 мая 1920 года была образована Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР).

Национальный вопрос, в том виде, в каком он исторически достался, казалось, был решен, хотя и обсуждались проекты Урало-Волжского Штата, Татаро-Башкирской республики, Татарской республики. Идея государства «Идель-Урал» явно противостояла процессу советского национально-государственного строительства. Поэтому его судьба, как и забвение очерка Гаяза Исхаки «Идель-Урал» на долгие годы были предопределены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреева, Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988, 13 марта, с. 2.

Ахунов, А. Гаяз Исхаки «Кто он? Кто он, кто нашу нацию взрастил?». [Электронный ресурс] URL http://www.turklib.uz/?category=articles&altname=hayaz_ishaki_kto_on_kto_on_kto_nashu_naciyu_vzrastil

Большой Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=51636&sl=enc>

Исхаки, Г. «Идель-Урал». [Электронный ресурс] URL: <http://protatar.narod.ru/Kitaplar/IdelUral.html>

Исхаков, Р. Л. Эволюция тюркской печати в XX веке: от этничности к постэтнической идентификации (филологический анализ). Дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург. 2009. С. 64

Исхаков, Р. Л. Пресса и государственность: к вопросу о роли СМИ в легализации и легитимации государственности // Известия УрГУ. Серия 3. «Общественные науки». 2007, № 48. С. 79-86.

Исхакий, Г. Идел-Урал. – Яр Чаллы: «КАМАЗ» газета-китап нэшрияте. 1992. 48 б. (на татар. яз.)

Вкус к жанру манифеста // Русский журнал. [Электронный документ] URL <http://www.russ.ru/pole/Vkus-k-zhanru-manifesta>

Лозовский, Б. Н. Журналистика: краткий словарь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2004.

Михалков, Н. Право и Правда. Манифест просвещенного Консерватизма. Москва, ММХ.

Национальный архив Республики Татарстан : [Электронный ресурс]. URL http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/91vistavki/78ishaki.

Нуруллин, И. Два письма Горького // Вопросы литературы. 1988. № 4.

Скуленко, М. И. Убеждающее воздействие публицистики (основы теории). Киев, 1986 : [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/archives/2012>.

Солженицын, А. Как нам обустроить Россию. Специальный выпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18 сентября 1990 г.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЕСПАНЬОЛИДАД»: ОТ УТОПИЧЕСКОГО ПРОЕКТА К ИСПАНСКОЙ ДОКТРИНЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

А.Д. Тумин

Донской педагогический колледж (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Статья посвящена анализу этапов формирования испанской доктрины «Еспаньолидад», сыгравшей ключевую роль в формировании гражданской национальной коллективной идентичности. «Еспаньолидад» – пробирный камень испанской государственности, начиная с

эпохи Католических королей и вплоть до периода испанского «перехода к демократии». Доктрина «Еспаньолидад» возникла как продукт пессимистических, в сущности утопических, взглядов испанских мыслителей. Принятие данной доктрины для них являлось первым этапом создания будущей испанской всемирной католической империи. После победы Ф. Франко в гражданской войне теократическая «Еспаньолидад» была превращена в национал-католицизм. Демократические преобразования конца XX века вместе с реставрацией монархии сделали возможным возвращение к «Еспаньолидад», но уже как к доктрине Испанского Национального Единства. Основным идейным фактором такой трактовки «Еспаньолидад» стал «конституционный патриотизм», ставящий во главу угла этнорегиональную солидарность, нежели конфликт. Именно это позволяет инкорпорировать «Еспаньолидад» в общеевропейскую суперидентичность.

Ключевые слова: «Еспаньолидад», «Испанидад», «Национал-католицизм», «Кихотизм», «Две Испании».

Статья посвящена исследованию историко-культурного контекста формирования испанской доктрины национального единства «Еспаньолидад» и роли этой концепции для формирования испанской гражданской коллективной идентичности. Возникновение «Еспаньолидад» происходило в рамках интеллектуальных движений Поколений 1898 г. и 1914 г., после поражения Испании в Испано-американской войне 1898 г., что рассматривалось как национальная катастрофа. Целью данных движений являлся поиск причин для решения случившейся национальной катастрофы и поиск путей решения выхода Испании из национального кризиса, говоря словами испанских интеллектуалов — поиска основ для формирования национального хребта, формирования испанской гражданской коллективной идентичности. Представители Поколения 1898 и 1914 гг. пришли к выводу о том, что для этого надо исследовать ее этнокультурную коллективную идентичность. В этот период набирают популярность движения «рэгэнэрасионисмо» и «кастисисмо», ориентированные на исследование региональных этнокультурных особенностей испанских регионов.

Исходя из этого, ключевым вопросом для участников Поколения 1898 г. и Поколения 1914 г. являлся поиск ответа на вопрос: «Когда началось формирование испанской национальной коллективной идентичности». По мнению большинства представителей Поколе-

ния 1898 г. и Поколения 1914 г. – Р. де Маэсту, Х. Ортега-и-Гассет, возникновение испанского государства, и соответственно начала формирования испанской национальной идентичности – Испанской империи, произошло в 1492 г. [Morales Moya, 2006: 899] При этом, испанские средневековые королевства объединились не на основе гражданского национализма, а на основе религиозного единства, еще задолго до возникновения либеральной доктрины «гражданского национализма». Таким образом, представители данных движений подчеркивали ключевое значение религии для испанской этнокультурной идентичности, обосновывая этим теократичность испанского государства. Создатель концепции «Испанидад» Р. де Маэсту подчеркивал, что в основе мировоззрения испанцев лежат христианские религиозные принципы, что выражается в господстве христианской концепции «коллективного спасения», в отличие от протестантской этической доктрины «индивидуального спасения», что в дальнейшем привело, по мнению испанских интеллектуалов, к секуляризации западноевропейских стран. Отсюда лозунг испанских консерваторов – «испанизировать» Европу.

По мнению Мигеля де Унамуно, оригинальность испанского варианта католицизма состоит в том, что его ядром является мистицизм, выражающийся в стремлении к созерцательному познанию божественной реальности в вещах, персонализации Бога в сочетании с доктриной коллективного спасения, эмоциональностью и образностью. Самыми яркими художественными образами, воплощающими религиозный дух испанского народа согласно М. де Унамуно, является образ Дон Кихота, символизирующего Испанского Христа, Санчо Панса – символизирующего народ, а «кихотизм» – национальную религию [Яковлева, 2006: 144].

На основе подобных настроений у представителей Поколения 1898 возникла ностальгия по идеалистической, утопической, католической (вселенской, соборной) испанской всемирной империи XVI в., первой колониальной империи. Исходя из этого, Эрнесто Хименес Кабальеро начал разрабатывать неоимпериалистическую доктрину развития испанского государства. По его мнению, главная «духовная скрепа» испанской нации католицизм объявлялся официальной и единственно допустимой религией. В результате возникла доктрина испанского национального единства – «Еспаньолидад».

В свою очередь Р. де Маэсту в это же время обосновал доктрину «Испанидад» как духовное сообщество Испании и ее бывших колоний испанским языком и католицизмом (общими культурными традициями, историей языка). Таким образом, стратегию секуляризации испанского общества и распространение рационализма, либерализма и демократии Маэсту считал чуждым испаноязычному духу. Э. Хименес Кабальеро и А. Кастро воспринимали секуляризацию как предательство в отношении испанской культуры, обосновывая это использованием концепции Хаиме Лусиано Бальмеса «двух Испаний», основывающейся на идее принципиального противостояния «анти-Испании», сторонниками секуляризации Испании и христианской Испании, столкновение христианской цивилизации с силами Антихриста.

Концепции «Еспаньолидад» и «Испанидад» легли в основу франкистской концепции «национал католицизм». Также теоретики «национал-католицизма» считали, что национальный дух испанцев может раскрыться полностью только в условиях империи. Империя – образ «истинной Испании», который, как верили многие, нужно возродить. Идею Испании как империи, мировой католической империи, образующей религиозное единство человеческого рода.

Франкисты вообще считали, что, если Испания перестанет быть католической, она погибнет как и другие народы, разорвавшие связь с «Небом». Для них «быть испанцем» стало означать «быть католиком».

К концу 1960-х годов католицизм перестал играть свою традиционную роль «духовных скреп» нации, а церковь перестала быть апологетом франкизма.

После испанского «перехода к демократии» испанская теократическая национальная идея «Еспаньолидад» была инкорпорирована в конституционный патриотизм, и данные идеологические конструкции послужили основой для утверждения современного единого испанского «плуринационалидад» – мультинационального государства, что также должно нивелировать испанские, этнические в своей основе, национализмы.

Наследие доктрины «Еспаньолидад» выражается в том, что Испания восстановила монархическую форму правления, что подчерки-

вает культурную преемственность современного «государства автономий» предшествующей истории испанского государства. Испанский король является символом единства испанского государства. Король Испании является гарантом Конституции, ответственен перед народом за ее исполнение, возглавляет исполнительную власть. Хотя, фактически, король Испании имеет церемониальную роль.

Современное испанское государство отделено от церкви, но 43% испанцев продолжают считать католицизм важной составляющей испанской идентичности [Коваль, 2016: 76].

БИБЛИОГРАФИЯ

Абельян, Х.Л. О «специфике» испанской философии // Вопросы философии. 1988. № 6.

Висенс, Х. Записки по истории франкистского режима // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1979.

Коваль, Т.Б. Современная Испания: в лабиринте идентичностей // Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 57-77.

Тертерян, И.А. Человек Мифотворящий. М.: Советский писатель, 1988. 129 с.

Яковлева, Л.Е. Национальные философские традиции Испании и России: опыт компаративистского анализа. М.–Йошкар-Ола, 2006. 236 с.

La historia de la nacion y del nacionalismo espanol / A. Morales Moya, J.P. Fusi Aizpurua, A. de Blas Guerrero (coord.). Barcelona: Galaxia Gutenberg: Circulo de Lectores, 2006. 1536 p.

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА ВЛАСТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГАРФ

Д.В. Плюйко

МАОУ школа № 16 (Долгопрудный)

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать законодательный процесс в России в период конституционного кризиса власти 1993 г. На основе неопубликованных архивных материалов автор выясняет, каким образом политическое противостояние президента и парламента

влияло на характер разработки законов. В статье рассматриваются попытки президента Б.Н. Ельцина и депутатов Верховного Совета выработать согласованные проекты законов, которые должны были создать основу для начала полномасштабных рыночных преобразований в стране. Исследование показало, что законы, принимаемые Верховным Советом, во многом не удовлетворяли целям президента Б.Н. Ельцина и его окружения, так как депутаты пытались создать в России парламентскую республику со всеми вытекающими из этой модели государственного устройства последствиями. Противоборствующие стороны не слышали друг друга и не желали идти на взаимные уступки.

Ключевые слова: Конституционный кризис 1993 г., президент Б.Н. Ельцин, депутаты Верховного Совета РСФСР, законодательный процесс, парламентский контроль.

Как известно процедура принятия законов всегда и в любых странах является сложным процессом переговоров, а иногда и острых политических дискуссий между исполнительной и законодательной ветвями власти. Особенно противоречивой становится процедура принятия законов в период реформ и переходного периода, таким временем в России можно считать начало 1990-х гг., когда шла бескомпромиссная борьба между президентом Б.Н. Ельциным и съездом народных депутатов РСФСР. Каждая из противоборствующих сторон старалась отстоять свою точку зрения на дальнейшее развитие страны.

На наш взгляд важным представляется проведение исследования официальной переписки по поводу принятия законов между президентом России и аппаратом съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. Ключевыми вопросами настоящего исследования являются: 1. выявление позиции основных социальных групп, которые стояли за президентом и парламентом; 2. какие цели преследовали Б.Н. Ельцин и правительство России, соглашаясь с принятием тех или иных законов, какова была реакция депутатов на отклонение президентом законов; 3. по каким главным проблемам развития страны вели полемику депутаты и президент. Также, одним из основных направлений данного исследования будет выявление роли, которую сыграли внесенные президентом поправки в принятые законы. Насколько эти поправки были эффективны для развития различных сфер общественной жизни страны.

Кроме того, необходимо отметить, что в значительной степени в настоящий момент исследователями уже раскрыт вопрос о правовых и политических аспектах обсуждения и принятия российской конституции 1993 года. Однако, недостаточно полно изучена тема обстоятельств и условий выработки законов, регулирующих повседневную жизнь общества в изменившихся социально-экономических реалиях после распада СССР. Надо подчеркнуть, что роль принимаемых съездом народных депутатов и подписываемых президентом законов именно тогда в 1991–1993 гг. и позже после принятия новой конституции особенно важна. Ведь после начала серьезных экономических реформ по переходу к рыночной экономике стране как воздух были нужны нормативно-правовые акты, регулирующие все процессы, связанные с приватизацией и де бюрократизацией государственного управления. Данные законы затрагивали интересы всех социальных слоев общества, и поэтому процесс их обсуждения и принятия являлся особенно острым.

Для решения задач настоящего исследования были привлечены архивные материалы фонда «Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы», которые до настоящего времени полностью не введены в научный оборот.

Президент Б.Н. Ельцин в соответствии с частью 2 статьи 127(5) конституции РСФСР возвращал для повторного рассмотрения принятые парламентом законы. Проведенный источниковедческий анализ позволяет утверждать, что президент довольно часто возвращал Верховному Совету принятые законы на протяжении всего 1993 года, вплоть до сентября, когда в центре Москвы развернулись вооруженные столкновения, решившие исход всей политической дискуссии.

Весь февраль 1993 года президент Б.Н. Ельцин обсуждает с парламентом принятие «Основ лесного законодательства» закона, регулирующего пользование лесным фондом страны в условиях нарождающихся рыночных отношений. По мнению юристов стороны президента, в принятом законе «не нашли своего отражения в основах положения ст. 11 конституции РСФСР, где определены соответствующие формы собственности на природные ресурсы» [ГАРФ.

Ф. 10026. оп. 1. д. 1688. л. 4]. Действительно депутаты в ходе принятия этого закона не посчитали нужным включить упоминание о том, что в стране начали действовать различные формы собственности. Не стоит забывать о том, что в основном депутатский корпус съезда в 1993 году состоял из людей, которые в значительной степени отрицательно воспринимали экономическую политику «шоковой терапии» Е.Т. Гайдара, которая уже тогда набирала свои обороты.

Несогласие президента вызывает статья 4 основ, где, по мнению президента, Верховный Совет вмешивается в компетенцию местных представительных органов и тем самым грубо нарушается статья 132 конституции РСФСР. Президент настаивает на том, что федеральная власть не должна вмешиваться в политику местных властей по развитию лесного фонда и поэтому «разработка и утверждение совместно с Российской Федерацией республиканских (региональных) программ по развитию лесного хозяйства является неуместной» [Российская газета, N 74, 17.04.1993. Ст. 4]. Апелляция юристов президентской стороны о том, что положения статьи 4 закона нарушают статью 132 конституции РСФСР, не имеют под собой реальных оснований.

«Основы лесного законодательства РФ» при всех указанных нами недостатках сыграли свою положительную роль в ходе перехода лесной отрасли к полноценным рыночным отношениям. Сам процесс обсуждения и принятия этого закона говорит о нежелании депутатов Верховного Совета услышать мнение президента.

Другим не менее важным законом, в ходе обсуждения которого разгорелась полемика между президентом и Верховным Советом был закон «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления». Данный закон, принятый Верховным Советом 22 января 1993 года, был возвращен президентом 18 февраля и принят с учетом всех замечаний 15 апреля.

Очевидно, что депутаты, которые разрабатывали закон, думали о том, что легче управлять финансами из столицы, где можно следить

за развитием регионов. Понятно, что регионы развиваются неравномерно, где-то есть природные ресурсы, а где-то больше человеческого капитала и поэтому на основании экономической программы, утвержденной парламентом и правительством можно не допускать серьезного дисбаланса в развитии регионов. По нашему мнению, Верховный Совет, принимая такую концепцию закона, отстаивает позицию жесткого государственного регулирования экономики, тогда как Б.Н. Ельцин считал, что в стране должны сразу внедряться основные элементы рыночной экономики.

Вопрос законодательного процесса в начале 1990-х годов является частью большой темы о взаимоотношениях между Верховным Советом и президентом Б.Н. Ельциным. Существенной частью этой сложной и очень неоднозначной темы является проблема перераспределения полномочий между законодательными и исполнительными органами власти. На этот счет проведено уже много фундаментальных историко-правовых исследований, но нам в связи с изучаемыми архивными материалами необходимо подчеркнуть следующее. 1. Полноценная, взаимная критика законодательной и исполнительной власти способствует выработке эффективных финансовых и политических решений, направленных на выполнение главных государственных задач, которые заключаются в росте благосостояния граждан и всестороннем развитии всех сфер жизни общества. 2. Конечно, такой процесс критики и дискуссии в ходе законодательного процесса не должен превращаться в пустой разговор ни о чем, и в этом плане между президентом Б.Н. Ельциным и депутатами Верховного совета так и не был найден эффективный для государственной системы диалог. 3. Практически ни одно из замечаний президента, которые он направлял парламенту, не было принято к сведению, думается это обстоятельство, было дополнительным негативным фактором, который привел к трагическим событиям 3-4 октября 1993 года в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026. оп. 1. д. 1688. л. 4.
Российская газета, N 74, 17.04.1993. Ст. 4.

ABSTRACTS

CHAPTER I.

THE DIMENSIONS OF UTOPIA IN THE HISTORY OF CULTURE

HERZEN, LENIN AND... THE “PHILOSOPHICAL STEAMER”: ON THE UTOPIAN NATURE OF THE “SOVIET PROJECT”

Gennady V. Drach (Southern Federal University)

The author focuses on the utopian foundations of the “Soviet project”. The analysis is built in a historical and cultural perspective—around the landmark events marked in 2022 by anniversaries: the 210th anniversary of the birth of Alexander Herzen, the founder of Russian utopian socialism; the 100th anniversary of the formation of the USSR and the 100th anniversary of the “philosophical steamer”. In a series of these events of personifying history, according to the author, the vector of its development is traced. It’s based on the utopian idea (the Russian idea) – the reconstruction of society in accordance with certain ideals.

Keywords: Herzen, USSR, Soviet project, Lenin, “philosophical steamer”, Berdyaev, Ilyin, Bulgakov.

THE RUSSIAN UTOPIAN TRADITION IN THE CONTEXT OF CHANGING RESEARCH PARADIGMS

Taisia S. Paniotova (Southern Federal University)

The article is devoted to the transformation of the utopia study paradigm. It refers to the changing content of utopia as well as attitudes towards it in various historical contexts. The concept of the Russian utopian tradition is analyzed; it is shown that the traditional utopian tradition was understood as a set of utopian socialism works within a certain genre orientation. The necessity of the departure from philological

and political science interpretations of utopia and its comprehensive study using culturological approaches is substantiated.

Keywords: utopia, Russian utopia, utopian socialism, utopia studies.

RUSSIAN CULTURE UNDER MODERNIZATION AS A “CROSSROADS” OF WESTERN AND NON-WESTERN UTOPIAN TRADITIONS

Alexander I. Pigalev (Volgograd State University)

The paper is devoted to the analysis of the interaction of the attendant utopias of modernity with the utopian tradition that is inherent in Russian culture. The ideology of modernity, having exceeded the bounds of its natal place, influenced not only its own decelerated inner spheres but also neighboring societies, which in exactly the same way were considered to be decelerating and had to queue up for modernization. The modernization of those societies gave rise to a syncretic utopian imagination that often relied on archaic hopes and anti-modernist apprehensions. Having combined modernity with tradition, the syncretic utopias tempered the impact of modernization, albeit in certain cases with a shade of dystopia. It is emphasized that such syncretism, which, however, implied a grand narrative, is characteristic of the early period of the modernization of Russia. Hence, the scrutiny focuses on the tracing of the changes in the main principles and schemata of syncretic utopian imagination “at a crossroads of utopias” in the history of Russia up to the encounter with postmodernity. The latter’s ideology, having contravened the very possibility of grand narrative, whittled away the distinction between the utopias and the supposedly realizable projects, including modernity itself.

Keywords: modernity, tradition, utopia, relationships between utopias, grand narrative, little narrative, syncretism.

ASSEMBLING THE “SOCIAL” IN UTOPIAN DISCOURSE

Sergey V. Rassadin (Tver State University; Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences)

Natalia N. Kozlova (Tver State University)

The topic of utopia is one of the most relevant and debatable in socio-philosophical discourse. The authors believe that the uniqueness of utopian discourse lies in its constructivist potential, in the fact that its object is not a partial improvement of the social system, but the design

of a new holistic model of society. The purpose of the study is to analyze utopia as a way of constructing society and to consider the mechanisms and models of the assembly of the social. According to the researchers, in the framework of constructing a new “social” project, the “criticism – project” link is fundamental. The authors conclude that the uniqueness of utopian discourse lies in the fact that its object is not a partial improvement of the social system but the design of a new holistic model of society.

Keywords: utopia, the assembly of the social, the construction of society, the model of society, social design.

LABYRINTHS OF RUSSIAN UTOPIAS: WHERE LIES THE BOUNDARY BETWEEN THE PRO ET CONTRA OF IMAGINARY WORLDS

Inga V. Zheltikova (Orel State University named after I.S. Turgenev)

The problem of distinguishing between utopias and anti-utopias is primarily the problem of acceptance or rejection, modeled by a writer or philosopher of the world. The question of who exactly evaluates the fictional world as utopian or dystopian remains open in this approach. The author of the article demonstrates three approaches to assessing social models: internal, authorial, and readerial. As an example, Russian utopias of the 18th–21st centuries are considered. The world of utopia/dystopia is evaluated by the people who inhabit it. In this case, with a dystopian model, the characters declare their disagreement with the existing order of things and oppose it. The external approach is based on the reader’s or the author’s assessment of the described reality, while the author’s position is most often demonstrated with the help of irony and sarcasm, and the reader’s assessment is not expressed in any way in the text of the work.

Keywords: utopia, dystopia, Russian utopias, evaluation criteria.

CHAPTER II.

UTOPIA IN RUSSIA: THE PAST AND THE PRESENT

DIAGNOSIS, PROGNOSIS AND WORLD HISTORY PROJECT: PANARIN’S CONCEPT

Elena V. Zolotukhina-Abolina (Southern Federal University)

The article is devoted to the historiosophical heritage of Alexander Panarin, one of the modern Russian political scientists and culturologists

who reflected on the fate of Russia and the world. Panarin's views stand out, firstly, his ideas about the socio-cultural situation that developed in the 1990s in Russia, qualified in his terminology as "the dominance of the Sea over Land", the United States over Russia, financial capital over production. Secondly, the author's forecast describes the inevitable response that traditional societies, and, above all, Russia, will have to give to the temporary hegemon of modernity, the Anglo-American civilization built on exchange and deception, on the domination of symbolic forms and robbery. From the author's point of view, this will be a worthy answer that can change the course of history. Thirdly, the article shows the project of A. Panarin regarding the spiritual and ideological restructuring of the future Russia, which should, abandoning Western guidelines, work out its own ways. The author sees these paths as the spiritual unity of Orthodoxy, ancient Chinese teachings, and Hinduism, since India and China are also "land civilizations", and they are united with Russia by a common cultural and moral pathos.

Keywords: challenge and response, civilization, culture, Land and Sea, globalist project, anti-globalism, unipolar world, multipolar world.

IMPACT OF UTOPIAN PROJECTS AND ATTEMPTS OF THEIR IMPLEMENTATION ON THE MORAL ATMOSPHERE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE END OF THE XIX-XX CENTURIES

Valentina M. Mapelman (Moscow City University)

Utopian theoretical constructions throughout the history of their existence were not limited only to describing the appearance of the future and the expected, desired (or not desired) social structure. Being addressed to contemporaries, they proved to be able to form in them a positive (or negative) attitude towards themselves, promoting or hindering the aspirations of their implementation. Utopian projects thus revealed a noticeable educational and ideological impact, both on their authors and on their contemporaries. Russia, on the verge of two centuries, with its crisis, contradictory existence, has formed a breeding ground conducive to the perception of utopian ideas as achievable, real, and capable of being implemented in the near future. Adherence to these ideas has demonstrated its own extraordinary stability and independence from the results of attempts to implement utopian projects.

Keywords: utopia, society, ideology, moral atmosphere, social ideal, education.

ALEXANDER HERZEN ON THE THEORIES OF FRENCH SOCIALISTS: FROM “HEROIC INTRODUCTION” TO THE BANAL “MADNESS”

Elena V. Dianova (Petrozavodsk State University)

The article discusses the evolution of the views of the Russian thinker Alexander Herzen regarding the theories of French utopian socialism. Youthful passion for the teachings of Saint-Simon and Fourier is shown. The change in Herzen's attitude toward Saint-Simonism and Fourierism and the attempts of their adherents to implement social utopias in practice by creating communes, phalansters, and colonies, are described. While in exile, Herzen noted the barracks order in the communes, including the Ikaria commune, created in America by the followers of Etienne Cabet. Herzen's position coincided with the opinion of the founders of scientific communism, who believed that the schools of utopian socialists were gradually degenerating into religious sects.

Keywords: French utopian socialism, sensimonism, Fourierism, communes, phalansters.

PREREQUISITES FOR POLITICAL UTOPIANISM OF THE RUSSIAN DRASTIC INTELLIGENTSIA

Stanislav I. Sulimov (Voronezh State University)

This paper is devoted to the analysis of the origins of political utopianism of the Russian drastic intelligentsia, which in the XIX century became a generator of anarchist and socialist ideas. According to the author, the radicalism of the intelligentsia and its very emergence (as a socio-psychological group) are based on the pedagogical system of Betsky, thanks to which representatives of Russian noble youth studied and were brought up in isolation from families, the local environment, and family traditions, but were well acquainted with Western European political ideas.

Keywords: drastic intelligentsia, nobility, spiritual groundlessness, political utopia.

UTOPISM AND POLITICAL MESSIANISM IN SOVIET MYTH-MAKING PRACTICE

Alexey A. Tselykovskiy (Lipetsk State Technical University)

The article analyzes the specifics of myth-making practices at various stages of the development of the Soviet political system. Particular attention is paid to the analysis of the role of political utopia and utopianism as elements that determine the Soviet myth-making practice. Utopianism, influencing the formation of basic ideological concepts, contributes, among other things, to the manifestation and consolidation of political messianism in myth-making practice.

Keywords: myth-making, political messianism, political myth, USSR, utopia.

REALISTICITY AND UTOPICITY OF SOVIET SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION

Evgeny P. Agapov (Rostov State University of Economics (RINH))

Lyudmila P. Pendyurina (Don State Technical University)

The purpose of the report is to identify the realistic and utopian moments of the Soviet system of social protection, whose construction began in 1917. The concept of social protection is used in two senses: narrow and broad. Social protection, in a narrow sense, refers to the policy of the state aimed at improving the situation of those who are in the most difficult situations. According to a broader understanding, social protection is the creation of social relations in which a person can take care of himself. At the heart of the Soviet system of social protection lay the economy, which was governed not by its inherent laws but by the directives of a totalitarian state. Already in the 1960s, it began to suffer serious failures, and with the beginning of Perestroika, a slowdown in economic growth was discovered. Stagnation in the economy gave rise to a crisis in the social sphere, which led to the emergence of the profession of social worker in Russia. We believe that the collapse of the Soviet system of social protection was associated not only with socio-economic reasons but also with its utopian nature. The realism of this system was manifested in the very focus of the state on the organization of social protection in the country, but its attempt to protect all its citizens seems to us not realistic but utopian. As historical experience shows, the state is able to create conditions that help citizens solve their own problems.

Keywords: social protection, Soviet system of social protection, social sphere, charity, social security of workers, social insurance, profession of a social worker.

IMAGE OF THE FUTURE IN THE RUSSIAN NEW AGE MOVEMENT

Alexander N. Raevskiy (Southern Federal University)

The article is devoted to the idea of the future in the domestic segment of new religious movements, close to the New Age movement. The followers of Anastasia, the Flower of Life, Rhythmology, and DEIR talk about the advent of a new century, the transformational transition to which has already begun. It was the mythologeme of the “Age of Aquarius” that made it possible in the West to single out the New Agers as a separate bright direction of the NRM. An analysis of the process of transforming the ideas of Western New Agers and their adaptation to domestic soil is the central theme of the report. Of particular interest are those concepts that contribute to the emergence of new cult practices and structural formations—for example, the concept of future family estates, which is central to the doctrine of the Anastasians, followers of Vladimir Megre.

Keywords: religion, NRD, new age, age of aquarius, Anastasians.

REPRESENTATION OF THE IDEAS OF UTOPIAN SOCIALISM IN EUROPE ON THE REALITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Oleg N. Roshchupkin (Belgorod State National Research University)

This article will explore how the ideas of European utopian socialism were processed and borrowed from the realities of life in the Russian Empire of the XIX century. The history of utopian socialism is very interesting, especially how these ideas flowed from country to country, what specific features there were in this or that country. This topic is interesting to study and provides a unique experience for a historian in the study of both the history of Russia and the history of Europe. The author came to the following conclusion: the utopian socialism of Europe was only a framework for a kind of Russian peasant socialism, and the main ideologists of Russian utopian socialism, specifically revised but did not fully perceive the essence of the utopian socialism of their European colleagues.

Keywords: Utopian socialism, the Russian Empire, populism, A.I. Herzen, N.P. Ogarev, D. Gray, R. Owen.

THE CORRELATION OF CHRISTIAN AND UTOPIAN VIEWS ON THE POLITICAL SPHERE OF SOCIETY

Eduard V. Bondarenko (Voronezh State University)

This work is devoted to the analysis of the relationship between Christian and utopian understandings of politics. The author believes that there are two opposing traditions in Russian political culture that interpret the goal of the political process in a completely different way, as well as the methods used to achieve this goal. This antagonism creates conditions for social contradictions in our society, which is a particular problem and a threat to the stability of society. Understanding this problem is the first condition for finding solutions to the current situation.

Key words: Christianity, Russian socialist utopia, principles of Russian utopian culture, goals and methods in the political process.

CHAPTER III.

UTOPIA AND DYSTOPIA IN ART

IDEAL BEING IN SOVIET NAÏVE ART

Anna A. Suvorova (Herzen University)

Naïve, amateur, and self-taught artists often turn to idea of an ideal being, a fantastic, reference world. The construction of an ideal person and state was part of the cultural policy and Soviet art. It oriented amateur artists to simi-lar themes and imagery. In the 1930s naïve artists had embodied an ideal socialist existence. In the 1960s–1980s the themes of the ideal Soviet state continued to develop through many thematic lines: idyllic pictures of Soviet village (Ivan Sarychev, Afanasy Chepkasov, Nina Varfolomeeva), organization and clarity of Soviet life practices (Sergey Stepanov), prosperity and abundance (Fedor Kamenskikh), achievements of Soviet science and technology and the conquest of space by Soviet man (Nikolai Tyurin).

Keywords: Naïve Art, self-thought art, Soviet Art, dystopia, wonder tale.

UTOPIAN AND DYSTOPIAN PROJECTS IN CONTEMPORARY RUSSIAN ART

Denis M. Gavrilov (Tomsk State University)

The report offers a brief overview of the most revealing utopian and anti-utopian statements in the field of contemporary Russian art. It presents several projects authored by well-recognized artists on the Russian art scene, representatives of completely different (often opposite) political and religious beliefs, working in different styles and techniques — from painting and graphics to installation and computer games. The proposed paper analyzed the thematic works of the authorship of the ZIP Group (Krasnodar), Arseniy Zhilyaev (Voronezh, Moscow), Pavel Pepperstein (Moscow, Prague), Alexei Belyaev-Gintovt (Moscow), as well as the Moscow bands Ice Pick Lodge and AES+F. The projects of these artists also differ in their seriousness — both ironic works and quite specific ideological manifestations are offered for consideration.

Keywords: contemporary art, utopia, dystopia, painting, graphics, installation, video games.

ARCHITECTURAL UTOPIOLOGY IN THE LINE OF RUSSIAN FUTUROLOGY AND PROGNOSTICS

Anna V. Adonina (Samara State Technical University)

Nowadays, domestic architectural theory and history have prerequisites for creation system science aimed at studying the future. Architectural utopology can be considered a priority direction for a new field of knowledge. So architectural utopology can include the historiosophy of architectural utopias, aesthetics, ethics, philosophy, politics, economics, sociology, psychology, and semiotics. Architectural utopology has an intermediate position between the humanities and exact sciences, and is associated with futurology, prognostication, foresight, and futuristic design. In crises, the relevance of these areas of knowledge increases dramatically, which emphasizes the relevance of the study of architectural utopology in line with domestic futurology and prognostication seems to be relevant.

Keywords: architectural utopology, futurology, prognosis, forecasting, future research, designing the future, urban utopia.

IDEAS AND UTOPIAS OF THE SOVIET AVANT-GARDE IN HISTORICAL MEMORY

Andrey G. Ivanov (Saratov State University; Lipetsk State Technical University)

Currently, the media sphere has a significant impact on the content and transformation of historical memory. The image of the USSR and the corresponding connotations remain one of the main ones in modern communicative memory. The very fact of the emergence of Soviet Russia became a kind of embodiment of utopia with the subsequent state-building of the social ideal. The ideas of avant-gardism connected with scientific and technological progress, the cult of machines, and a radical revision of temporality came to the aid of the new state. The article will assess the contribution of Soviet avant-gardists to the formation of the image of the USSR and will also show how the utopias of the Soviet avant-garde are represented in the modern media environment. In particular, the author's attention will be focused on the work of Soviet composers focused on the musical avant-garde; for example, a member of the Association for Contemporary Music A.V. Mosolov, whose composition "Factory: Machine-Music" has recently been actively replicated abroad. It will also be shown how the legacy of the Soviet avant-gardists is being used today. Conclusions will be drawn about the significance and relevance of the Soviet past, about the demand for the constructive potential of the Soviet utopia, and about the popularity of the ideas of avant-gardism.

Key words: soviet avant-garde, historical memory, media environment, utopia, the image of the USSR.

THE CONCEPT OF "GENERALITY", ENCYCLOPEDIISM AND HUMANITY OF RUSSIAN UTOPIANISTS OF THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY (A. BOGDANOV (MALINOVSKY) AND V. KHLEBNIKOV)

Svetlana L. Andreeva (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

Against the background of the widest variety of futurological and utopian experiments of the late XIX – first third of the XX centuries, the literary, scientific, and philosophical projects of V. Khlebnikov and A. A. Bogdanov (Malinovsky) stand out as a humanistic solution to the problem of universal happiness. With obvious originality of talent,

innovation in finding the basis for building their idea of the Future, both thinkers were searching for a universal scientific basis for building the true Happiness of Mankind. Possessing grandiose knowledge in various scientific fields, relying on mathematical calculations, each of them went to build the Future in his own way: A. A. Bogdanov through the development of “universal organizational science” (“Red Star”, “Tectology”), V. Khlebnikov – through the solution of the question of Time (“Zangezi”, “Boards of Fate”). For each of them, language was the most valuable source for understanding the “cultural code” for a Happy Future, the rejection of the state was assessed as a natural and indispensable condition for the development of Mankind, and each nation (for Khlebnikov – and each generation) is valuable for calculating the program of the Future.

Keywords: Concept of “Generality”, encyclopedism, humanity of utopia, Russian utopianists of the first third of the twentieth century, A. A. Bogdanov (Malinovsky), V. Khlebnikov.

THE EUTECHNIES OF BULGARIN’S AND ODOEVSKY’S THROUGH THE PRISM OF HUMAN WELL-BEING

Yuliya A. Rostovtseva (Institute of Arts and Information Technologies)

The utopian worldview is a priori connected with the search for well-being and happiness. Opponents of utopia as well as its supportive researchers accept this postulate. However, in the world of technocratic utopia – eutechnia, human happiness has a very special place. In this world, “all social life, all institutions, relationships, and values are built in accordance with the laws of natural sciences and technology.” The principle of rationality ruling in technocratic utopia, according to E. A. Batalov, acts as a “touchstone of morality, politics, and culture”. But the same principle defines the boundaries and scope of the concept of human happiness. The report will present the dependence of social and individual well-being in the technologies of Bulgarin, Odoevsky, Platonov, and Belyaev on the “benefits” of scientific and technological progress. Special attention will be paid to such categories as personal and family happiness under the conditions of the all-subordinating principle of rationality.

Keywords: utopia, technocratic utopia, eutechnia, Bulgarin, Odoevsky.

«THE LINK OF TIMES. THE NOTES OF THE APPRECIATIVE. IN THE OLD WORLD» BY IGOR EFIMOV AS A «VARIANT» OF «THE PAST AND THOUGHT» BY ALEXANDER HERZEN

Maya. L. Bedrikova (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

The author of the notes “The Link of Times” Igor Efimov belonged to the generation of the “sixties” of the twentieth century, whose representatives perceived the events of the 1960s through utopian-idealistic “glasses”. The author of “The Link of Times” is characterized by the unity of the political, socio-cultural, and literary aspects in the perception of the thaw era. Literature as an art form influenced the mind of Igor Efimov. Utopianism in the thinking of the “sixties” coexists with literary centrism: a modern writer comprehends his own life through the prism of Russian history, philosophy, and great Russian classical literature. The article examines the most important features of Russian national identity from a comparative historical perspective. Autobiographical prose of the Russian diaspora at the turn of the 20th and 21st centuries. (“The Link of Times” by Efimov) develops the tradition of Russian writers and philosophers, which originates from Alexander Herzen.

Keywords: utopianism, literary centrism, literature of the Russian diaspora, Alexander Herzen, Igor Efimov.

THEODOR HERTZKA’S UTOPIAN NOVEL “FREILAND”: RECEPTION IN THE SOVIET LINGUOCULTURE OF THE TWENTIETH CENTURY

Vladimir N. Bazylev (Open University of Humanities and Economics)

The article presents the results of a study of the utopian discourse of Theodor Hertzka’s novel “Freiland”, which is considered as a canon of pragmatic utopia. The historical and sociological background of the study forms the phenomenon of uneven development of cultures, which serves as the basis for complementarity and enrichment of cultures and is one of the main causes of linguistic and cultural conflict. It is shown that the texts of Hertzka, the principles of constructing utopian discourse in them, mastered both in the original language and in Russian translations, formed the basis of Soviet discursive practices until the early 30s. It is stated that for Soviet culture, the translation of discourse into the reality of everyday life turned out to be an unattainable ideal, therefore utopian

socialism remained possible only in philosophical or religious aspect, being perceived only as a projection of an ideal and phantom picture of the world.

Keywords: liberal-socialist discourse, constant, canon, concept, discourse parallels, “Freiland”, Theodor Hertzka.

UTOPIAN WORLDVIEW OF GAITO GAZDANOV

Tatiana B. Batyr (Taraclia State University Gr. Tsamblk, Moldova)

The author considers the utopian attitude of Gaito Gazdanov, a writer of the first wave of Russian emigration, on the basis of the story “Hotel of the Future” and the unfinished novel *Coup*,” and shows the features of his utopian ideas and images coming from the “emotional depths” of consciousness refracted through intercultural conceiving of reality. The writer did not follow the canons of the traditional genres of utopia, dystopia, and negative utopia. His creation is characterized by a utopian-sober view of events in the world and human nature. “Hotel of the Future” is a kind of utopia-dystopia in miniature with elements of parody and grotesque, “*Coup*” represents reflection both upon the idea of justice underlying the project of a “new world and a new society” and upon its implementing in the result of the revolt.

Keywords: Gaito Gazdanov, utopia, Russian emigration, “Hotel of the Future”, “*Coup*”.

HISTORICAL AND LEGAL CONTEXT OF UTOPIC IDEAS OF F.M. DOSTOYEVSKY ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “THE BROTHERS KARAMAZOV”

Nail R. Abdullazade, Elena Yu. Kalinina (Herzen University)

The paper analyzes the utopian ideas of the transformation of the State into the Church, expressed by Ivan Karamazov, one of the heroes of the novel “*The Brothers Karamazov*” by Fyodor Dostoevsky. Without going into a literary analysis, the paper attempts to compare historical examples of societies and ideas that are close to the views of the character mentioned in the work. Although the very utopian views of Ivan Karamazov, which Fyodor Dostoevsky intimates, relate more to the issues of the church court, one of the themes of the novel. However, there have been attempts in history to organize a society without a state based on

the ideas of a religious community, that is, “a state turned into a church,” as Ivan Karamazov claims. The relevance of the study lies in the fact that some utopian projects based on religious beliefs are gaining quite a lot of supporters and followers in the current conditions of political, economic, and international instability. Both radical Islamism and far from religion radical anarchism can serve as an example. At the same time, it should be emphasized that these ideas of building a utopian future differ from classical theocracies. Unlike theocracy, these projects are based on the idea of creating a society without a state. The report provides an analysis of the relationship between the concepts of the State and the Church, as a form of an ideal society’s organization.

Keywords: utopia, utopian projects, F.M. Dostoevsky, Brothers Karamazov, Church, society without a state.

SPECIFICITY AND FEATURES OF FEMINISTIC UTOPIAS

Alina A. Tipikina (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

The article attempts to determine what is the peculiarity of the female utopia, its main features and inherent characteristics. The author refers to the work of the writers-spouses M. and S. Dyachenko, who are a vivid example of the presence of a woman in utopian literary creativity, where a woman plays a key role and is an ideological inspirer. In the article, the author refers to such novels as *The Witch Age* (1997), *Armaged House* (1999), *Pandem* (2002), *Vita Nostra* (2007), *Vita Nostra*. Work on the bugs “(2021). Analyzing the works of writers, the author concludes what problems a woman poses to society and how she proposes to decide what place a woman occupies in an ideal world, whether a utopia can exist in principle.

Keywords: woman, female utopia, gender differences, feminist idea, social problems.

“THE ANDROMEDA NEBULA” BY IVAN EFREMOV: BETWEEN UTOPIA AND DYSTOPIA

Igor N. Tkachenko (independent scholar)

“The Andromeda Nebula” by Ivan Efremov shows a communist society that has reached a dead end in its development. The rational principle developed at the expense of the emotional. Awareness occurs after contact

with an extraterrestrial civilization that has evolved in a different way. The anthropological theory, representing the evolution of humanity through various racial types, has an esoteric origin. Efremov's social views echo his natural science views. If the biological and social laws are the same everywhere, then biological and social evolution must occur in a similar way. The ecological ideas of the writer are of undeniable interest now.

Keywords: utopian, dystopian, science fiction, Ivan Efremov, mythopoetics, extraterrestrial life, extraterrestrial civilizations.

CHAPTER IV. PHILOSOPHY OF UTOPIA

SOCIAL UTOPIA AND ITS STRUCTURE

Valeriy A. Nekhamkin (Bayman Moscow State Technical University)

This article reveals the structure of a social utopia. The basic provisions included in the classical utopia are highlighted. This includes the following theses. Firstly, the removal of the existence of utopia beyond the current social reality. Secondly, the assumption about the possibility of building a society on strictly rational grounds. Thirdly, the mandatory property equality of all members of society as a condition for ensuring its stability. Fourth, the assumption that managers in such a society should be intellectuals, namely philosophers or scientists. The hierarchy of these provisions is established. The problem of the "ideal city" is pointed out as a debatable one in the discussion of the structure of utopia. It is shown that the identification of new basic provisions forming the structure of a social utopia should continue to be identified.

Keywords: utopia, social utopia, utopia structure, basic provisions of utopia.

THE UTOPIAN PROJECT OF «MORAL DEMOCRACY» BY JOSÉ LUIS ARANGUREN

*Lyubov Ye. Yakovleva (State University named after A.N. Kosygin
(Technology. Design. Art))*

The article analyzes the utopian project of "moral democracy" of the greatest ethicist and active participant in the political life of Spain in the second half of the 20th century, José Luis Aranguren. The reconstruction of this project was carried out in the context of Spanish philosophy; special

attention is paid to the influence of the ideas of Ortega y Gasset and Zubiri on the formation of the concept of Aranguren. The views of José Luis Aranguren on the relationship between realized and moral democracy, utopia and reality, new social movements (pacifists, environmentalists, feminists), legal institutions, ethics, and politics. The general and the different in the criticism of neo-capitalist society by the representatives of the Frankfurt School of Social Research and the Spanish thinker are shown. Particular attention is paid to the concept of “intellectual” and its mission in the modern world. The contribution of the utopian project of “moral democracy” by José Luis Aranguren to the peaceful transition of Spanish society from the Francoist authoritarian regime to democracy is discussed.

Keywords: utopia, intellectual, moral democracy, José Luis Aranguren, Spanish philosophy.

CONSCIOUSNESS LIVING OUTSIDE THE BODY: UTOPIA OR REALITY?

*Svetlana V. Novikova (Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev)*

*Evgeniya V. Shtifanova (Ural State University of Architecture and Art
named after N.S. Alferov)*

The authors of the article address the actual problem of human consciousness, namely, their interest is in the question: is consciousness ontologically connected with the brain and physical reality or is it an independent spiritual substance? Do the mental and physical processes of reflecting reality participate in the formation of a kind of “third environment” of comprehension and interpretation of life experience obtained with the help of the senses (taste, color, smell, and emotions)?

“Qualia” and “I”, understood as an inner sense of self, become complex problems. These concepts are complex, because they are defined as something inexpressible. Neurocentrism, as a rule, puts forward arguments in favor of the non-existence of the “I” or the self, since it cannot be shown in the brain.

The authors turn to the analysis of modern philosophical concepts of consciousness, in particular, to the position of “naturalistic dualism” by David Chalmers, to the concept of neuro-constructivism, to the metaphor of the “ego tunnel” by T. Metzinger, to the studies of the brain by Anil

Seth, and to the “modern philosophy of the spirit” by Marcus Gabriel. The authors consider a special turn in the study of consciousness to be the desire of mankind to visualize and endow consciousness with an independent existence, which moves to a qualitatively new level due to the emergence of the artificial world of virtual reality (VR).

The quintessence of reflections says that the idea of consciousness, which exists absolutely independently of physical processes, is a utopia, since all states of consciousness, the inner world of a person is formed on the basis of living experience conditioned by physicality, feelings, and emotions, which are a unique experience of phenomenal existence.

Keywords: “easy and difficult problem of consciousness”, “qualia”, “I”, “ego tunnel”, spirit, the problem of freedom.

THE CONCEPT OF UTOPIA BY RUTH LEVITAS

Maxim A. Romanenko (Southern Federal University)

The author deals with the analysis of the operationalist approach prevailing in modern utopian studies. This approach allows us to rethink the content of utopia: to see in it not the image of an ideal society but the opportunity and skill to wish for the best, to criticize the existing reality, and to create alternatives. A prominent representative of this new understanding of utopia is the British sociologist Ruth Levitas. The proposed concept of “utopia as a method” will be the subject of a detailed analysis in this article.

Keywords: utopia, utopia as a method, Ruth Levitas, IROS.

THE END OF HISTORY. THE END OF UTOPIA. THE END OF FUTURE?

Alexander A. Vlassov (Russian State University for Humanities)

Utopia, as “a place that does not exist”, inevitably accompanies the history of human communities, discovering an increasing number of discourses and acting as an integral constructive element of the future. At the same time, the author pays a special attention to the contradictions that are found within the interpretation of the very term *utopia*, which results in the identification of a multi-level set opposition detected within utopia itself. And this circumstance, in turn, allows the author to raise the questions about how utopia, as a historical phenomenon, finds a place for itself in the conditions of the end of history, the end of the future and,

possibly, the end of itself. In this regard, the article analyzes and suggests possible vectors of the utopian narrative in order to point to the real scenarios of the future that they lead to.

Keywords: utopia, future, the end of history, revolutionary movement, constructivism.

IS THERE A FUTURE IN THE PAST, OR WHAT IS THE INVERTED UTOPIA?

Anastasiya P. Fomenko (National Research Tomsk State University)

It is customary to call utopian social projects that paint a positive image of the future, unlike anything that has gone before. Additionally, there are the so-called retrospective utopias, which see the social ideal in the bygone past. But can retrospective utopias be called utopias at all? And if yes, are they utopian in the same way as the forward-looking projects? What is the dialectic of the relationship between the past and the future in the context of utopia? To try and answer these questions, the author refers to the concept of the inverted world by Hegel and proposes, by analogy, to consider utopias oriented to the past as inverted utopias. Such an interpretation of utopias that seek to correct an inverted social world casts doubt on their ability to do so and opens up a new layer of philosophical questions.

Keywords: future, inverted world, past, retrotopia, utopia.

CHURCH-SECULAR SOCIALITY (UTOPIAN PROJECT BY SERGEI BULGAKOV)

Anna V. Tonkovidova (Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism)

In the philosophy of Sergei Bulgakov, we can define the formation of the concept of church-secular sociality, the state of God-manhood, which is based on the idea of conciliar unity, the idea of unity in the multitude. The features of utopianism in this social project were determined by Vladimir Solovyov, noting the complexity of its actualization in social reality. In many ways, the utopian project of church-secular sociality involves overcoming the one-sidedness of church sociality and secular sociality. With the formation of church-secular sociality, religion will be overcome as an artificial link between man and God, and their organic unity will arise. The symbol of ecclesiastical and secular sociality is “asceticism”

as an ideal example of the social behavior of a person who implements conciliar principles in humility and maximalism of demands in relation to oneself in an active social position. The standard for the reorganization of society exists in the present, in the divine realm.

Keywords: Sergei Bulgakov, utopian project, ecclesiastical and secular sociality, asceticism, sobornost.

CHAPTER V.

UTOPIAS IN POLITICS AND ECONOMICS

ECOTOURISM UTOPIY: A GLOBAL EXPERIMENT AND CAUSES OF ITS FAILURE

Dmitry A. Ruban (Southern Federal University)

Ecological ideas have become popular, and demand for ecological tourism (ecotourism) has become one of the consequences. It is proposed to consider the voluminous realization of the relevant projects in the world as a global utopian experiment. The utopian nature of ecotourism is determined by the difficulty of its realization, as well as by the excessive idealization when serious controversies are ignored. Particularly, this activity results in even higher influence on the environment, diverse socio-economical controversies, and unacceptable radicalization of society. All these together with value conflict and generation-based character of the interest in ecotourism determine the failure of the above-mentioned experiment. However, the rational treatment decreases the degree of utopian in ecotourism making it useful element (at least, correct ethical mark) in the modern tourism activity.

Keywords: activism, idealization, socio-economical controversies, utopian experiment, ecological tourism.

THE IDEA OF “GREAT UNITY” IN UTOPIAN PROJECTS OF J. DE MESTRA AND F.I. TYUTCHEV

Natalya V. Polyakova (St. Petersburg State University)

The French conservative thinker J. de Maistre and the Russian poet, political publicist F.I. Tyutchev, despite their belonging to different cultural traditions, were united by the desire to revive and introduce into political practice the idea of “great unity” formed within the framework

of the Christian tradition, as well as the open use of religious principles as necessary elements of their utopian projects. If de Maistre embodied this idea in the utopian project of a unified Western Europe – a theocracy built on the principles of Catholicism into a kind of confederation under the auspices of the spiritual authority and the political arbitration of the pope, then Tyutchev attempted to recreate this idea in his political utopia already in the image of a unified Eastern Europe, united on the basis of the Orthodox tradition under the rule of the Russian the emperor.

Keywords: political utopia; the idea of “great unity”; theocracy; orthodox empire; J. de Maistre, F.I. Tyutchev.

GAYAZ ISKHAKI’S ESSAY “IDEL-URAL” AS A FUTURISTIC MANIFESTO

Rafail L. Iskhakov (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin)

The essay “Idel-Ural”, written in the Tatar language in 1933, became the political and journalistic manifesto of the Tatar statehood. Gayaz Iskhaki’s journalistic manifesto “Idel-Ural”, reread, is regarded as an ambivalent dichotomy – a phenomenon and a claim. The essay itself is considered as a triune phenomenon – as a phenomenon of utopianism, as a phenomenon of journalism, as a phenomenon of the eastern mentality embodied in the literary and journalistic genre of sayasat-name.

Keywords: Gayaz Iskhaki, Idel-Ural, manifesto, phenomenon and application, utopia, oriental narrative.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF “ESPANOLIDAD”: FROM A UTOPIAN PROJECT TO THE SPANISH DOCTRINE OF NATIONAL UNITY

Alexander D. Tumin (Southern Federal University)

The article is devoted to the stages of the formation of the Spanish doctrine of Espanolidad, which played a key role in the formation of the Civic National Collective Identity. Espanolidad is the touchstone of Spanish Statehood, from the era of the “Catholic Kings” up to the period of the Spanish “transition to democracy”. The doctrine of Espanolidad arose as a product of passeistic, essentially utopian views of Spanish thinkers. The adoption of this doctrine was for them the first stage in

the creation of a future Spanish world Catholic empire. After the victory of Franco in the Civil War the theocratic Espanolidad was muted into the National Catholicism. Democratic transformations of the end of the XX century as well as the restoration of the monarchy made possible the return to Espanolidad but already as the Doctrine of the Spanish National Unity. The principal factor in such an interpretation of Espanolidad is the Constitutional Patriotism which puts an emphasis on ethno-regional solidarity rather than conflict. That allows the incorporation of Espanolidad into the pan-European super-identity.

Keywords: «Espanolidad», «Hispanidad», «National Catholicism», «Quixoticism», «Two Spains».

FEATURES OF THE ADOPTION OF LAWS DURING THE CONSTITUTIONAL CRISIS OF POWER IN RUSSIA IN THE EARLY 1990S: BASED ON THE MATERIALS OF THE GARF FUNDS

Dmitry V. Pluyko (School No. 16, Dolgoprudny)

The paper attempts to characterize the legislative process in Russia during the constitutional crisis of power in 1993. On the basis of unpublished archival materials, the author finds out how the political confrontation between the president and parliament influenced the nature of the development of laws. The article examines the attempts of President Boris Yeltsin and deputies of the Supreme Council to develop coordinated draft laws that were supposed to create the basis for the start of full-scale market transformations in the country. The study showed that the laws adopted by the Supreme Council largely did not satisfy the goals of President Boris Yeltsin and his entourage, as the deputies tried to create a parliamentary republic in Russia with all the consequences arising from this model of government. The opposing sides did not hear each other and did not want to make mutual concessions.

Keywords: Constitutional crisis of 1993, President Boris Yeltsin, deputies of the Supreme Soviet of the RSFSR, legislative process, parliamentary control.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллазаде Наиль Руфат оглы – ассистент (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

Агапов Евгений Петрович – доктор философских наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)).

Адонина Анна Владимировна – кандидат архитектуры, старший преподаватель (Самарский государственный технический университет).

Андреева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова).

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор (Открытый университет экономики, управления и права).

Батыр Татьяна Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель (Тараклийский государственный университет имени Григория Цамблака, Молдова).

Бедрикова Майя Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова).

Бондаренко Эдуард Валерьевич – студент (Воронежский государственный университет).

Власов Александр Александрович – аспирант (Российский государственный гуманитарный университет).

Гаврилов Денис Михайлович – аспирант (Национальный исследовательский Томский государственный университет).

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент (Петрозаводский государственный университет).

Драч Геннадий Владимирович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (Южный федеральный университет).

Желтикова Инга Владиславовна – кандидат философских наук, доцент (Орловский государственный университет).

Золотухина Елена Всеволодовна – доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Иванов Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, зав. кафедрой (Липецкий государственный технический университет; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского).

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – кандидат филологических наук, доцент (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина).

Калинина Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

Козлова Наталия Николаевна – доктор политических наук, зав. кафедрой (Тверской государственный технический университет).

Мапельман Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор (Московский городской педагогический университет).

Нехамкин Валерий Аркадьевич – доктор философских наук, профессор (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана).

Новикова Светлана Валерьевна – кандидат философских наук, доцент (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева).

Паниотова Таисия Сергеевна – доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Пендюрина Людмила Петровна – доктор философских наук, профессор (Донской государственный технический университет).

Пигалев Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник (Волгоградский государственный университет).

Плюйко Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, учитель (МАОУ школа № 16 г. Долгопрудный Московской области).

Полякова Наталья Валерьевна – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет).

Раевский Александр Николаевич – кандидат философских наук, ст. преподаватель (Южный федеральный университет).

Рассадин Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент (Тверской государственный технический университет; Институт философии РАН).

Романенко Максим Андреевич – кандидат философских наук, старший преподаватель (Южный федеральный университет).

Ростовцева Юлия Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель (Институт искусств и информационных технологий).

Рощупкин Олег Николаевич – магистрант (Белгородский государственный национальный исследовательский университет).

Рубан Дмитрий Александрович – PhD, кандидат геолого-минералогических наук, доцент (Южный федеральный университет).

Суворова Анна Александровна – доктор искусствоведения, доцент (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

Сулимов Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент (Воронежский государственный университет).

Типикина Алина Андреевна – аспирант (Орловский государственный университет).

Ткаченко Игорь Николаевич – независимый исследователь.

Тонковидова Анна Викторовна – старший преподаватель (Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма).

Тумин Александр Дмитриевич – кандидат философских наук, преподаватель (Донской педагогический колледж).

Фоменко Анастасия Павловна – аспирант (Национальный исследовательский Томский государственный университет).

Цельковский Алексей Андреевич – кандидат философских наук, доцент (Липецкий государственный технический университет).

Штифанова Евгения Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент (Уральский государственный архитектурно-художественный университет имени Н.С. Алфёрова).

Яковлева Любовь Евгеньевна – доктор философских наук, профессор (Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ГРАНИ УТОПИИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ3

ГЕРЦЕН, ЛЕНИН И... «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»:
ОБ УТОПИЧНОСТИ «СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА»3
Г.В. Драч

РУССКАЯ УТОПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
СМЕНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ8
Т.С. Паниотова

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
КАК «ПЕРЕКРЕСТОК» ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ
УТОПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ15
А.И. Пигалев

СБОРКА «СОЦИАЛЬНОГО» В УТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ..19
С.В. Рассадин, Н.Н. Козлова

ЛАБИРИНТЫ РОССИЙСКИХ УТОПИЙ:
ГДЕ ПРОЛЕГАЕТ ГРАНИЦА МЕЖДУ PRO ET CONTRA
ВООБРАЖАЕМЫХ МИРОВ24
И.В. Желтикова

РАЗДЕЛ II.

УТОПИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 29

ДИАГНОЗ, ПРОГНОЗ И ПРОЕКТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ:
КОНЦЕПЦИЯ А. ПАНАРИНА29
Е. В. Золотухина-Аболина

ВЛИЯНИЕ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ПОПЫТОК ИХ ВОПЛОЩЕНИЯ НА НРАВСТВЕННУЮ АТМОСФЕРУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX-XX ВЕКОВ	34
<i>В.М. Мапельман</i>	
А. И. ГЕРЦЕН О ТЕОРИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ: ОТ «ГЕРОИЧЕСКОЙ ИНТРОДУКЦИИ» ДО БАНАЛЬНОГО «БЕЗУМИЯ»	39
<i>Е.В. Дианова</i>	
ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УТОПИЗМА РУССКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	44
<i>С.И. Сулимов</i>	
УТОПИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕССИАНИЗМ В СОВЕТСКОЙ МИФОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	49
<i>А.А. Цельковский</i>	
РЕАЛИСТИЧНОСТЬ И УТОПИЧНОСТЬ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ.....	54
<i>Е.П. Агапов, Л.П. Пендюрина</i>	
ОБРАЗ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ NEW AGE	60
<i>А.Н. Раевский</i>	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕЙ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА ЕВРОПЫ НА РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	63
<i>О.Н. Рощупкин</i>	
СООТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО И УТОПИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	66
<i>Э.В. Бондаренко</i>	
РАЗДЕЛ III.	
УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ	71
ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО БЫТИЯ В СОВЕТСКОМ НАИВНОМ ИСКУССТВЕ	71
<i>А.А. Суворова</i>	

(АНТИ)УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ.....	75
<i>Д. М. Гаврилов</i>	
АРХИТЕКТУРНАЯ УТОПИОЛОГИЯ В РУСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ И ПРОГНОСТИКИ.....	81
<i>А.В. Адонина</i>	
ИДЕИ И УТОПИИ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	87
<i>А.Г. Иванов</i>	
КОНЦЕПТ «ВСЕОБЩНОСТЬ», ЭНЦИКЛОПЕДИЗМ И ГУМАНИЗМ РУССКИХ УТОПИСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА (А. БОГДАНОВ (МАЛИНОВСКИЙ) И В. ХЛЕБНИКОВ).....	94
<i>С. Л. Андреева</i>	
ЭВТЕХНИИ БУЛГАРИНА И ОДОЕВСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	99
<i>Ю.А. Ростовцева</i>	
«СВЯЗЬ ВРЕМЁН. ЗАПИСКИ БЛАГОДАРНОГО. В СТАРОМ СВЕТЕ» И. М. ЕФИМОВА КАК «ВАРИАНТ» «БЫЛОГО И ДУМ» А.И. ГЕРЦЕНА	103
<i>М. Л. Бедрикова</i>	
УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН Т.ГЕРЦКИ «ФРИЛАНДИЯ»: РЕЦЕПЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ХХ В.....	107
<i>В.Н. Базылев</i>	
УТОПИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА.....	112
<i>Т. Б. Батыр</i>	
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ».....	118
<i>Н.Р. Абдуллазаде, Е.Ю. Калинина</i>	
СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ	123
<i>А.А. Типикина</i>	

«ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» И.А. ЕФРЕМОВА: МЕЖДУ УТОПИЕЙ И АНТИУТОПИЕЙ.....	128
<i>И.Н. Ткаченко</i>	
РАЗДЕЛ IV.	
ФИЛОСОФИЯ УТОПИИ	133
СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА.....	133
<i>В.А. Нехамкин</i>	
УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «МОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ» Х.Л. АРАНГУРЕНА.....	137
<i>Л. Е. Яковлева</i>	
СОЗНАНИЕ, ЖИВУЩЕЕ ВНЕ ТЕЛА: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....	145
<i>С.В. Новикова, Е.В. Штифанова</i>	
КОНЦЕПЦИЯ УТОПИИ РУТ ЛЕВИТАС.....	149
<i>М.А. Романенко</i>	
КОНЕЦ ИСТОРИИ. КОНЕЦ УТОПИИ. КОНЕЦ БУДУЩЕГО?..	152
<i>А.А. Власов</i>	
ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ УТОПИЯ НАИЗНАНКУ?	158
<i>А.П. Фоменко</i>	
ЦЕРКОВНО-СВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ (УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ С. БУЛГАКОВА).....	162
<i>А.В. Тонковидова</i>	
РАЗДЕЛ V.	
УТОПИИ В ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ	166
ЭКОТУРИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРИЧИНЫ ЕГО КРАХА	166
<i>Д.А. Рубан</i>	
ИДЕЯ «ВЕЛИКОГО ЕДИНСТВА» В УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ Ж. ДЕ МЕСТРА И Ф.И. ТЮТЧЕВА.....	170
<i>Н.В. Полякова</i>	

ОЧЕРК ГАЯЗА ИСХАКИ «ИДЕЛЬ-УРАЛ» КАК ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ	174
<i>Р. Л. Исхаков</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЕСПАНЬОЛИДАД»: ОТ УТОПИЧЕСКОГО ПРОЕКТА К ИСПАНСКОЙ ДОКТРИНЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА	181
<i>А.Д. Тумин</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА ВЛАСТИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГАРФ	185
<i>Д.В. Плюйко</i>	
ABSTRACTS	190
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	211

Published according to the decision of the Conference Organizing Committee.

Utopian Projects in the History of Culture: proceedings of the 4th National Scientific Conference “Utopian Projects in the History of Culture” themed “Russian Experience of Framing the Future”. Rostov on Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2023.

The book consists of papers submitted at the 4th National Scientific Conference «Utopian Projects in the History of Culture» themed «Russian Experience of Framing the Future», which was held at the Southern Federal University (Rostov on Don) on 26-28 October 2022.

The conference theme was not chosen by chance. Last year was a jubilee year for some significant events in Russian history: the 210th anniversary of Alexander Herzen, the 100th anniversary of the foundation of the USSR, and the 100th anniversary of the «philosophical steamer». The participants were invited to continue the tradition of comparing different positions in the study of utopia and dystopia, discussing topical problems of the functioning of utopian consciousness in society and new fundamental approaches that allow us to cover both the value dimension of utopia and its ontological and epistemological foundations. In the current situation, it seems especially important to comprehend the place and role of utopia in Russian culture, analyze the features of the Russian utopian tradition and the diversity of its forms, and most importantly, identify the critical side of utopia and its positive content. The presented texts illustrate the main directions of the conference and outline new approaches to the study of (anti)utopia.

Published in the author's edition.

ISBN 978-5-9275-4437-0

© Copyright by Southern Federal University, 2023

© Copyright by the authors, 2023

Научное издание

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

материалы

IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции

«Утопические проекты в истории культуры»

на тему «Российский опыт конструирования будущего»

UTOPIAN PROJECTS IN THE HISTORY OF CULTURE

Proceedings of

the 4th National Scientific Conference “Utopian Projects in the History of Culture”

themed

“Russian Experience of Framing the Future”

Подписано в печать 22.08.2023 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. лист.12,79.

Уч. изд. л. 12,02. Заказ № 9131. Тираж 100 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.